

Антонина Сошина

НА СОЛОВКАХ ПРОТИВ ВОЛИ:

судьбы и сроки
1923–1939

Соловки · Москва
Издательство ТСМ · 2021

УДК 94(47).084.5-6
ББК 63.3(2)615-4
С69

Редакционная коллегия:

В. Аксюциц-Лаушкина, А. Лаушкин, В. Матонин, С. Рапенкова

Художественный редактор

С. Рапенкова

Сошина А.А.

С69 На Соловках против воли: судьбы и сроки. 1923–1939. Издание 3-е. —
Соловки; М.: «Издательство ТСМ», 2021. — 232 с. : ил.

ISBN 978-5-6042385-6-1

Сборник статей соловецкого историка Антонины Алексеевны Сопиной (1949–2013), посвященных истории Соловецких лагерей ОГПУ и тюрьмы ГУТБ НКВД СССР, знакомит читателя с судьбами людей, попавших на Соловки не по своей воле в годы репрессий. Книга предназначена как для специалистов-историков, так и для читателей, неравнодушных к отечественной истории.

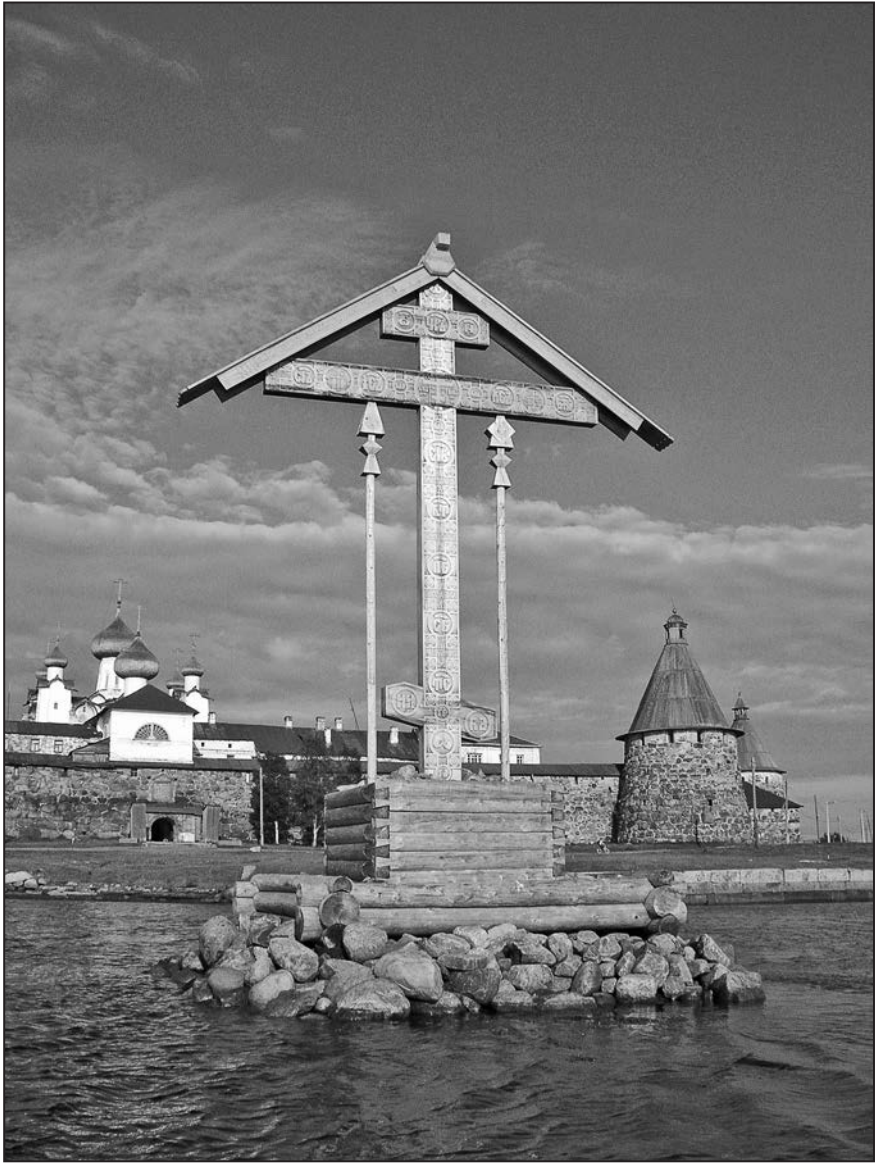
УДК 94(47).084.5-6
ББК 63.3(2)615-4

ISBN 978-5-6042385-6-1

© Сошина А.А., 2004–2013
© Товарищество Северного Мореходства, 2021
© Рапенкова С.В., макет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Слово наместника Соловецкого монастыря	5
От редколлегии	6
Об историографии темы (А. Степанов)	7
А.А. Сошина. Биографическая справка (А. Мартынов)	11
Родина ГУЛАГа. Вместо предисловия	13
«Наш путь — смиренная преданность Отцу Небесному» (Исполнение пастырского долга в условиях лагеря. Свидетельства очевидцев)	21
«Подстреленные на взлете» (молодежь в лагере на Соловках)	35
Репрессированная наука (ученые в заключении на Соловках)	53
Творческая интеллигенция на Соловках	73
Поверженное воинство (о военных заключенных СЛОНа)	95
Музей Соловецкого общества краеведения (1925-1937)	129
«На Вас вся надежда...» (письма заключенных Е.П. Пешковой)	145
«Мутный призрак свободы» (о побегах с Соловков в 1923–1939 гг.)	169
Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.): основные события, статистика заключенных, организационная структура	183
Реестр зданий Соловецкой тюрьмы по балансу на 1 января 1939 г.	203

СЛОВО НАМЕСТНИКА

Выход в свет книги Антонины Алексеевны Сопиной — подвижника изучения соловецкой истории, посвятившей островам почти 45 лет жизни — большая радость. Она была не только одним из самых авторитетных специалистов, но и человеком, который светился любовью к Соловкам и умел передать эту любовь другим.

Значительную часть творческих сил Антонины Алексеевны отдавала исследованию Соловецких лагерей особого назначения (СЛОН) и Соловецкой тюрьмы ГУГБ СССР. Во многих направлениях этой работы она была первопроходцем.

Ее статьи никого не оставят равнодушным. Причиной тому — тщательная, свойственная настоящему ученому работа с источником и одновременно необыкновенно искреннее сопереживание людям, о которых она пишет. Читатель найдет в книге очерки о молодежи, о творческой интеллигенции, об ученых и военных, прошедших Соловки. Особенно значим ее вклад в изучение судеб пострадавших за свою веру священнослужителей и мирян.

Работы Антонины Алексеевны побуждают думать, искать и находить ответы на главные мировоззренческие вопросы, которые поставил перед нами XX век. Не изучая этот век в духовном аспекте, не вглядываясь в христианскую составляющую жизни людей того времени, раскрывшуюся наиболее полно в подвиге российских новомучеников, понять и оценить прошлое невозможно.

Зло всегда борется с добром, и христианская победа добра над злом совершается внутри той вселенной, что именуется «человеческая личность». «В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас — уничтожением; но они пребывают в мире» (Прем. Сол. 3:2–3). Таков непреложный закон духовной победы и ключ к пониманию пережитого страной исторического опыта. Личная победа такого масштаба не может не иметь неисчислимых благотворных последствий для общества — близких, соотечественников, всего человечества: ведь всего ради десяти праведников Господь пощадил бы города Содом и Гоморру (Быт. 18:32).

Антонина Алексеевна была по-настоящему верующим человеком, и это, наверное, главное, что давало ей силы и вдохновение писать о соловецкой истории XX века так, как она писала — не безысходно, а с ощущением внутреннего света, который «во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5).

Верю, что книга ее избранных произведений обогатит читателя не только ценным фактическим материалом, но и поможет разобраться во многих сложных вопросах истории Отечества и человеческой жизни.

**Архимандрит Порфирий (Шутов), наместник Спасо-Преображенского
Соловецкого ставропигиального мужского монастыря**

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Эта книга составлена из статей, написанных Антониной Алексеевной Сошиной для альманаха «Соловецкое море» и опубликованных в нём с 2004 по 2013 год. О том, чтобы собрать эти статьи в один том, мы говорили ещё с Антониной Алексеевной, и она успела написать для книги предисловие.

К теме лагеря и тюрьмы на Соловках А.А. Сошина подходила со строгостью ученого-историка. Книжные полки в её доме были заставлены пухлыми папками архивных выписок, собиравшихся годами. Однако эта тема не была для неё сугубо академической. Ужас, боль и светлое величие той эпохи проходили сквозь её доброе и чуткое сердце. Антонина Алексеевна никогда не говорила высоких слов о своей работе. Но нельзя было усомниться, что погружаясь в трагический мир тех лет, она шла по мучительному для себя пути, на который её неумолимо толкала совесть гражданина и верующего человека.

Замечательным качеством А.А. Сошиной была редкая научная щедрость. Она с радостью консультировала всех, кто обращался к ней с вопросами, делилась своими материалами, в том числе и почерпнутыми в архивах, правила чужие статьи и книги. Последней научной работой Антонины Алексеевны оказалось редактирование 1-го тома капитальной антологии «Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг.», издание которой было начато Соловецким монастырем в 2013 году.

Эта книга — долг нашей памяти и теплой признательности Антонине Алексеевне Сошиной. Радость общения с ней мы знали на протяжении многих лет, и называть ее другом для нас большая честь.

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ТЕМЫ

Чтобы читатель мог представить себе значение огромной исследовательской работы, проделанной А.А. Сопиной, необходимо показать тенденции, связанные с изучением Соловецких лагерей в отечественной историографии постсоветского периода. Ограничимся отдельными примерами из многочисленного перечня работ, появившихся за последнюю четверть века. Мы также не будем вдаваться в перипетию борьбы между историками и публицистами, представляющими различные школы, методы и направления, а также политические платформы, предполагая, что для неспециалистов это вряд ли представляет особый интерес, а для знатоков темы подобное уже не является секретом. Тем более, что Антонина Алексеевна не принадлежала к каким бы то ни было политическим группировкам.

Еще до распада Советского Союза и сразу после этого материал, связанный с историей Соловецких лагерей, появился в изданиях, носящих регионально-краеведческую направленность (что было вполне естественно). Началось изучение различных сторон деятельности лагеря на Соловецком архипелаге¹. Большая заслуга по сбору персональных данных об узниках СЛОНа принадлежит обществу «Мемориал». Обратим внимание на то, что уже тогда имя А.А. Сопиной фигурировало в ряде изданий, например — в материалах по истории политических репрессий в СССР. В первом выпуске исторического альманаха «Звенья», созданном при ее участии, публиковались документы из государственных и личных архивов, мемуары, записи устных рассказов, отражали судьбы крестьянства и интеллигенции, деятельность общественных организаций, история лагерей и тюрем и трагедии конкретных людей². В 1990-е гг. началось изучение экономических вопросов, связанных с деятельностью лагерной экономики СССР³. Значение этих исследований заключается в том, что их авторы положили начало комплексной разработке данной темы.

Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Отдельные авторы не всегда критически подходят к публицистическим работам по данной теме, принимая на веру подлинность описываемых в них событий и даже считая различные мифы и легенды, дошедшие до нашего времени, едва ли не документами новейшей истории. Особенно это относится к ставшему легендарным еще с советского периода «Архипелагу ГУЛАГ» А.И. Солженицына. Ссылаться на них стало модой и признаком хорошего тона. Так, например, справочник «Система

¹ См., например: ГУЛАГ на Севере: воспоминания, письма, стихи, документальные материалы (Архангельская область) / сост. М.В. Буторин, А.В. Сметанин. Архангельск, 1991; ГУЛАГ в Карелии: Сборник документов и материалов. 1930–1941 / Сост. А.Ю. Жуков и др.; науч. ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1992.

² См., например: Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1.

³ См., например: Трус Л.С. Зеркало реального социализма или введение в экономику и социологию принудительного труда // Возвращение памяти. Новосибирск, 1994. Вып. 2; Эберджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 89–103.

исправительно-трудовых лагерей в СССР» был опубликован со следующей пометкой его авторов-составителей: «К 25-летию выхода в свет книги А.И. Солженицына „Архипелаг ГУЛАГ“»⁴. «В советское время использование подневольного труда заключенных стало реальным фактором экономического развития страны. Так постепенно разрасталась система, которой Александр Солженицын дал образное имя „Архипелаг ГУЛАГ“, — указывали авторы-составители справочника «ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960»⁵.

Признавая огромное значение книги А.И. Солженицына и стоящих рядом с ней трудов (особенно на момент их появления), авторам вряд ли стоит доверять всем указанным в них сведениям. Некритичный подход ряда исследователей к фактам и цифрам, не говоря уже о заимствовании откровенной дезинформации, позволял представителям консервативного направления отечественной историографии ГУЛАГа ставить под сомнение научную достоверность всего, что публикуют оппоненты. Выступая на исторических чтениях в Центре общественных связей ФСБ РФ, проведенных в декабре 2000 г., Ю.Н. Моруков, говоря о ряде работ, выполненных в 1990-х гг., отмечал следующее: «Среди проблем истории XX в. наибольшим количеством легенд и мифов обросли проблемы, связанные с историей ГУЛАГа. Наибольшим искажениям подвергались статистические данные о численности и смертности заключенных. С легкой руки некоторых литераторов и публицистов, в том числе и зарубежных, по страницам ... некоторых исследований гуляли фантастические цифры численности заключенных, погибших и умерших в ИТЛ и ИТК. ... Некоторые авторы довели число погибших в местах лишения свободы до 50 миллионов. Подобные утверждения имеют место быть и до настоящего времени, несмотря на опубликованные документы с реальными цифрами. Способствует этому и отсутствие развернутых исследований на данную тему. Историков подводит недостаточное знание предмета и отсутствие навыков работы со статистикой. Даже те исследователи, которые добросовестно изучают вышеназванную тему, подчас путаются в материале и не могут выделить имеющиеся там сведения»⁶.

К счастью, подобные слова никак нельзя отнести к работам А.А. Сопиной. От ряда других исследователей ее выгодно отличало следующее.

Во-первых, историей Соловецких лагерей она начала заниматься еще до распада СССР, то есть была в рядах первооткрывателей этой темы. Уже в 1989 г. Антонина Алексеевна готовила первую в СССР музейную экспозицию, посвященную советской лагерной системе.

Во-вторых, для многих исследователей, изучавших ГУЛАГ в общем, комплексном виде, Соловецкие лагеря представляли важной, но все-таки составляющей,

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1998. С. 3.

⁵ ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 7.

⁶ Моруков Ю.Н. Статистика ГУЛАГа — мифы и реальность / Исторические чтения на Лубянке. М.; Великий Новгород, 2001. С. 142. Вып. 4.

частью истории громадной лагерной системы СССР. Многие базовые элементы ГУЛАГа оставались неизвестными отечественным специалистам до конца 1990-х гг.⁷ Антонина Алексеевна занималась историей Соловецких лагерей более детально, чем те, кто разрабатывал общие проблемы истории становления и развития репрессивной системы.

В-третьих, Антонина Алексеевна успела собрать уникальный архив по узникам, прошедшим через Соловки, и обладание этой уникальной базой данных выгодно отличало ее от многих коллег-историков. Несмотря на уникальность этой базы, она охотно делилась своими знаниями с теми, кому они могли пригодиться в научной работе.

Постепенный процесс рассекречивания документов госархивов и соответствующих силовых ведомств⁸, позволил историкам получить доступ к различным ранее неизвестным источникам. Накопление фактического материала привело к качественному прорыву по различным вопросам истории репрессий на Севере России и деятельности северных лагерей. В XXI в. растет количество разнообразных исследований многих авторов, в том числе М.Н. Супруна⁹, Н.В. Упадышева¹⁰, В.Г. Макурова¹¹, уже упоминавшегося выше Ю.Н. Морукова¹², А.А. Киселева¹³, А.Н. Кустышева¹⁴, Д.Б. Павлова¹⁵ и других. Ряд этих работ был посвящен функционированию Соловецких лагерей. Научная значимость изучения памятников эпохи

⁷ Обратим внимание, что еще в 1998 г. авторы-составители справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960» указывали, что «мы до сих пор так и не знаем в точности, сколько же было лагерей в Советском Союзе, где они находились, как они возникали и умирали, чем занимались и сколько заключенных содержалось в каждом из них (даже базовый термин лагеря до сих пор употребляется крайне расплывчато, соответствуя в различных описаниях объектам самого разного уровня — от отдельного лагерного пункта до региональной лагерной агломерации). См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 6.

⁸ Так, авторы-составители справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960» отмечали: «Практически недоступно даже краткое описание документов Центрального архива МВД РФ, выпущенное в 1988 г. для служебного пользования» (см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 7). Из недавних примеров можно вспомнить уголовное дело историка Михаила Супруна.

⁹ Супрун М.Н. Политическая ссылка на Архангельский Север // Поморская энциклопедия: В 5 т. / гл. ред. Н.П. Лаверов. Т. 1: История Архангельского Севера / гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2001. С. 311–312.

¹⁰ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004; Его же. От Соловков к ГУЛАГу: зарождение советской лагерной системы // Отечественная история. 2006. № 6. С. 85–94.

¹¹ Макуров В.Г. Роль ГУЛАГа в индустриальном развитии Карелии. 1920–1930-е годы // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального науч. симпозиума. Сыктывкар, 2004. С. 128–136.

¹² Моруков Ю.Н. Соловецкий лагерь особого назначения (1923–1933 гг.) // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2004. Вып. 3. С. 122–129.

¹³ Киселев А.А. ГУЛАГ на Мурмане: репрессии 30–50-х годов XX века на Кольском полуострове: очерки. Мурманск, 2008.

¹⁴ Кустышев А.Н. Ухтижемлаг. 1938–1955. Ухта, 2010.

¹⁵ Павлов Д.Б. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ. 1923–1933 гг. // Репрессированная интеллигенция, 1917–1934 гг. М., 2010. С. 320–403.

ГУЛАГа определяется немалым потенциалом содержащейся в них информации. В связи с этим, с 2005 г. коллективом Археологической экспедиции Поморского Государственного Университета (ныне — САФУ) проводились исследования культурного слоя на территории Соловецкого архипелага, сохранившего, в том числе, свидетельства истории Соловецких лагерей. Полученные данные послужили М.В. Шульгиной основой для выработки концепции нового научного направления — археологии ГУЛАГа¹⁶. Отметим появление одной из первых диссертационных работ, в которой поставлен вопрос о роли и месте ГУЛАГа в советском обществе¹⁷. Необходимо также обратить внимание на библиографический справочник, непосредственно посвященный тематике Соловецких лагерей¹⁸.

Именно в это время на страницах ежегодного альманаха «Соловецкое море», издаваемого Товариществом Северного Мореходства, были опубликованы статьи А.А. Сопиной, которые вошли в представленный сборник. Эти работы охватывают период последних десяти лет ее жизни и творчества и посвящены детальному анализу условий жизни попавших в Соловецкие лагеря различных социальных категорий населения СССР, а также истории самих лагерей и Соловецкой тюрьмы в 1923–1939 гг.

**Алексей Степанов, д. и. н., научный сотрудник
Русского Фонда содействия образованию и науке (Москва)**

¹⁶ Подробнее об этом см: Шульгина М.В. (в соавт.). Исследования гончарного завода Соловецкого монастыря // Археологические открытия 2006 года / Институт археологии РАН. М., 2009. С. 102–103; Она же... Становление археологии ГУЛАГа (по материалам исследований на Соловецком архипелаге) // Соловецкий сборник. Архангельск, 2012. Вып. 8. С. 34–48; Шульгина М.В. (в соавт.). Коллекции археологической экспедиции ПГУ (САФУ): сборы 2010–2011 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2012. Вып. 8. С. 193–198.

¹⁷ Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х годов): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2002.

¹⁸ СЛОН–СТОН. Соловецкие лагеря и тюрьма особого назначения (1923–1939): Рекомендательный указатель литературы / сост. М.А. Смирнова и др. Архангельск, 2003.

Антонина Алексеевна Сошина

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Антонина Алексеевна Сошина (в девичестве — Новожилова) родилась 1 февраля 1948 г. в деревне Ильинское Каргопольского района Архангельской области в семье рабочих. Окончив в 1966 г. школу, Тоня Новожилова поступила на историко-филологический факультет Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова (отделение истории). В 1969 г. она перешла на заочное отделение и начала работать в Соловецком историко-архитектурном музее-заповеднике (филиале Архангельского областного краеведческого музея). Пройдя нередкую для тех лет практику в должности смотрителя и организатора экскурсий, в том же 1969 г. Антонина Алексеевна была переведена на должность младшего научного сотрудника филиала, а в 1971 г. стала главным хранителем фондов. В этой должности она проработала до 1982 г. В июле 1971 г. закончила Архангельский педагогический институт по специальности «Учитель истории и обществоведения». В 1977 г. вышла замуж за В.В. Сошина — архитектора-реставратора (к настоящему времени уже более 40 лет занимающегося исследованием и реставрацией памятников Соловецкого монастыря). В 1979 г. у Сошиных родился сын Алексей, ставший, как и отец, архитектором.

В 1980–1990-е годы Антонина Алексеевна работала в Соловецком государственном историко-архитектурном и природном музее-заповеднике на разных должностях: библиотекарем отдела научной пропаганды, старшим научным сотрудником, заведующей сектором истории промыслов и ремёсел, ведущим научным сотрудником научно-экспозиционного отдела. Общий стаж Сошиной в музее составил более 26 лет.

Как сотрудник Соловецкого музея-заповедника А.А. Сошина оставила яркий и глубокий след в его развитии, внесла большой вклад в дело изучения истории Соловецкого монастыря, Соловецкого лагеря особого назначения и Соловецкой школы юнг Северного флота, а также популяризацию научных знаний об истории и культуре Соловков.

В период становления музея-заповедника Антонина Алексеевна принимала активное участие в создании выставок и первой стационарной экспозиции, формировании научного архива и научной библиотеки, в комплектовании музейных коллекций предметами соловецкого происхождения, найденными и привезёнными

ею с территорий бывших вотчин Соловецкого монастыря в Беломорье и более отдалённых районов Карелии, Архангельской и Мурманской областей. В ряду научных сотрудников музея она была одним из наиболее активных членов этнографических и историко-бытовых экспедиций (её первая экспедиция состоялась в 1972 г., последняя — в 1988 г.), дольше всех работала в государственных архивах страны (первая архивная командировка — 1971 г., последняя — 2013 г.), участвовала в создании наибольшего числа экспозиций и выставок. Сложно переоценить вклад А.А. Сопиной как главного хранителя в изучение и сохранение музейных предметов, разработку документации по разным направлениям музейной деятельности, в иных видах музейных работ.

Предметом научных интересов Антонины Алексеевны были, прежде всего, три основные темы: «Историко-художественные ценности Соловецкого монастыря», «Соловецкая школа юнг Северного флота. 1942–1945 гг.» и «Соловецкие лагеря особого назначения. 1920–1939 гг.». Первая из них нашла отражение в Списках историко-художественных ценностей, выявленных А.А. Сопиной и её коллегами в фондах государственных музеев страны, а также в научных справках, составленных для внутреннего музейного пользования. Занимаясь сбором и обработкой документов и материалов, иллюстрирующих историю Соловецкой школы юнг, Антонина Алексеевна осуществляла живую, интересную и очень трогательную связь музея с бывшими юнгами.

В 1980-е гг. Антонина Алексеевна стала одним из первых исследователей темы Соловецких лагерей. В 1989 г. вместе с сотрудниками музея А. Мельник, А. Баженовым, Ю. Бродским она подготовила первую в стране (и в мире) музейную экспозицию, посвященную советской лагерной системе. Антонина Сопина много работала в архивах, по крупицам собирала воспоминания, вела обширную переписку с бывшими заключёнными и их родственниками, создала картотеку политических заключённых, отбывавших срок на Соловках. За 30-летний период изучения истории Соловецких лагерей и тюрьмы ГУГБ СССР, она снискала широкую известность глубокого, честного, кропотливого исследователя.

Уволившись из Соловецкого музея-заповедника в 1994 г., А.А. Сопина по приглашению наместника Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря архимандрита Иосифа (Братищева) занялась организацией церковно-археологического кабинета возрождаемой обители, в котором проработала до 2010 г.

4 августа 2013 г. Антонины Алексеевны не стало. Её статьи, собранные в настоящем сборнике, не только познакомят читателя со многими страницами лагерного прошлого Соловков, но и послужат сохранению памяти о замечательном ученом.

**Александр Мартынов, заместитель директора по научной работе
Соловецкого государственного историко-архитектурного
и природного музея-заповедника**

Родина ГУЛАГа

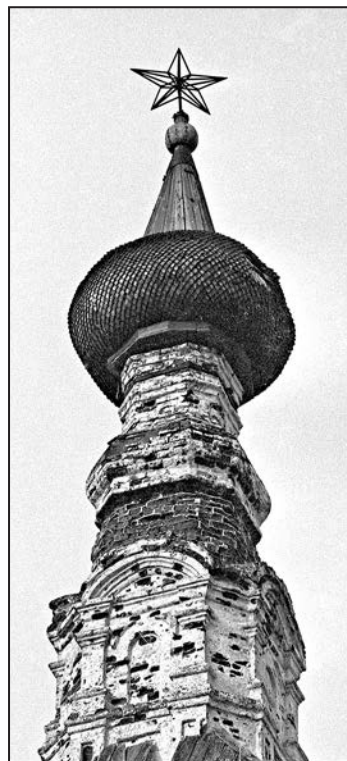
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Декретом ВЦИК от 15 апреля 1919 г. предписывалось создание лагерей принудительных работ при отделах управления Губисполкомов, и уже в октябре того же года в Архангельской губернии было принято решение о создании первого такого лагеря, который открылся в Шенкурске, но существовал недолго, и в мае 1920 г. заключенных перевели в Холмогоры. В Архангельске формируется Управление лагеря принудительных работ (впоследствии Управление Северными лагерями). Лагеря были созданы также в Архангельске и Пертоминском монастыре, расположенном в 120 км от Архангельска на берегу Белого моря.

Весной 1920 г. был закрыт Соловецкий монастырь. В конце апреля сотрудника Архгубчека С.А. Абакумова назначили комендантом Соловецких островов и отправили на острова для осуществления подготовительных работ по организации лагеря принудительных работ. Уже через месяц лагерь был создан, вместе с конвоем он насчитывал до 350 человек. Кроме лагеря на Соловках был организован совхоз «Соловки».

Разбросанные в разных местах Северные лагеря создавали массу проблем по их охране и организации обслуживания. Поэтому в середине 1922 г. Архангельский губотдел ГПУ начинает активные действия по изучению обстановки на островах и возможности использовать уже имеющийся лагерь в качестве базы для создания лагеря особого назначения. Из трех возможных мест для организации такого лагеря — г. Онеги, Пертоминского монастыря и Соловков — последние подходили лучше всего: островное положение почти исключало возможность побега, от монастыря осталось много жилых и хозяйственных построек, что позволило бы сразу разместить большое количество заключенных. На островах существовала и серьезная база для ведения хозяйства — инвентарь, скот, флот, не до конца разграбленные и уничтоженные совхозом.

7 июня 1923 г. на Соловки была привезена первая партия заключенных — около 300 «политиков» — правых и левых эсеров, меньшевиков, анархистов,

Колокольня Соловецкого монастыря. Конец 1970-х гг.
Фотография О.В. Каплина

содержавшихся с 1922 г. в Пертоминске. К середине июня специальная комиссия приняла хозяйство от совхоза, все рабочие получили расчет. Началась перевозка на Соловки заключенных из Холмогор, Архангельска, и уже к 20 сентября на Соловках содержалось 3049 человек заключенных, в числе которых было немало представителей старой интеллигенции, дворянства, офицеров, священников. Следует отметить, что состав заключенных на протяжении всего существования лагеря и тюрьмы был очень пестрым как по национальному, так и по социальному, возрастному составу и роду преступлений. Здесь содержались осужденные не только по 58-й статье, но много было и уголовников. К 15 декабря приказом № 527 заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды Северные лагерь принудительных работ и Управление лагерями «г. Архангельска, Холмогор и Пертоминска» были переведены на Соловки¹.

В документах 1920-х гг. встречаются различные названия лагеря: лагерь принудительных работ ОГПУ на Соловецких островах; Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ; Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ; Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ; но чаще — Соловецкие лагерь Особого назначения ОГПУ.

Вначале все заключенные мужчины размещались на территории монастыря, который стали называть кремлем, женщины — в деревянной монастырской Архангельской гостинице, но постепенно были заняты все скиты, пустыни и тони. Появились шесть отделений лагеря, при этом Пятое отделение располагалось на Кондострове в 100 км от Соловецкого архипелага. С конца XIX в. этот небольшой остров принадлежал монастырю, и там был устроен скит. Недалеко от Кеми на Поповом острове, который переименовали в «остров Революции», был организован пересыльный пункт, где останавливались все этапы на Соловки, а прибывшие зимой ждали наступления навигации. Управление лагеря первые годы находилось на острове и располагалось в Преображенской гостинице около пристани, в 1929 г. было переведено на материк, в Кемь. Это означало, что к тому времени СЛОН прочно обосновался в Карелии.

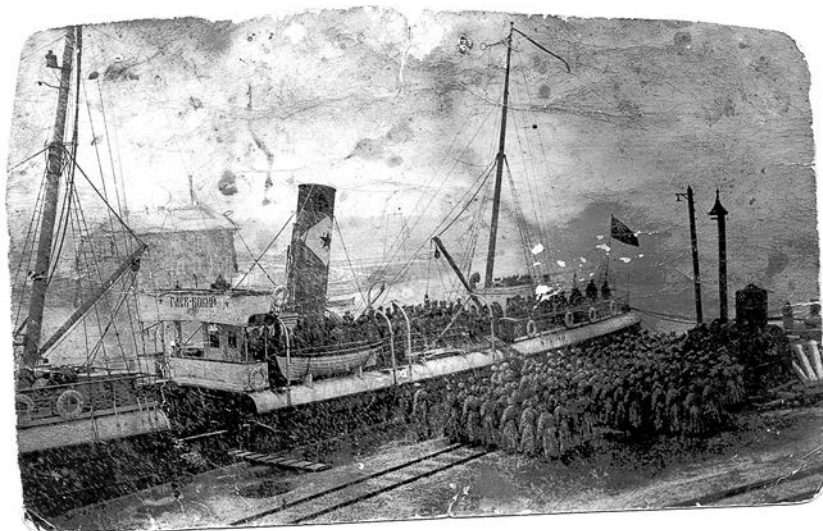
В августе 1923 г. на Соловки прибывает 95-й особый дивизион ОГПУ для внешней охраны заключенных, через некоторое время перерасформированный в 4-й полк Отдельной дивизии Особого назначения им. Ф. Дзержинского, насчитывавший к 1928 г. около 700 бойцов.

Администрация лагеря была организована следующим образом. Руководство состояло из профессиональных чекистов, но почти все административно-хозяйственные должности занимали заключенные. Даже команду надзирателей, осуществлявших внутреннюю охрану, в основном формировали из заключенных чекистов. В 1929 г., например, на Соловках и в Кемском пересыльном пункте на административно-хозяйственных должностях находилось 1190 заключенных (руководители производств, канцелярские работники, счетоводы, нарядчики и т.д.)².

¹ Ильин В.Н. Лагерь принудительных работ — основа ГУЛАГа на Севере России. // Материалы Десятого Соловецкого форума. Архангельск, 2001. С. 67.

² ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп.1. Д. 15.

Прибытие транспорта на Соловки. Судно «Глеб Бокий». 1920-е гг.

Начальник лагеря непосредственно подчинялся одному из членов коллегии ОГПУ, осуществлявшем общее руководство. В данном случае, это был известный чекист Г.И. Бокий (1897–1937).

Первым начальником СЛОНа стал Александр Петрович Ногтев (1892–1947). В воспоминаниях о нем встречается столько выдуманного, что стоит остановиться на подлинных фактах биографии. Родом из города Городца Нижегородской губернии, он окончил мореходное училище дальнего плавания, участвовал в Первой мировой войне на Балтфлоте. В августе 1918 г. он был отправлен на Север, руководил установкой минных заграждений на Северной Двине, недолго (до июня 1919 г.) был главным инспектором по охране водных путей республики, затем — Туркестанский фронт. С мая 1921 г. А.П. Ногтев уже в распоряжении ВЧК, назначен первым начальником Северных лагерей, а с организацией СЛОНа — его начальником. До 13 ноября 1925 г. он находился непосредственно на острове, а с распространением лагеря на материке выехал туда для организации новых отделений, но часто бывал и на Соловках. В должности начальника УСЛОНа находился до 1930 г., с небольшим перерывом в 1928–1929 гг. С весны 1930 г. — на пенсии, обосновался в Москве, с 1932 по 1938 г. был управляющим треста Мосгортоба. В 1938 г. был арестован по обвинению в троцкизме и создании антисоветской организации и служебной халатности, осужден на 15 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Срок отбывал в Норильске, затем Красноярском крае. После многочисленных жалоб и заявлений в конце декабря 1945 г. освобожден, через полтора года скончался в Москве³.

³ Белоконь А. Начальник Соловецкого лагеря // Соловецкий вестник. 1990. № 14–16; 1992. № 12.

Почти одновременно с А.П. Ногтевым на Соловки прибыл Фриц Янович (Федор Иванович) Эйхманс (1895–1938), ставший его заместителем. Латыш, уроженец Курляндской губернии, он тоже участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. В 1918 г. после лечения мобилизован и направлен в отдел военного контроля при полевом штабе Реввоенсовета Республики, вскоре стал секретарем управления особого отдела ВЧК, затем — заведующим общим отделом этого Управления. В 1919 г. он уже начальник оперативной группы поезда Л. Троцкого, в 1920 г. назначается в особый отдел Туркестанского фронта заместителем начальника оперативной части, затем — председателем Семиреченского областного ЧК, через год — председателем ЧК Туркестанской республики. В 1922 г. Ф.И. Эйхманс находился по особому заданию в Бухаре, в том же году был переведен в Москву начальником среднеазиатского отделения Восточного отдела ОГПУ. В 1923 г. был назначен в УСЛОН, в помощь Ногтеву, после отъезда того на материк назначен начальником УСЛОНа, и в этой должности находился до 1929 г. В 1929 г. был назначен начальником 3-го спецотдела (внешняя контрразведка), 1930–1932 гг. — начальник Вайгачской экспедиции ОГПУ, с 1933 г. — зам. начальника 9-го отделения ГУГБ НКВД (заместитель Г. Бокия). Осенью 1937 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной троцкистской шпионско-диверсионной группе, созданной Г. Бокием (к тому времени уже расстрелянным). Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁴.

Надо отметить, что и другие начальники Соловецкого отделения СЛОНа не избежали репрессий. В 1930 г. В.Г. Зарин получил 10 лет лагерей «за преступно-халатное отношение к выполнению обязанностей»; в 1933 г. сменивший его В.А. Мордвинов был осужден на такой же срок «за потерю партийного и чекистского чутья, приведение лагеря в состояние полного разложения и систематическое очковитирательство»; в 1937 г. был уволен из органов, а в 1939 г. арестован начальник Соловецкой тюрьмы И.А. Апетер, и его помощник в 1937 г. — П.С. Раевский; в том же году арестован и позднее расстрелян И.К. Коллегов.

Все они принимали самое активное участие в создании системы репрессий, уничтожали или способствовали уничтожению безвинных людей, но машина репрессий затянула в свои колеса и их.

Обосновавшись на Соловках, лагерь сразу же установил суровый режим для его обитателей и приступил к организации труда заключенных. Предстояло провести огромные работы по ремонту построек на территории монастыря, сильно пострадавших при пожаре в мае 1923 г. На острове начались лесоразработки, ремонт дорог, уже в ноябре пущена первая узкоколейка, которая через три года имела несколько веток, длиной более десяти километров; на болотах начались торфоразработки. Реконструирован монастырский кирпичный завод, на острове Жижгин начал работу йодный завод. Механический завод ремонтировал оборудование, изготовлял инвентарь, рыбзверпром вылавливал до сотни тонн рыбы, добывал тысячи голов морского зверя, работали кожевенный завод и швейные мастерские. В сельхозах содержались сотни голов разного скота, обрабатывались поля и огороды. Работать

⁴ Белоконь А. От поезда Троцкого до Соловков // Соловецкий вестник. 1992. № 14.

обязаны были все категории заключенных, за исключением «политиков», которые содержались отдельно от остальных в Савватъеве, на острове Б. Муксалма и в Свято-Троицком скиту на острове Анзер, пользовались большими свободами и самостоятельностью, получали помощь от организации «Е. Пешкова. Помощь политзаключенным», не привлекались к общим работам. После трагических событий 19 декабря 1923 г., когда в Савватъеве за неподчинение было убито шесть эсеров, «политики» добились перевода их на материк летом 1925 г. Но, вывезенные в Тобольский и Челябинский политизоляторы или в ссылку, они оказались в гораздо худших условиях, чем на Соловках.

Самыми тяжелыми в лагере были лесоразработки, на которых работало до тысячи человек, заготавливавших деловую древесину и дрова. (К концу 1920-х гг. весь деловой лес, к которому с таким бережением относились монахи, был вырублен, и даже дрова частично стали завозить с материка). Больше всего заключенных погибло, стало инвалидами именно на лесозаготовках, где зимой голодные, плохо одетые люди, часто без опыта работы, должны были выполнять непосильные нормы. Вот один из красноречивых приказов начальника УСЛОНа Ногтева: «Никакого оправдания плохой погодой, недостаточным питанием и т.д. при лесозаготовках не будет приниматься во внимание. План должен быть выполнен любой ценой»⁵. И этой ценой нередко была человеческая жизнь. В условиях суровой лагерной действительности она вообще ценилась очень мало. Сотни, а может быть, и тысячи людей погибли от холода, голода, цинги, непосильной работы, были расстреляны по сфальсифицированным делам, за попытки к бегству. Если верить официальным цифрам, с 1923 по 1933 г. на Соловках умерло 7,5 тысячи человек, из них 3,5 тысячи в голодном 1933 г.⁶, но, скорее всего, эта цифра занижена. Один сыпной тиф, эпидемия которого началась в 1927 г. и продолжалась до 1931 г., унесла не одну тысячу жизней, например, только за 8 месяцев 1929–1930 гг. в лазарете, устроенном в Голгофо-Распятском скиту на Анзерах, скончалось 979 человек⁷.

Но даже в лагерных условиях вечно голодные, усталые, ошеломленные обрुшившейся на них несправедливостью, измученные тревогой за своих близких, многие заключенные не только «отбывали срок», но и находили в себе силы жить, творить, надеясь, что результаты их труда когда-нибудь еще пригодятся. В августе 1923 г. по инициативе и ходатайству известного архитектора-реставратора П.Д. Барановского и искусствоведа Н.Н. Померанцева отдел музеев Главнауки Народного Комиссариата Просвещения заключил договор с Управлением СЛОНа. Договор регламентировал использование зданий лагерем, обеспечивал их восстановление после пожара и сохранность. Именно заключенным должны мы быть благодарны за то, что они взялись за охрану особо ценных исторических построек. Соловецкое общество краеведения — уникальное явление в истории советских лагерей. Заключенными была проведена огромная работа по обследованию,

⁵ Соловецкий вестник. 1990. № 15. С. 2.

⁶ Моруков Ю.Н. Соловецкий лагерь особого назначения (1923–1939 гг.) // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. М.; Архангельск, 1994. Вып. 3. С. 129.

⁷ Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 366.

изучению и спасению памятников архитектуры, истории, природы Соловков. Перечень научных направлений и тем огромен: впервые на Соловках было проведено гидрологическое обследование озер, составлена карта кислотности болот; обследована акватория моря с целью выявления промысловых водорослей, были описаны и зарисованы памятники истории и архитектуры. Благодаря лагерному музею сохранились и дошли до нас многие монастырские святыни, в том числе святыне мощи основателей монастыря.

Силами заключенных на Соловках издавалась газета «Новые Соловки», журнал «Соловецкие острова», был создан театр; благодаря им работали школы ликбеза, библиотеки.

Это была великая подвижническая деятельность людей, многие из которых не дожили до свободы.

Для многих СЛОН и Соловки — это одно и то же, но в 1925 г. лагерь распространяется на материк. УСЛОН заключает договоры на ведение работ на материке, которые требовали большого количества рабочих и без высокой квалификации. (Первым подрядом УСЛОНа на материке было строительство тракта Кемь – Ухта). К концу 1920-х гг. Соловецкие лагеря занимают огромные пространства от Кольского полуострова до юга Карелии. Многие организации и предприятия пользовались их дешевой рабочей силой. В начале 1930 г. в СЛОНе числилось 57 325 заключенных, из них на самих Соловках только 15 834 человека, а в 1931 г. в СЛОНе уже 71 800 заключенных. Силами заключенных строились дороги, гидроэлектростанции, велась лесозаготовки, разработки горнорудных месторождений в Хибинах. Так что, когда в 1929 г. вышло Постановление Совнаркома Союза СССР о переводе Соловецких лагерей на самоокупаемость, они к этому были уже готовы.

Постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» предписывало создание сети новых лагерей в отдаленных районах страны для их освоения и разработки природных ресурсов (в 1930 г. создается ГУЛАГ — Главное управление лагерями ОГПУ). СЛОН, по выражению А.И. Солженицына, «дает метастазы», порождая новые лагеря. В 1929 г. экспедиция заключенных, в основном, геологов отправляется из Кеми на р. Чебью, основывается город Ухта — центр Ухтино-Печорского ИТЛ; отделяется Вишерское отделение СЛОНа, образуя Вишерский ИТЛ; на основе Соловецких лагерей создается БелБалтЛag. Именно опыт Соловков позволил сформировать систему ГУЛАГа, которая решала многочисленные хозяйственные задачи страны, не требуя средств на свое содержание.

За время своего существования Соловецкие лагеря особого назначения претерпели несколько реорганизаций. Весной 1930 г. СЛОН был реорганизован в Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (УСИКМИТЛ). Соловки стали одним из 12 отделений, а все шесть отделений на архипелаге переименованы в лагпункты, командировки, колонны. Еще осенью 1931 г. на базе УСИКМИТЛа был сформирован Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь для строительства канала. Началась разгрузка лагеря от больных и инвалидов с отправкой их до конца срока в ссылку и переброска трудоспособных

Строительство 11-го шлоза ББК. Из архива А. Мельник

заключенных с Соловков на новое строительство. На острове из почти 16 тысяч заключенных осталось чуть больше 5 тысяч. В январе 1932 г. был вновь открыт Соловецкий лагерь (СЛАГ) с центром в Кеми. Соловки стали его Первым, затем — Третьим и Одиннадцатым отделением, но просуществовал лагерь недолго. Приказом ОГПУ от 4 декабря 1933 г. Соловецкие исправительно-трудовые лагеря ОГПУ были расформированы, Соловки стали 8-м отделением БелбалтЛага, здесь был организован спецлагерь «для содержания контингентов заключенных по особым инструкциям». Население островов с этих пор не превышало 4,5 тысяч человек. Многие производства частично сократились или совсем прекратили свою деятельность, остались лишь те, которые обеспечивали нужды Соловков.

20 февраля 1937 г. в соответствии с приказом НКВД от 28 ноября 1936 г. Соловецкое лагерное отделение было передано 10 отделению ГУГБ НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму ГУГБ, состоящую из пяти отделений — Центрального (территория монастыря), Муксалмы, Савватьева, Анзера и пересыльного отделения в Кеми. Часть заключенных, в основном, имеющих 58-ю статью, стали содержаться на тюремном положении, другая часть — «бытовики» и уголовники оставались на лагерном режиме и использовались для обслуживания. Силами заключенных было построено специальное здание тюрьмы в районе кирпичного завода, которое по назначению использовать не успели.

«Большой террор» 1937 г. не обошел и Соловки. 16 августа нарком внутренних дел Н.И. Ежов направил в Ленинград директиву, по которой в Соловецкой тюрьме надлежало репрессировать 1200 человек. Под руководством заместителя начальника Соловецкой тюрьмы П.С. Раевского были отобраны 1825 человек, в основном, осужденных по 58-й статье на длительные сроки. Список утвержден Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области. В «тройку» входили: начальник

ленинградского управления НКВД Л.М. Заковский, его заместитель В.Н. Гарин, прокурор Ленинградской области Б.П. Позерн. Из отобранного и утвержденного списка в три этапа были расстреляны 1820 человек: 1111 человек — 27 октября – 4 ноября 1937 г. в урочище Сандармох в Карелии, недалеко от Медвежьегорска; 509 человек — 8–10 декабря 1937 г., возможно, где-то в Ленинградской области; последний этап в 200 человек был расстрелян 17 февраля 1938 г. на Соловках. Место этого расстрела пока неизвестно, но поиски ведутся⁸.

Это, конечно, были самые большие расстрелы в истории Соловецкого лагеря и тюрьмы, но репрессии в отношении заключенных проводились и позднее. В марте-октябре 1939 г. в тюрьме была арестована группа заключенных, обвиняемых в создании и участии в контрреволюционной повстанческо-террористической организации на Соловках. Все обвиняемые были вывезены в Москву и расстреляны 14 февраля 1940 г. на Донском кладбище.

Приказом Комиссара НКВД Л. Берии от 2 ноября 1939 г. тюрьма ГУГБ на Соловках была закрыта. Заключенные, подлежащие содержанию в тюрьмах, были переведены в Орловскую и Владимирскую тюрьмы, остальные были переданы в распоряжение ГУЛАГа, вывезены в Норильск, Воркуту, другие лагеря.

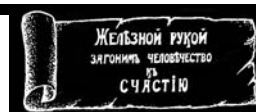
Соловки декретом Совнаркома СССР от 25 ноября 1939 г. были переданы под юрисдикцию Учебного отряда Северного флота⁹.

Так закончилась история самого известного лагеря, снискавшего печальную славу «родины ГУЛАГа». За 16 лет его существования через Соловки прошло столько народу, что они могли бы составить население большого города. Среди них было много как людей великих, достойных быть гордостью страны, так и скромных, незаметных, но внесших свою лепту в общую историю. Хотя бы о некоторых из них мы и постараемся вспомнить в этой книге.

⁸ См. Разумов А. Скорбный путь Соловецких этапов. Продолжение поиска // Ленинградский мартиролог. СПб., 2008. Т. 8. С. 656–676. Полный список расстрелянных см. в этом же издании. Т. 4, 6, 8.

⁹ Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011. С. 357.

«Наш путь — смиренная преданность Отцу Небесному»

ИСПОЛНЕНИЕ ПАСТЫРСКОГО ДОЛГА В УСЛОВИЯХ ЛАГЕРЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

«Страшные гонения на христиан времен Деоклитиана и Нерона меркнут перед тем, что сейчас творится в России, каким жестоким гонениям и суровым преследованиям подвергаются священнослужители и все верующие» — замечал современник в 20-е гг. прошлого, XX столетия¹. Многим из этих страдальцев выпало на долю пройти через Соловецкий лагерь особого назначения, устроенный на месте одного из самых почитаемых монастырей России. На сегодня нам известны имена более 80 митрополитов, архиепископов и епископов, около 400 имен священнослужителей, имена многих мирян, пострадавших за веру и прошедших через Соловки (мы не говорим о всем Соловецком лагере особого назначения, занимавшем к концу 1920-х гг. огромные пространства Карелии и Кольского полуострова). Многие из них умерли на островах или были расстреляны в Соловецкой тюрьме, другие погибли позднее. На Соловках преставились архимандрит из Симонова монастыря Антонин (Чубаров), протоиерей сщмч. Александр Сахаров († 7.08.1927). Сщмч. Владимир Введенский из Владимирской епархии скончался 3 апреля 1931 г. в лазарете, устроенном в Голгофо-Распятском скиту и был погребен на кладбище около Воскресенской церкви. Там же 7 февраля 1929 г. умер от тифа и сщмч. Петр (Зверев), архиепископ Воронежский. Его ближайший помощник — преподобномученик Иннокентий (Беда) († 6.01.1928) был погребен на монастырском кладбище около Онуфриевской церкви. В лагерном лазарете от менингита скончался священник Саратовской епархии Федор Меженков, оставив дома девятерых маленьких детей, и незадолго до своего освобождения в 1928 г. умер священник с. Волчок Тамбовской епархии Димитрий Флерин, сосланный на Соловки за отказ сообщать властям сведения о прихожанах. В 1937 г. в Соловецкой тюрьме были приговорены к высшей мере наказания (ВМН), вывезены на материк и расстреляны в Сандармохе около Медвежьегорска епископы Алексей (Буй),

¹ Зайцев И. Соловки. (Коммунистическая каторга как место пыток и смерти). Шанхай, 1931. С. 94.

Священник Димитрий Флерин с женой

Дамиан (Воскресенский), Николай (Розанов), Петр (Руднев), Лев (Черепанов), священники — Павел Виноградов из г. Ногинска, Александр Дубинин и Владимир Хуторянский с Украины, Филипп Карзанов из Тихвинска, Павел Флоренский, иеромонахи Иринарх (Белявский), Митрофан (Михайлов) и др. В этом скорбном списке вряд ли мы когда-нибудь сможем поставить точку. Сейчас, когда стали доступны архивы ФСБ и МВД, появилась масса исследований, опубликованы воспоминания очевидцев, мы знаем что в лагерном аду священнослужители, оставаясь верными чадами Православной Церкви, до конца сохраняли твердую веру и исполняли свой пастырский долг. (Свидетельством этого служит

и то, что среди прославленных новомучеников на Юбилейном Соборе 2000 г. более сорока — соловецкие страдалцы).

Вот что пишет в своих воспоминаниях очевидица, узница Соловков конца 1920-х гг. Ольга Викторовна Второва-Яфа: «То, что происходит сейчас перед нами... — подлинный подвиг смирения истинных пастырей Церкви, самоотверженно и до конца твердо отстаивающих веру Христову „противу учений мира сего“, и Бог сподобил нас, недостойных маловеров, быть самим очевидцами мученических подвигов этих новых страстотерпцев — безымянных и „невяленных“, но от этого не менее достойных „славу многу от Господа принять“... И тем из нас, кому удастся когда-нибудь вернуться отсюда в мир, выпадет на долю свидетельствовать людям о том, что видим мы здесь сейчас... А видим мы возрождение чистой и стойкой веры первых христиан. Как произошло все это? Да ведь роковым образом этому способствовали, сами того не подозревая, люди, имевшие целью уничтожение и поношение Христовой веры! Поистине, неисповедимы пути Господни!»².

Попад на Соловки, священнослужители испытывали не только физические, но, прежде всего, нравственные страдания, видя на каждом шагу глумления над святыней: храмы были превращены в казармы (а в церкви во имя прп. Германа предполагали устроить «Ленинский уголок»), алтари осквернялись отхожими местами и переделывались в карцеры, в одном из красивейших скитов — Вознесенском на Секирной горе — был устроен штрафной изолятор, иконы рубились на дрова или использовались для изготовления шкатулок. До сих пор на территории монастыря находится монастырский колокол «Благовестник», весь испещренный следами от пуль, — так забавлялось лагерное начальство. Мы знаем, какие кощунства

² Второва-Яфа О.В. Авгуровы острова // Мироносицы в эпоху ГУЛАГа: сборник. Нижний Новгород, 2004. С. 313.

Священник Владимир Лозина-Лозинский

допускались при вскрытии мощей преподобных Зосимы, Савватия, Германа, Елеазара Анзерского в 1925 г.

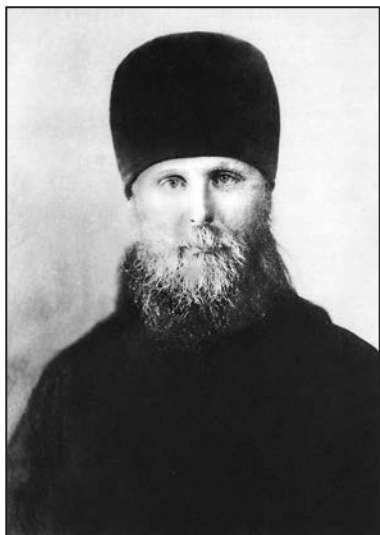
И в таких условиях духовенство держалось с большим достоинством и мужеством. Никто из них никогда не заявлял протеста против назначения на ту или иную работу, никто не жаловался на мнимую болезнь.

Ярким примером такого христианского смирения могут служить свидетельства о священномученике Владимире Лозина-Лозинском. Иерей Владимир, выпускник Санкт-Петербургского университета, о своем желании стать священником заявил в дни, когда начались открытые гонения на Церковь. После рукоположения он был назначен настоятелем Университетской церкви в Ленинграде, а в феврале 1925 г. вместе с группой выпускников Императорского Александровского лицея был арестован за совершение панихид по убиенным лицеистам и членам царской семьи и приговорен к расстрелу, который был заменен десятью годами Соловков. Лагерную жизнь он принимал, безропотно «покоряясь велению Божию», как сам он писал в одном из своих стихотворений. «Породный аристократизм, наклонности и привычки не исчезали у отца Владимира даже тогда, когда он взвешивал вонючую воблу в продовольственном ларьке, разносил посылки или мыл управленческие уборные. Врожденный такт и, главное, светившаяся в нем глубокая любовь к человеку сглаживали внешние различия с окружающими. Он был так воздушно светел, так легко добр, что казался воплощением безгрешной чистоты, которую ничто не может запятнать»³. Яркая личность отца Владимира запомнилась многим его соузникам-соловчанам. Его судьба, как и многих других, трагична: отец Владимир был расстрелян в Новгороде 26 декабря 1937 г.

Беспрекословным авторитетом для всех был архиепископ Иларион (Троицкий). В первый раз на Соловках он появился в июне 1924 г., здесь для него начался новый тернистый путь испытаний. Но владыка к нему был вполне подготовлен. В лагере он сохранил монашескую нестяжательность, детскую незлобливость и простоту. Ни на какие оскорбления окружающих никогда не отвечал, казалось, не замечая их. Он всегда был мирен и весел, и даже если что-то и тяготило его, не показывал этого. Из всего происходящего с ним всегда старался извлечь духовную пользу, и, таким образом, все ему служило ко благу. Лагерь владыка воспринимал как суровую школу добродетелей — кротости, смирения, воздержания, терпения

³ Лозина-Лозинский В., протоиерей. Из Соловецких тетрадей // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1995. Вып. 1. С. 189.

Архиепископ Иларион (Троицкий). Соловки, 1929 г.

и трудолюбия. Всем был доступен, с ним было легко, но его обыкновенный вид скрывал от людей внутреннее делание и спасал его от лицемерия и тщеславия. На Соловках владыке Илариону пришлось быть лесничим, сторожем, вязать сети в Филимонове.

Яркий образ «утешительного попа» дал в своих воспоминаниях «Неугасимая лампада» Борис Ширяев, посвятив ему две главы. Сельский священник из-под Полтавы отец Никодим был сослан на Соловки, имея за плечами почти семьдесят лет. На Соловках ему пришлось побывать на всех дальних командировках, и везде он оставил о себе самую добрую память.

Сгорбленный под тяжестью лет, не получавший ни от кого с воли посылок, отец Никодим никогда не унывал, всех утешал исходившей от него светлой, веселой радостью. «С этой радостью прошел он весь свой долгий жизненный путь. С нею не расставался он и в дни свои последние, соловецкие. Этой же радостью своей стремился он поделиться с каждым, плеснуть на него водой жизни из сосуда Духа своего. За то и прозвали его „утешительным“». От выполнения своего пастырского долга отец Никодим никогда не отказывался: служил шепотом в уголках молебны и панихиды. Под видом плотника его проводили в театр к пожелавшим говеть женщинам, протаскивали через окно в лазарет к умирающим. Твердо веря, что «в Господа веруют в тайниках своей души все» никогда не отказывал в последнем напутствии и убийце, и богохульнику. Свой мученический путь отец Никодим окончил в штрафном изоляторе на Секирной горе, куда был отправлен за то, что в праздник Рождества отслужил в бараке обедню⁴.

Если людей духовного звания и назначали на привилегированные работы, то не ради их самих или их сана, а потому, что они оказывались наиболее честными, аккуратными, добросовестными и исполнительными из всех заключенных. Это вынуждена была признать и лагерная администрация, и к концу 1924 г. большинство заключенных-священников собрали в отдельную шестую «сторожевую» роту, которая располагалась на территории монастыря в Святительском корпусе, примыкающем к храму во имя святителя Филиппа. В первое время в камерах этой роты разрешалось иметь иконы, лампы, ходить в подрясниках. Священников назначили заведовать продовольственными складами, каптерками, раздавать посылки и переводы на почте, и лишь после этого там прекратилось воровство.

Многие священники хотели попасть на работу в лазареты, хотя работа там не относилась к легким: при крайне ограниченном штате медперсонала нагрузки

⁴ Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 243–264.

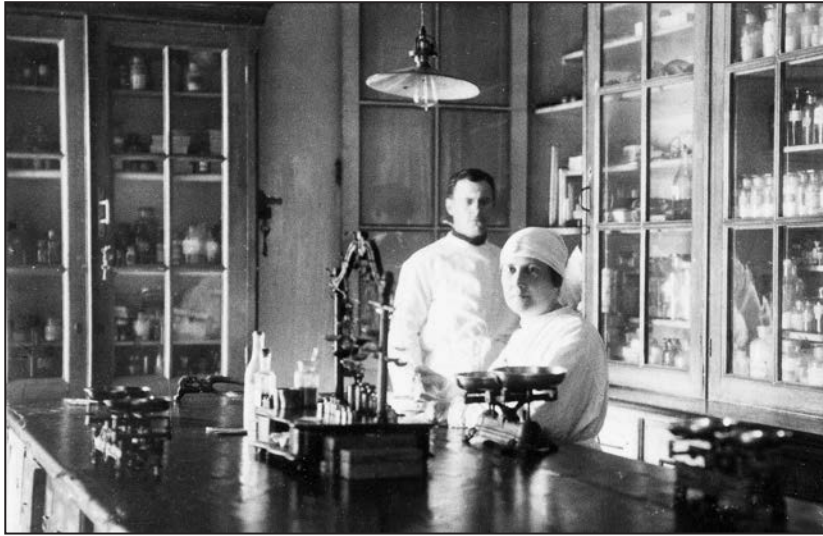

Архиепископ Иларион (в центре) среди ссыльного духовенства. Соловки, 1924 г.

были сверхвысокими, на одного врача приходилось до 80 больных. В лагерных медучреждениях не хватало медикаментов, были неотопливаемые палаты, одни лапты приходились на 20 больных, персонал работал без выходных и праздников. Но именно работать в лазаретах, где среди больных было немало верующих, — в этом видели свой долг многие заключенные священнослужители. В глубоком секрете от начальства им удавалось молиться, оказывать духовную помощь и даже обращаться к вере многих заключенных, в миру далеких от религии. В праздники иногда даже в больничных палатах удавалось совершать тайные богослужения, кроме литургии, и это было большим утешением как для тех, кто их совершал, так и для тех, кто на них присутствовал. Так, во время эпидемии тифа 1929–1930 гг. епископ Максим (Жижиленко) — «замечательный врач и великий молитвенник», сосланный на Соловки за то, что будучи главным врачом Таганской тюрьмы, принял тайное монашество, был заведующим Никольским отделением центрального лазарета. Он сумел привлечь к работе в своем отделении большую группу священников. Так, вместе с ним работал протоиерей Сергей Голощапов, сосланный на три года в 1929 г. После болезни тифом он сдал экзамен на лекарского помощника и остался работать в санчасти в аптеке (сцмч. Сергей Голощапов расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой 19 декабря 1937 г.). Медбратом в лазарете работал священник Евгений Климентовский из Рязани, фельдшером — протоиерей Петр Чельцов, врачом — священник Александр Кремышанский. В это же время в лазарете работали епископ Венидикт (Алентов), священники Владимир Кучинский (перед арестом он служил на Ваганьковском кладбище в Москве), Николай Борисевич, Николай Быстров, Константин Травин, Борис Дроздовский, Чулаевский⁵, дьякон

⁵ Имя священника Чулаевского неизвестно.

Аптека при центральном лазарете. Здесь работал протоиерей Сергей Голощанов. 1924 г.

Александр Якобсон-Зайдман, монахиня Любовь Барышева, Иван Михайлович Андреевский — профессор, историк церкви и врач-психиатр и др. В «Деле», заведенном на епископа Максима (Жижиленко) в лагере на Соловках, среди прочих обвинений издевательски значится и то, что он, «используя свое положение, окружил себя священниками и, не жалея сил, врачевал души, совершая религиозные обряды». По этому «Делу» епископ Максим был вывезен в Москву и расстрелян 6 июля 1931 г.⁶

В лагере священники всегда оказывались примером милосердия, нестяжательства и доброты, были готовы поделиться с ближним последним куском и последней рубашкой. Так, владыка Амвросий (Полянский), получая посылки от своих духовных чад, превратился в общего кормильца. Все нуждающиеся члены «церковной роты» состояли на его иждивении. Мало того, он подкармливал и голодающую пшану. Всеобщую любовь снискал епископ Виктор (Островидов). «Каждого человека надо чем-нибудь утешить», — говорил он и умел утешать всех и каждого. Необыкновенно человеколюбивым был епископ Аркадий (Остальский). Он использовал любую возможность, чтоб помочь, утешить, защитить ближнего, из-за чего и сам нередко попадал в штрафные командировки и карцеры. Бесконечна была его вера в то, что «настанет время, и Господь Бог всех врагов и антихристов разгонит от православных верующих людей. И будет хорошо тому, кто не отступил от православия». Многие отмечали, насколько благотворно действовало соседство священнослужителей на окружающих. Так, известный писатель Олег Васильевич Волков на Соловках некоторое время сидел в одной камере Новобратского корпуса со священником Михаилом Митроцким, и вот что он пишет: «Ни десятилетний

⁶ Архив ФСБ г. Архангельск. Дело П-15364.

срок, ни пройденные испытания не отучили отца Михаила радоваться жизни. Эта расположенность — видеть ее доброе начало — передавалась и его собеседникам: возле него жизнь и впрямь казалась светлее. Не поучая и не наставляя, он умел рассеять уныние — умным ли словом, шуткой ли... Отец Михаил несколько не погрешал против истины, говоря, что не тяготится своим положением и благодарит Бога, приведшего его на Соловки. Тут — могилы тысяч праведников, и молится он перед иконами, на которые крестились угодники и подвижники. Вера этого ученого богослова, академика, была по-детски непосредственной... „Думаю, настало время, — говорил отец Михаил, — когда русской православной Церкви нужны исповедники. Через них она очистится и прославится. В этом промысел Божий. Ниспосланное испытание укрепит веру. Слабые и малодушные отпадут. Зато те, кто останется, будут ее опорой, какой были мученики первых веков. Ведь и сейчас они для нас — надежная веха... Вера ... тут в самом воздухе. А с ней так легко и не страшно“⁷.

Многие священнослужители, несмотря на условия, занимались творческой деятельностью, продолжая осуществлять задуманное до ареста. Так, епископ Иувеналий (Масловский) Рязанский и Шацкий (расстрелян в Сибири 25.10.1937), будучи знаменитым литургистом, знатоком церковного Устава, поражавший современников исключительной памятью на церковные песнопения, начал в соловецкой ссылке работу над «Архиерейским Торжественником», составившим впоследствии шесть томов. Протоиерей Сергей Городцов (будущий митрополит Варфоломей) в лагере на Соловках написал пять Акафистов, в том числе святителю Филиппу и апостолу Варфоломею.

Многие активно работали в Соловецком Обществе Краеведения, спасая оставшиеся монастырские святыни. Так, епископ Мануил (Лемешевский) составил «Описание монастырского некрополя», «Соловецких Синодиков», написал ряд статей по истории монастыря. В коллекции музейных материалов, вывезенных в 1939 г. и сейчас находящихся в ГИМе⁸, хранится 28 документов XVII–XVIII вв., скопированных сцмч. Аркадием (Остальским), а также сборники церковных песнопений, скопированные в 1927–1928 гг. священником Львом Константиновым и протоиереем Сергием Чуевым из Воронежа.

⁷ Волков О. Погружение во тьму. М., 1989. С. 65.

⁸ Государственный Исторический музей.

Мы знаем, какую большую научную работу проводил в условиях лагеря священник Павел Флоренский. Хотя, как писал в одном из писем владыка Иларион (Троицкий), — «неволя делала зыбким и непрочным всякое начинание. Ты начинал исследование, употребил немало времени и сил для успешного его продвижения, а завтра тебя переводят в другое место, хотя бы в пределах того же Соловецкого острова, но надзиратели устраивают обыск, и от трудов твоих не остается и следа. Работать и что-либо записывать в таких условиях, было почти то же, что стараться написать книгу, находясь на корабле во время неумеряющегося шторма»⁹.

Вынося самые тяжелые испытания, священнослужители никогда не шли на компромиссы с лагерным начальством. По воспоминаниям протоиерея Петра Белавского, сосланного на Соловки из Ленинграда в 1930 г. и содержавшегося на острове Анзер, ему приходилось работать ассенизатором и вылавливать бревна из моря, но самым тяжким испытанием были вызовы к начальству, где отцу Петру предлагали стать сексотом, отречься от сана, угрожая тем, что арестуют матушку и отберут детей. Но ни мучительное беспокойство за близких, никакие угрозы не могли толкнуть его на бесчестие.

Очень облегчала жизнь в лагере взаимная духовная поддержка и общая молитва. (Конечно, не следует забывать и о том, что противоречия между обновленцами и сторонниками патриарха Тихона, существовавшие на воле, имели место и в лагере).

По просьбе группы монахов, оставшихся на Соловках после закрытия монастыря и работавших в лагере вольнонаемными, им выделили для богослужений небольшую кладбищенскую церковь в честь преп. Онуфрия Великого¹⁰. В 1925 г. было разрешено посещать эту церковь ссыльному духовенству и верующим, что было встречено с великой радостью. Иван Михайлович Зайцев, начальник штаба армии генерала Дутова, находившийся на Соловках вместе с духовенством в шестой роте и часто посещавший храм, писал: «Лишь только там, в местах страданий и мучений, можно наблюдать и самому ощущать, с какой искренностью, от глубины души возносятся молитвы к Господу Богу, с каким уверенным порывом страждущие обращаются к Отцу Небесному, непоколебимо веря, что их голос будет услышан... Какие душу потрясающие сцены происходили во время торжественных Богослужений! После таких моментов глубоких душевных излияний, после духовного общения с Господом Творцом у несчастных узников наступают минуты душевного умиления, смиренной покорности и физического облегчения»¹¹.

⁹ Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2000. Кн. 4. С. 441.

¹⁰ В 1930-х гг. Онуфриевская церковь была разрушена, в настоящее время сохранились лишь остатки фундаментов. На месте ее алтаря в 1990 г. был поставлен крест-памятник жертвам большевистских репрессий. В 1938 г. на месте монастырского погоста было возведено здание лагерного госпиталя, сохранившееся и поныне. При возведении его фундаментов были использованы могильные плиты с кладбища.

¹¹ Зайцев И. Указ. соч. С. 101.

Протоиерей Петр Белавский

Особенно торжественно проходили пасхальные службы. Это мы хорошо представляем по книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада» и по опубликованным воспоминаниям протоиерея из Ростова-на-Дону Павла Чехранова. О Пасхе 1926 г. оставил свои воспоминания и Владимир Алексеевич Казачков, сосланный на Соловки на пять лет в 1925 г. Это он сохранил для нас замечательные стихи иерея Владимира Лозина-Лозинского, опубликованные сейчас во многих изданиях. Вот отрывок из его воспоминаний: «Пасху 1926 года я очень хорошо помню, незадолго перед этим новый начальник Управления потребовал, чтобы все, кто хочет ходить в церковь, подали ему заявления. Почти никто из заключенных не подавал заявлений — боялись последствий. Но вот перед Пасхой огромное количество людей подали заявления. Мы все собрались к заутрене: о. Владимир Лозина-Лозинский, о. Иоанн Стеблин-Каменский, о. Михаил Яворский, Антоний Тьевар, Авенир Вадбольский... По дороге к кладбищенской Онуфриевской церкви двигалась огромная процессия, люди шли в несколько рядов. В церкви все, конечно, не поместились. Стояли вокруг, а тем, кто пришел позднее, не было слышно пения. Но мы пришли одними из первых. Рядом со мной стоял мой очень близкий друг — о. Владимир Лозина-Лозинский, он был замечательным человеком, всегда очень спокойным, дружелюбным, веселым, высокоорганизованным. Службу Пасхальную вели епископы, и среди них старший — архиепископ Евгений (Зернов). Когда на Страстной неделе была служба Двенадцати Евангелий, служили ее двенадцать епископов. После службы все пошли разговляться... Соловецкой моей первой Пасхи не забыть, грандиозное это было событие в жизни»¹². Пасху в лагере старались отметить все, даже люди невоцерковленные. Один из них, Геннадий Андреев (Хомяков) также в своих воспоминаниях, описывая Пасху на Соловках, сказал: «Этот день нельзя встречать с пустой холодной душой. Его нельзя не отметить, как освящено обычаем»¹³.

В 1928 г. Пасху открыто праздновали в последний раз, и то разрешение получили с большим трудом. А в начале 1929 г. начались притеснения духовенства: запретили носить свою одежду, насильно обстригали, отобрали книги, облачения, многих отправили на дальние командировки. Пришлось перейти к тайным, «келейным» богослужениям, на которые уже не могли собирать много народа. Несмотря на строгости и запреты, удавалось припрятать облачения, богослужебные книги. Протоиерей Петр Белавский вспоминал, что когда он был на Анзере в Крещенский

¹² Казачков. В. Пасха в Соловецком лагере // Соловецкий вестник. 1993. № 7 (апрель). С. 2.

¹³ Андреев Г. (Г.А. Хомяков). «Соловецкие острова (1927–1929)» // Север. 1990. № 9. С. 38.

сочельник 1931 г., епископ Иларион (Бельский) благословил его тайно совершить чин Великого освящения воды. Неподалеку от барака находилась сторожевая вышка с будкой. Мела метель, от сильного ветра вышку качало. Туда по шаткой лестнице поднялся о. Петр с водой. Совершив освящение, он благополучно доставил Крещенскую воду в барак. Иногда просто уходили куда-нибудь подальше от людей и молились в одиночестве, как это часто делал на острове Большая Муксалма епископ Дамаскин (Цедрик).

Катакомбники¹⁴ службы нередко проводили в лесу. По воспоминаниям профессора Ивана Михайловича Андреевского (Андреева): «В глубине леса, на расстоянии одной версты, была поляна, окруженная березами. Эту поляну мы называли „Кафедральным собором“ нашей соловецкой Катакомбной Церкви, в честь Пресвятой Троицы. Куполом этого собора было небо, а стенами — березовый лес. Здесь изредка проходили наши тайные богослужения. Чаще такие богослужения происходили в другом месте, также в лесу, в „церкви“ св. Николая Чудотворца. На богослужения кроме нас пятерых — владыки Виктора (Островидова), епископа Максима (Жижиленко), доктора Косинского, доктора Петрова и меня, приходили еще и другие лица: священники о. Матфей, о. Александр, епископы Нектарий (Трезвинский), Иларион (викарий Смоленский), и наш общий духовник, замечательный руководитель — протоиерей о. Николай Пискановский. Изредка бывали и другие заключенные, верные наши друзья. Господь хранил наши «катакомбы» и за все время с 1928 по 1930 год включительно мы не были замечены»¹⁵.

Упомянутый протоиерей Николай Пискановский до ареста служил в Воронежской епархии, в период обновленчества был твердым борцом за чистоту православия. В 1928 г. он был арестован и сослан на Соловки. В лагере отец Николай был духовником заключенных священнослужителей и мирян. По воспоминаниям, это был замечательный пастырь, аскет, исповедник веры. Горячий молитвенник, он был любим людьми за свою доброту, отзывчивость, душевное спокойствие и истинно христианское милосердие. Его глубоко уважали находившиеся вместе с ним епископы, епископ Максим (Жижиленко) называл отца Николая «Адамантом Православия». Протоиерей Николай после Соловков находился в ссылке в Архангельске, где и скончался в тюремной больнице.

Авторитет заключенных епископов был очень высок среди духовенства России. Их голос был слышен далеко за пределами Соловков. Одним из выдающихся документов ГУЛАГа является «Памятная записка» Соловецких епископов, представленная на усмотрение Правительства. Этот документ вызвал широкий резонанс и в нашей стране, и за рубежом, горячо приветствовался всеми верующими в то

¹⁴ Катакомбники — течение, возникшее после смерти патриарха Тихона. Оппозиционное местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому) духовенство предлагало вместо административного единства РПЦ на времена гонений перейти на самоуправление епархий и приходов, а в случае закрытия церкви — на создание нелегальных общин, проведение тайных богослужений (т.е. уход в катакомбы). На Соловках представителями этого течения были еп. Максим (Жижиленко), Виктор (Островидов), Дамаскин (Цедрик), Нектарий (Трезвинский), позднее — Алексей (Буй) и др.

¹⁵ Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Т. 1. Jordan-ville, 1949. Репринт. М., 6/г. С. 31–32.

Иван Андреевский (Андреев)

трагическое для Русской Православной Церкви время.

В 1925 г. скончался Патриарх Тихон, обновленческий раскол подрывал единство Церкви. На этом историческом фоне «Обращение» соловецких узников прозвучало с особой силой. Оно не было официальным голосом Русской Церкви, но в то время совершенно совпадало с ним. Это было мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе в заключении на Соловках и представлявшей собой малый Собор многих епархий России, оно отражало общие условия жизни Церкви и общий ее исповеднический дух. Дух этого документа преисполнен непоколебимой твердостью во всем, что касается собственно церковной жизни, совершенно чужд и малой тени соглашательства, совершенно безбоязнен в свидетельстве правды и свободен в своем мнении среди уз. Документ отвечает высочайшему достоинству Церкви и ее вечному назначению, указывая ее истинный дух. В Памятной записке прямо и четко характеризовалось создавшееся положение: «...Местоблюститель патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах... Подписавшие настоящее заявление отдают себе полный отчет в том, насколько затруднительно установление взаимных благожелательных отношений между Церковью и государством в условиях текущей действительности и не считают возможным об этом умолчать. Было бы неправдой, не отвечающей достоинству Церкви и притом бесцельной и ни для кого не убедительной, если бы они стали утверждать, что между Православной Церковью и государственной властью Советских республик нет никаких расхождений». Далее четко и ясно дается суть этих разногласий и подчеркивается, что «с высоты философского мирозерцания идеологические расхождения между Церковью и государством нисходят в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности... Церковь видит в религии животворящую силу, ...коммунизм смотрит на религию, как на опиум. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самих основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого сближения или примирения...» Обличая ложность обновленческих постулатов, документ подчеркивает, что «Православная Церковь никогда не станет на этот недостойный путь и никогда не откажется ни в целом, ни в частях от обаянного святыней прошлых веков

вероучения в угоду одному из вечносменяющихся общественных настроений». Соловецкие епископы предложили и пути достойного выхода из создавшегося положения, заканчивая свою записку словами: «Если предложения Церкви будут признаны приемлемыми, она возрадуется о правде тех, от кого это будет зависеть. Если ее ходатайство будет отклонено, она готова на материальные лишения, которым подвергается, встретит это спокойно, памятуя, что не в целостности внешней организации заключается ее сила, а в единении веры и любви преданных ей чад ее, наипаче же возлагая свое упование на непреоборимую мощь ее Божественного Основателя и на Его обетование о неодолимости Его Создания»¹⁶.

Эта «Записка» была составлена в 1926 г. В день Отдания Пасхи 27 мая (9 июня) на продуктовом складе, которым заведовал заключенный игумен Питирим (Крылов) из Казани, собрались, по возможности, все заключенные епископы для заслушивания доклада профессора Московской Духовной Академии Ивана Васильевича Попова. Нельзя не сказать хотя бы несколько слов об этом удивительном человеке. Характеризуя его ученость, архиепископ Иларион (Троицкий) говорил: «Если бы, отцы и братия, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто перед знаниями Ивана Васильевича». Достаточно сказать, что в России патрология как наука была создана им. На Соловки он был сослан в 1925 г. за то, что был очень близок с патриархом Тихоном и много помогал ему. И.В. Попов был расстрелян 08.02.1938 в г. Енисейске.

Текст «Записки» был составлен И.В. Поповым, который руководствовался указаниями старшего среди архиереев на Соловках архиепископа Евгения (Зернова). Архиепископ Евгений, правящий Благовещенской епархией, прибыв на Соловки на три года в начале 1924 г., остался старшим среди епископов по общему их согласию и после того, как в лагерь прибыли более старшие по рукоположению. Это был выдающийся иерарх. Высокообразованный, компетентно рассуждавший по всякому теоретическому вопросу, он был житейски глубоко мудр, всегда тактичен и спокоен. В нем была притягательная сила истиной духовной власти. Богослужения архиепископа Евгения отличались величием, покоем и благоговением. Даже в условиях лагеря, когда в пище не приходилось разбираться, он был постником. Многочисленные члены его Благовещенской паствы оказались за рубежом, на китайской территории, рассыпались по всему миру, сохранив о своем пастыре самые светлые воспоминания. По воспоминаниям, в то время на Соловках из 200 заключенных священнослужителей было 23 епископа, почти все¹⁷ непосредственно принимали «Памятную записку». Некоторые из них находились на дальних от монастыря командировках, но, вероятно, знали о ней и высказали свое

¹⁶ Обращение Соловецких епископов // Север. 1990. № 9. С. 102–107.

¹⁷ Используемое нами выражение «почти все» означает, что мы не можем сказать более точно. Возможно, кто-то был на дальних или штрафных командировках и недоступен для общения, кто-то, не исключено, был и не согласен с положениями «Записки», но сведений об этом нет, можно только предполагать. Как указано в статье, текст «Записки» был составлен И.В. Поповым; затем с текстом, по возможности, все епископы были ознакомлены, были внесены поправки. А 9 июня, собравшись на продуктовом складе, ее еще раз обсудили (возможно, что-то отредактировав) и приняли.

Епископ Василий (Зеленцов)

мнение архиепископу Евгению. Владыка Иларион (Троицкий) второй раз был сослан на Соловки в 1926 г., когда документ был уже составлен, но он к нему присоединился.

«Памятная записка» — это не единственный отклик соловецких епископов на происходившее в стране. В июле 1927 г. появилась известная Декларация митрополита Сергия, и уже 14/27 сентября того же года появилось «Послание» соловецких архиереев к православным, в котором они по пунктам разбирают «Декларацию» и по четырем из них выражают несогласие. В нем, в частности, говорилось: «Мы не можем принять и одобрить послания в его целом по следующим соображениям: ...мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и государства...»¹⁸ Как мы знаем, это замечание оказалось пророческим. Свое, более непримиримое, отношение к Декларации выразил заключенный на Соловках епископ Василий (Зеленцов).

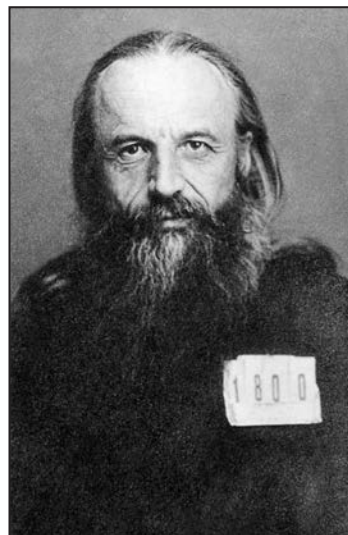
Интересна история вывоза «Послания» с Соловков. По воспоминаниям Ксении Петровны Трубецкой, дочери Петра Владимировича Истомина¹⁹, сосланного на Соловки по церковному делу, и в лагере ее отец поддерживал со многими епископами близкие отношения, особенно был дружен с епископом Прокопием (Титовым). Как раз в это время на Соловки на свидание к Петру Владимировичу приехала его жена Софья Ивановна. Пересылать «Послание» по почте было очень опасно, и по просьбе архиепископа Илариона Софья Ивановна выучила его наизусть, затем в Москве доложила митрополиту Сергию, а также согласно полученным на Соловках указаниям перепечатала и разослала многим епископам²⁰.

Нельзя не сказать еще об одной помощнице ссыльному духовенству — Градиславе Николаевне Канорской. Градислава Николаевна — сестра епископа Апполоса (Ржаницына), вдова священника. До 1921 г. она жила в селе Сорока (сейчас г. Беломорск), а с 1921 г. — на Поповом острове с тремя дочерьми и сыном, являясь председателем Церковного совета общины верующих (на Поповом острове располагался Кемский пересыльный пункт — печально знаменитый «Кемперпункт», — через который проходила большая часть заключенных Соловков).

¹⁸ Отклик православных епископов, заключенных в Соловках, на Декларацию... // Акты Святейшего патриарха Тихона (сборник документов). М., 1994. С. 516.

¹⁹ Петр Владимирович Истомин — внучатый племянник героя Севастопольской обороны В.И. Истомина.

²⁰ Трубецкая К.П. Воспоминания о Петре Владимировиче Истомине // «Хоругвь»: сборник. М., 1993. Вып. 1. С. 72.

С 1923 г. квартира Г.Н. Канорской стала пристанищем для всех освобождающихся с Соловков священников, местом встреч и обсуждений насущных вопросов. Она поддерживала отношения с содержащимися на Соловках священниками, занималась посредничеством в переписке между находящимися на воле и в заключении, через нее шли посылки, переводы. На ее квартире часто бывал сосланный в Кемь епископ Афанасий (Сахаров), протоиерей Иоанн Шастов, священники Александр Кремьшпанский, Поликарп Золотых и др.

По заданию ссыльных Г.Н. Канорская ездила в разные города с информацией о жизни духовенства в концлагере, привозя сведения о жизни и настроении духовенства на воле. Так, в 1927 г. она отвезла пакет от заключенного духовенства Соловков и вручила его лично помощнику заместителя Патриаршего Престола архиепископу Серафиму, в 1928 г. вместе с дочерьми, под видом обычной поездки, ездила к освобожденному с Соловков архимандриту Иоасафу, настоятелю монастыря Железный Борок Костромской епархии, затем в Кинешму, Кострому, Вологду и везде информировала о положении духовенства в лагере. В 1929 г. Градислава Николаевна ездила в Ленинград, где взяла открытое письмо митрополита Кирилла, находившегося в административной ссылке и воззвание архиепископа Серафима. Эти письма были размножены и распространены среди заключенного духовенства. За свою деятельность Г.Н. Канорская была арестована в июле 1929 г. и получила срок²¹.

Находясь в заключении, оторванные от своей паствы, своих духовных чад, многие священнослужители поддерживали с ними переписку, старались успокоить, ободрить и поддержать. Сохранились и сегодня опубликованы письма с Соловков архиепископов Илариона (Троицкого), Петра (Зверева), Иувеналия (Масловского), священников Иоанна Стеблин-Каменского и Анатолия Жураковского, Павла Флоренского и других. Это замечательные письма. Их авторы, находясь на самом дне земного ада, упрямо утверждали цельное мировоззрение, строили невидимый Божий Град, раскрывая небу свои мысли, чувства и сердца. «Пусть иногда темно и трудно ... пусть порой, как гробовая плита жизнь, но как не благодарить Его за все, что было, не хвалить Его каждым дыханием, как не ощущать, что все пережитое только залог, только предчувствие чаемого грядущего, того, что хранит для нас Любовь Отчая, Его объятия, Его лоно», — писал с Соловков иерей Анатолий Жураковский — талантливый проповедник, богослов, поэт, расстрелянный в Карелии 03.12.1937.²²

«Бывает и для души зима, которую мы должны уметь пережить. Дай же нам, Господи, силу всегда идти по пути правды и любви» — эти слова из письма о. Иоанна Стеблин-Каменского могли бы стать девизом многих соловецких страдальцев. И, может быть, пророчески прозвучат слова О.В. Волкова: «Какие неисповедимые пути привели столько православного духовенства сюда, в сложенную из дикого камня твердыню россиян на севере — седую Соловецкую обитель? Не воссияет ли она отныне новым светом, не прославится ли вновь на длинную череду столетий?»²³

²¹ Архив ФСБ, г. Архангельск. Дело П-14803.

²² «Солнце здесь не вечерюющее. Оно не знает заката» (письма иерея Анатолия Жураковского) // Северные просторы. 1992. № 1–2. С. 30.

²³ Волков О. Указ. соч. С. 66.

«Подстреленные на взлёте»

МОЛОДЕЖЬ В ЛАГЕРЕ НА СОЛОВКАХ

В годы массовых репрессий в нашей стране безвинно пострадало очень много молодежи, особенно — активной, творческой. Социальная активность молодого поколения всегда высока, а после революции 1917 г. многие искренне поверили, что наступило время, когда можно воплотить в жизнь самые смелые мечты. Часто свою инициативу молодежь направляла на совершенствование существующего строя, воплощение в жизнь истинных коммунистических идеалов, создавая для этого различные кружки и общества, которые тут же становились объектом пристального внимания властей. В стране, где никакое инакомыслие не допускалось даже на уровне критики, в безобидных дружеских вечерах следственные органы видели контрреволюционные организации. Молодежь со своей импульсивностью, бесстрашием, порой несдержанностью становилась легкой добычей. В стране не было ни одного крупного города, ни одного ВУЗа, где бы органами не были выявлены очаги молодежной «крамолы». Проводились бесконечные «чистки» учебных заведений от нежелательных элементов и процессы по делам молодежных организаций, уличенных в антисоветской деятельности. Так были разгромлены скаутские организации и заменены на идеологизированные пионерии и комсомол, уничтожено спортивное общество «Сокол», созданное еще в начале XX в. и ставившее своей целью «физическое и духовное развитие личности, в целях совершенствования общества в целом».

Много молодежи пострадало за религиозные убеждения или дворянское происхождение. Происхождение было не только препятствием для поступления на учебу или приличную работу, но и порой достаточной причиной, чтобы оказаться в тюрьме, лагере или ссылке. В лагеря попадала не только молодежь «страны Советов», но и молодые иностранцы, искренно поверившие в идеи социализма и тайно или явно приехавшие в СССР помогать строить его. Как правило, они тут же разделяли печальную участь многих советских людей, оказавшихся в неволе.

Репрессии в отношении молодежи преследовали цель задуть малейшие зачатки инакомыслия, не дать новому поколению взглянуть на мир собственными глазами и усомниться в совершенстве существующей модели общественно-го развития. Осужденные в молодом возрасте обречены были нести свой крест

Виктор Хародчинский перед второй ссылкой на Соловки. 1932 г.

пожизненно. Даже для тех, кому удавалось вырваться на свободу, лагерь был пожизненным клеймом.

В местах заключения на Соловках (1923–1939 гг.) с самого начала содержалось много молодежи. Первыми заключенными стали «политики» — эсеры, меньшевики, анархисты, которые сознательно боролись с большевиками. До Соловков они «сидели» в Пертоминске, а в июне 1923 г. большой группой в 300 человек были привезены на остров. Позднее их доставляли на Соловки поодиночке или небольшими группами, и к 1925 г. численность «политиков» на Соловках достигала 400 человек. Из них

более половины были моложе 30 лет, а 128 человек — младше 25 лет. Так из шести «политиков», убитых 19 декабря 1923 г. в Савватъеве, только Наталии Бауэр-Цейтлин было 32 года, возраст остальных — 25–28 лет.

В докладе о деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926–1927 гг. отмечалось, что из 12 896 человек заключенных СЛОНа (7 445 — на Соловках и 5 451 — на материковых командировках) 2040 человек (1840 мужчин и 200 женщин) имели возраст до 20 лет и 5 692 человека (5005 мужчин и 687 женщин) — от 20 до 30 лет. То есть моложе 30 лет была почти половина из общего числа заключенных¹. Из расстрелянных осенью и зимой 1937/38 гг. 1820 заключенных Соловецкой тюрьмы триста двадцать были в возрасте от 19 до 30 лет².

О «политиках» на Соловках и о трагической судьбе многих из них после Соловков сегодня известно немало³. Одним из самых молодых в их среде был Виктор Федорович Хародчинский⁴ (1913–05.10.1937), племянник Ю. Мартова (Ю.О. Цедельбаума). Он родился в семье профессиональных революционеров. С двух лет жил в Италии с родителями, политическими эмигрантами, секретарями Г.В. Плеханова. После 1917 г. Виктор поселился с родителями в Петрограде, там же пошел в трудовую школу № 13, где учился до девятого класса. «Это был очень талантливый подросток

¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 2818. Л. 4. Доклад о деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926–1927 гг.

² Мемориальное кладбище Сандармох. 1937, 27 октября – 4 ноября. Соловецкий этап. НИЦ Мемориал, СПб., 1997. Ленинградский мартиролог (1937–1938 гг.). СПб., 2008. Т. 8.

³ См., напр.: Север. 1990. № 9; Звенья. М., 1990. Вып. 1.

⁴ В разных источниках написание фамилии встречается «Хородчинский», «Хорадчинский», но правильно — Хародчинский, так она написана в заявлении матери Виктора, Иды Ефимовны (ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 622. Л. 298–300).

с пылким неугомонным характером», — писала о нем Р. Плеханова⁵. 5 октября 1929 г. 15-летний Виктор был арестован за выпуск рукописной листовки, которая призывала «смело вскрывать недостатки партийного аппарата». Вместе с ним было арестовано еще несколько подростков: Анатолий Скалдыцкий, Вячеслав Грыгоров, Смельский, Парижский, Рабинович и др. Все они сосланы на Соловки, и только В. Грыгоров — в Архангельск. По ходатайству Г.В. Плеханова и И.Г. Смиловича срок Виктору был сокращен и через полтора года он вернулся в Ленинград, поступил в Metallургический институт. По воспоминаниям людей, знавших В. Хародчинского, он преуспевал в науке, обладая незаурядными математическими способностями, писал стихи, был хорошим организатором. В 1932 г. он снова арестован как «идеолог и руководитель молодежной контрреволюционной организации меньшевиков и на пять лет сослан на Соловки. На Соловках Виктор работал в пущхозе и жил с А.Л. Гройсманом отдельно от всех, так как в его сопроводительных документах отмечалось, что В. Хародчинского необходимо изолировать от других заключенных, иначе он обязательно возобновит свою контрреволюционную деятельность». Отстаивая свои права, добываясь перевода на материк, Виктор неоднократно объявлял голодовку. Больного туберкулезом, его перевели с Соловков сначала в Ярославский политизолятор, а оттуда осенью 1936 г. — в Челябинский изолятор, где 5 октября 1937 г. расстреляли. Виктору Хародчинскому было всего 24 года. Свою смерть он предвидел, написав об этом:

И меня расстреляют... Печален, спокоен,
Я пройду сквозь тюремную серую муть,
Перед взводом поставят, и точен, и строен
Ряд винтовок поднимется, целя мне в грудь.
Мимолетно припомню судьбу Гумилева,
Лица милых расстрелянных где-то друзей,
На солдат посмотрю, — будут странно суровы
И угрюмо бездумны глаза палачей...
И спешаций вдогонку годам отгремевшим
Будет страшен секунд утомительный бег...
Залпа я не услышу... Лицом побелевшим
Вдрус уткнусь в окровавленный колющий снег⁶.

Очень много попадало в лагерь студентов, так как ВУЗы всегда были под пристальным вниманием органов. В апреле 1924 г. в Ленинграде была арестована большая группа студентов ЛГУ и Географического института в возрасте 19–20 лет. Для всех арест явился полной неожиданностью, так как никто из них политикой не интересовался, многие обучались на последних курсах и все время отдавали занятиям по избранной специальности. Без четкого определения вины все были осуждены на три года, и 4 июня 1924 г. группа студентов в 50 человек была отправлена на

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1570. Л. 23–24 об.

⁶ Стихи были сохранены его двоюродным братом Ю.Я. Цедельбаумом и переданы Т.Ю. Поповой-Цедельбаум в 1990 г.

Соловки. Не помогли никакие ходатайства. Преподаватели, которые пытались спасти студентов, заплатились за это. Так, преподаватель Сергей Николаевич Черкасов был на пять лет сослан на Соловки за то, что посоветовал одному из студентов уехать за границу, чтоб избежать «чистки». Большинство студентов, чтобы иметь статус «политических», вступили в лагере в партии меньшевиков, эсеров, анархистов. Содержались вместе с ними в Савватьево, на Муксалме и Анзере⁷. В эту группу вошли Сергей Адов, Афанасий Бордоков, Евгения Герцык, Георгий Дмитриев, Всеволод Каневский, Игорь Коротнев, Лев Уфлянд, Михаил Селенкин, Бруно Войт, Людмила Ионова и другие. Кстати, Людмила Всеволодовна Ионова — дочь одного из первых русских социалистов, много лет проведенного на каторге, — Всеволода Михайловича Ионова. После революции он работал в Академии Наук в Киеве, затем — научным сотрудником в музее Этнографии и Антропологии в Ленинграде.

Часть студентов, чтобы показать полную непричастность к каким бы то ни было политическим партиям, отказалась примкнуть к ним и составила группу «беспартийных политических». Такое решение плохо сказалось на их судьбе. Всю группу, десять человек, отправили на Кондостров, остров в 120 км от Соловков, где находилось пятое, штрафное отделение лагеря, отличавшееся очень тяжелыми условиями содержания. В эту группу попали Анна Лебедева (Штейнингер), Александр Медведев-Дитц (умер на Соловках в апреле 1926 г.), Георгий Лек, Тимофей Давыдов, Владимир Павлов, Таисия Попова, Александр Павлов и др. На Кондострове все страшно бедствовали, так как содержались вместе с уголовниками, которые отбирали у них еду и одежду.

Отбыв срок на Соловках, почти все студенты-ленинградцы так и не увидели свободы. Одним дали новые роки, другие оказались в ссылке: в Туркестане, Сибири или на Урале, затем получили «минусы», жили в большой нужде, не имея жилья, работы, разлученные с родными и любимыми людьми. В 1937 г. имена некоторых из них мы снова видим в списках арестованных. Среди сосланных на Соловки в результате «чисток» ВУЗов были студенты многих ВУЗов страны. Так, например, Мордех Яковлевич Мейзин, студент III курса МГУ весной 1924 г. в ходе «чистки» ВУЗов был отчислен, и чтобы продолжить образование репил уехать за границу. В августе того же года был арестован, на три года сослан на Соловки, а затем еще на три года сослан в Нарымский край, после ссылки получил «минус шесть». Ростислав Мамуна и Анатолий Гололобов были студентами Симферопольского Университета, Николай Веселовский — из Владикавказа. Много студентов было сослано из ВУЗов Киева, Крыма, Белоруссии. Сотни молодых и талантливых людей оказались выброшенными из жизни, навсегда лишились возможности получить образование.

Немало студентов пострадали за участие в различных студенческих кружках. О судьбе членов кружка «Космическая Академия» мы хорошо знаем из воспоминаний его участника и бывшего заключенного Соловков академика Д.С. Лихачева,

⁷ Так же поступила и часть сосланных ранее студентов ЛГУ, уроженцев Сибири, пострадавших за принадлежность к Сибирскому землячеству.

Дмитрий Лихачев перед арестом. 1926 г.

одного из немногих не только переживших лагерь, но и сумевших занять достойное место в истории России⁸.

В альманахе «Соловецкое море» неоднократно публиковались стихи Юрия Казарновского и воспоминания о нем⁹, но сведения об этом талантливом поэте крайне скудны и отрывочны. Попытаемся, насколько возможно, восполнить пробел. Свою биографию Юрий Алексеевич довольно подробно излагает в письме к А.М. Горькому, написанному после ареста¹⁰. Родился в 1905 г., был единственным ребенком в семье. Его отец 32 года служил на железной дороге, умер в 1924 г. Юрий с двенадцати лет писал стихи, в 1922–1923 гг. в журнале «Искра» печатались его первые рассказы. С 16 лет работал

в разных советских редакциях, «никогда ничем скомпрометирован не был», учился на филологическом факультете университета в Ростове-на-Дону. «Революция мне открывала сказочно-радостные пути для новых, еще неизведанных форм творчества, и я работал, ища их. Иногда, кажется, удачно. (Так, по крайней мере, говорил мне несколько знающий меня Евгений Замятин)», — писал Юрий. Но 19 декабря 1927 г. он был арестован Ростовским ГПУ и обвинен по ст. 58–4, 11 («участие в контрреволюционной организации»). Поводом послужило участие в трех домашних вечерах студенческого литературного кружка, который назывался «Временник» — по аналогии с литературным альманахом. Ю. Казарновский на этих вечерах читал свои произведения «Веснушки» и «Звезда», которые вскоре были напечатаны в местной комсомольской газете «Большевистская смена». На следствии спросили только о «нелепом инциденте», случившемся на одном из вечеров. Кто-то из участников пути выкрикнул: «Боже, царя храни!». По постановлению КОГПУ от 25 июня 1928 г. Юрий был приговорен к пяти годам лагеря и 11 июля отправлен этапом на Соловки. В том же письме он пишет: «Кому это нужно — государство посылает человека на гибель, искренно ему преданного, ни в чем перед ним не виноватого <...> очень больно так бесполезно, жалко и позорно гибнуть в 23 года, когда еще ничего не сделано, но столько задумано и столько хочется сделать. Ведь впереди еще столько невиданного, непрочитанного и ненаписанного».

Одновременно с Юрием Казарновским арестованы и другие члены этих литературных вечеров, всего 12 человек. Вот некоторые из них.

⁸ Лихачев Д.С. Я вспоминаю... М., 1991; Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания. М., 1997.

⁹ Воспоминания см.: Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2007. Вып. 6.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 276. Л. 3 об.; Д. 520. Л. 303–306.

Владимир Сергеевич Раздольский, студент факультета философии и литературы Ростовского университета. Арестован и получил 10 лет Соловков за то, что на литературном вечере прочел доклад о Шекспире и навестил мать арестованного чуть раньше товарища Константиныди, сосланного на Соловки на 10 лет. На момент ареста Владимиру было 20 лет, он тоже был единственным сыном в семье, и его отец, не выдержав такого удара, умер во время следствия над сыном.

Александр Александрович Панкратов (1902–1947) родился во Владимире, с 1924 г. жил в Ростове-на-Дону, учился на факультете философии и литературы, одновременно работал стенографистом в различных учреждениях. Сослан на Соловки на пять лет за то, что одно из трех заседаний кружка проходило у него в квартире. «„Дела“ своего не видел, очных ставок не было, не знаю, что надо опровергать», — писал он¹¹.

Александр Артуровичу Пешковскому на момент ареста было 23 года. Ростовский университет он закончил в 1926 г., подавал большие надежды в науке, работал под руководством своего дяди, московского профессора А.М. Пешковского. После окончания университета его ростовский руководитель — профессор — получил назначение во Владикавказ и вызвал своего ученика туда. Во Владикавказе Александр читал лекции, руководил семинарами, очень увлекся краеведением, собирал материалы по теме «Толстой в Дагестане», писал неплохие стихи. Его и арестовали позднее других, потому что он был в фольклорной экспедиции. Несмотря на то, что в заседаниях кружка он участия не принимал, а из членов кружка дружил с одним Юрием Кулжинским, Александр был сослан на Соловки по ст. 58–11 на 10 лет.

Святослав Петрович Рахт. Из семьи врача, студент I курса медфака, 21 год. Это он шутя пропел: «Боже, царя храни!», за что получил 10 лет Соловков.

Оказавшись в лагере, Ю. Казарновский, А. Пешковский, А. Панкратов насколько позволяли условия Соловков, не оставляли литературную деятельность, писали стихи, многие из которых были опубликованы в журнале «Соловецкие острова».

Хочу одно: увидеть дуг
С простыми пестрыми цветами
И рожь с родными васильками
И неба светло-синий круг.

А. Панкратов

Сегодня места нет тоске,
Ну что ж, изгнанье так изгнанье.
С родным «Онегиным» в руке
Пью чай под северным сияньем.
Когда же боль на всем ходу
Вдруг обожжет, как бы с размаха,
То в этот вечер я кладу
В свой чай янтарный лишний сахар.

Ю. Казарновский

¹¹ Там же. Д. 487. Л. 283–284.

Лагерь навсегда сломал их жизнь, лишил будущего. У Александра Пешковского развилась и быстро прогрессировала тяжелая болезнь, и в 1931 г. с Соловков он был переведен сначала в Красноборск, затем — в Котлас, где работал журналистом в лагерной прессе. По некоторым данным, с Севера его послали в Среднюю Азию, и дальше следы талантливого юноши, подававшего большие надежды, теряются.

Александр Панкратов, вернувшись из лагеря, жил случайными заработками. В начале Великой Отечественной войны был мобилизован, служил писарем в санитарном поезде. После демобилизации жил в Москве, скончался в 1947 г. Это он сохранил стихи еще одного талантливого поэта Владимира Свешникова (Кемецкого), с которым дружил на Соловках.

Поистине трагичной оказалась судьба Юрия Казарновского. Н. Мандельштам вспоминала, как во время войны в Ташкенте она встретила приехавшего с Колымы Юрия Казарновского. Он был свидетелем последних дней Осипа Мандельштама в пересыльном лагере на Второй речке под Владивостоком. В Ташкенте поэт страшно бедствовал. Милиция отказала ему в прописке и гнала из города в район, раздетого и нищего. Он подрабатывал тем, что подносил на вокзале пассажирам чемоданы. В лагере Ю. Казарновский отморозил пальцы ног, их ампутировали, и в Ташкенте он всю зиму ходил в резиновых калошах матери Надежды Яковлевны. Это был уже совершенно опустившийся человек¹². Скончался он в Москве после 1954 г.

В середине 1920-х гг., по прошествии нескольких лет после революции, уже невооруженным глазом были видны расхождения между социалистической теорией и воплощением ее на практике. Студенты, живо реагируя на это, создавали кружки, такие как «Организация молодых марксистов», «Исправление коммунистических программ», не думая о том, что само их название звучит крамольно.

Борис Андреевич Федулов учился сначала в Минском сельскохозяйственном институте, затем во ВХУТЕМАСе в Москве. В 19 лет был арестован и получил пятилетний срок в Соловках за участие в кружке, ставящем целью улучшение быта крестьян. В лагере работал художником в театре, в Соловецком Обществе Краеведения. Занимался ботаническими исследованиями, был едва ли не первым исследователем кедр на Соловках. В лагере тяжело заболел туберкулезом. Просьбы матери перевести сына в местность с более мягким и сухим климатом остались без ответа.

Аркадий Александрович Тамби, студент ЛГУ, член ассоциации натуралистов, в 1928 г. был сослан на Соловки только за то, что в его дневнике нашли такую запись:

¹² Мандельштам Н.Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990. С. 489–490.

Анна Бриллиантова (1909–1937), студентка биофака МГУ, арестована и сослана на Соловки в 1933 г. Расстреляна в Сандармохе.

«Не было дня, чтобы я не думал о погибшей красоте прошлого — дворцах Юсупова, Шувалова. <...> Мы живем в эпоху страшного кризиса человеческих отношений. Все гадко, ужасно, с жутью думаешь об этом мертвящем социализме, а им только всё и полно в окружающей действительности»¹³.

В 1936 г. в Педагогическом институте в Горьком арестована и сослана на Соловки большая группа студентов, обвиненных в принадлежности к троцкистской организации. Семеро из них — Зоя Фролова, Александр Шавандин, Борис Голованов, Вениамин Зайкин, Георгий Семенец, Валентина Солоницына и Людмила Толкачева были расстреляны в Сандармохе осенью 1937 г. в возрасте 21–24 лет¹⁴.

Нередки были случаи, когда арестовывали, не объясняя причин. Так, Александр Плисс, уроженец города Рыльска, студент Ленинградского Технологического института, в 1927 г. был арестован за несколько дней до окончания института. На запросы родителей им отвечали: «Пустяки, Ваш сын ни в чем не виноват <...> такие явления между студенчеством — дело обычное». И тем не менее в административном порядке Александр был на три года сослан на Соловки, где отбыл полсрока, затем переведен в Коми край и по окончании этого срока получил еще три года ссылки в Севкрай¹⁵.

Девятнадцатилетний студент Ленинградского института экспериментальной медицины Алексей Голубцов арестован только за знакомство с человеком, которого считали злостным контрреволюционером. Не помогло и то, что его родители — заслуженные деятели науки — отец работал с академиком Павловым. Алексей на три года был отправлен на Соловки.

Для молодежи даже такие безобидные встречи, как танцевальные вечера, часто оказывались роковыми. Александра Гусева (Брычева) и ее брат Алексей сосланы за посещение музыкальных вечеров с танцами. У Гусевой остался крошечный ребенок.

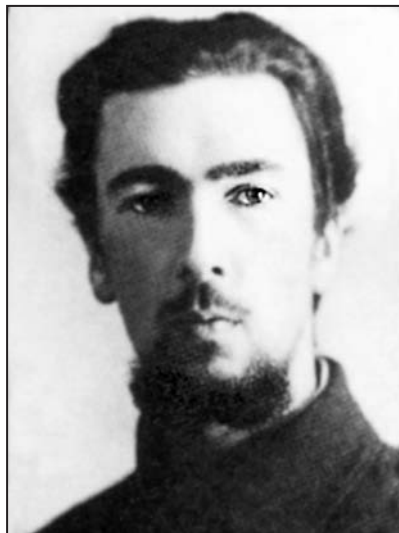
Василий Ефимович Стефанов окончил в 1924 г. в Одессе балетную студию и организовал коллектив молодых артистов. Сам был балетмейстером. В 1925–1926 гг. ставил спектакли по клубам. За неимением помещения репетиции проходили на квартире Стефанова. Коллектив назвали «Голубая собака» (в комнате была лампа под голубым абажуром с нарисованной собакой). И хотя с весны 1926 г. репетиции на дому прекратились, 22 ноября 1926 г. участники репетиций были арестованы,

¹³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 468. Л. 24–26.

¹⁴ Мемориальное кладбище Сандармох...

¹⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 591. Л. 153–155.

Владимир Ганешин (1904–1977) был сослан на Соловки на 6 лет в 1926 г. за принадлежность к скаутам и участие в кружке «Исправление коммунистических программ».

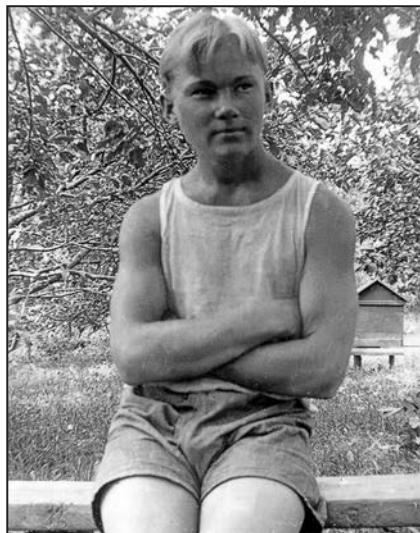

так как «Голубую собаку» признали контрреволюционной организацией, а ее членам предъявлено обвинение по ст. 58–5. Причем, одна часть группы была признана активными членами этой организации, другая — пассивными. Пассивные без суда были отправлены на 3 года на Соловки, без применения амнистии, а активные были оставлены на суд и по его приговору высланы на 3 года за пределы Украины. На Соловки были сосланы братья Стефановы — Василий и Петр, К. Гоняк, М. Фролов, В. Гуревич и др. На Соловках многие из них участвовали в постановках лагерного театра. Василий Стефанов стал балетмейстером. После отбытия срока на Соловках вся эта группа получила еще по три года ссылки в Сибирь, которую не все смогли пережить. Петр Стефанов скончался 6 января 1930 г. в деревне Елизарово Барабинского округа.

Постановлением КОГПУ от 29 октября 1929 г. по ст. 58–11 на Соловки была сослана группа молодежи из Якутии в количестве 21 человека. Среди них Петр Михайлович Оросин — литератор, переводчик, один из составителей учебников на якутском языке, А. И. Сафронов — литератор, писавший на национальном языке, учителя В.И. Новгородов, Н.М. Говоров и другие представители якутской интеллигенции. Почти все они погибли в сыром, непривычном для них климате Соловков. «Продолжительное заключение в Соловках для нас является медленной смертью, ибо мы, якуты, дети приполярного Севера с сухим и холодным климатом, привычные к мясным и молочным продуктам питания, не можем вынести сырой климат Соловецких островов», — писали они в прошении о переводе их на материк¹⁶.

В том же 1929 г. на Соловки была сослана группа молодых толстовцев по обвинению в участии в вегетарианском кружке молодежи, антимиитаризме и в оказании помощи заключенным единомышленникам. Оказавшись в лагере, уже в Кемском пересыльном пункте, они были поражены бесчеловечным отношением к заключенным, особенно к уголовникам, и согласно своему принципу «все люди — братья» стали их поддерживать. Они отказывались от неразумных приказов и выступали против бессмысленной жестокости, несмотря на то, что это приводило к ухудшению их собственного положения. Так Иван Баутин, личный секретарь В.Г. Черткова, был с Соловков вывезен на материк в Парандово на самые тяжелые работы. Бориса Пескова по прибытии на остров сразу же отправили в штрафной изолятор на Секирную гору. Иван Сорокин и Юрий Неаполитанский

¹⁶ Там же. Д. 376. Л. 122–124 об.

Сергей Щегольков за два месяца до ареста. 1932 г.

в знак солидарности с остальными сами отказались от канцелярских работ, не желая иметь никаких привилегий.

Известно, какие масштабы в нашей стране принял террор, направленный против людей, которые имели «неправильное» происхождение. Чекист М. Лацис писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования

или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»¹⁷. Выкорчевывая с корнем класс дворянства, не падали ни стариков, ни детей. В списке заключенных Соловецкого лагеря особого назначения можно встретить представителей самых известных дворянских фамилий России. Вот судьбы нескольких из них, типичные для своего времени.

Ирина Сергеевна Витте-Сомова — дочь председателя Совета министров в 1905–1906 гг. графа Сергея Юльевича Витте (1849–1915). Арестована 3 мая 1924 г. в Москве (в момент ареста ей только исполнилось 19 лет). Вместе с мужем, инженером Сомовым, сослана на Соловки, где пробыла три с половиной года. Муж умер на Соловках. На три года сослана в Красноярский край, где терпела огромную нужду. В письме к Е.П. Пешковой она писала: «Я совершенно беспомощная, полубольная, голодная, голая <...> не дайте мне погибнуть в столь молодые годы. Революция застала меня в 12 лет, что я видела, что я знаю, кроме тюрьмы, этапа и т.д. Кому я могу и чем быть вредна? Обвинение, мне предписанное — это статьи 58/3,4,6. Ни смысла, ни духа этих обвинений не знаю и не понимаю. Трудиться умею и буду... Вынуждена Вам повторить, что я раздета на пятидесятиградусном сибирском морозе, без теплой одежды <...> каждый день рискую быть обреченной на голодную смерть и на смертельную простуду, у меня обморожены ноги, и каким-то чудом я жива еще. Я ходила две зимы в ситцевой кофточке даже без ваты, в башмаках рваных даже без галош, о моей нужде знает весь город»¹⁸. Единственная просьба Ирины Сергеевны была — разрешить выехать к деду в Париж или к брату в Берлин, но выезд так и не разрешили.

¹⁷ Там же. Д. 376. Л. 122–124 об.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 231. Л. 5–6; Д. 398. Л. 44–45, 77, 630.

Еще более горестной, полной испытаний была судьба другой молодой дворянки — Клары Николаевны Побединской-Кайзберг. Она родилась в семье адмирала Балтийского флота. С малых лет была отдана в Смольный институт. В 1917 г. ей, как и Ирине Витте, было 12 лет. Через год отец, мать и четыре брата были расстреляны. Клара попала в психиатрическую больницу, где провела два года, а выйдя оттуда, оказалась без родных, дома, средств к существованию. Из-за перенесенных переживаний девочка перестала расти, и на всю жизнь осталась очень маленькой. К счастью встретила знакомого своих родителей — военного летчика, за которого и вышла замуж в 15 лет, через год родила дочь. Жизнь как-то стала налаживаться. Клара поступила на медицинский факультет, но тут грянула новая беда: мужа арестовали и расстреляли. В поисках родственников судьба занесла ее в Тифлис, где Клара была вскоре арестована. Началась ее «одиссея» по тюрьмам, лагерям и ссылкам. Отбыв три года на Соловках, она отправлена еще на такой же срок Сибирь, откуда писала: «Хлеба нам здесь не дают совершенно, получить работу нет никакой возможности. Вот уже три дня как я абсолютно ничего не ела, все время горлом идет кровь, за квартиру платить нечем... У меня всего одна сорочка и одно платье, рассчитывать на помощь мне неоткуда. С каждым днем угасают силы, с квартиры гонят как собачонку...». Но, как-то пережив все это, Клара Кайзберг снова была сослана, уже в Караганду. В 1937 г. это был совершенно больной человек, из 32 лет своей жизни 14 лет проведенный в лагере и ссылках. «Жизнь для меня всегда была мачехой. После тяжелой операции я скелет, обтянутый кожей, мой вес 2 пуда 28 фунтов. Понимая, что жить осталось недолго, у меня одна мечта: я хочу досидеть эти шесть месяцев и умереть на воле, которую я так долго жду», — писала она из Караганды¹⁹.

Примеров преследования молодых людей только за происхождение множество. Студент IV курса кораблестроительного факультета Ленинградского политехнического института Петр Оболенский, дочь предводителя дворянства Нина Энгельгардт, княжна Валентина Гагарина, Владимир Бестужев-Рюмин, Борис Дистерло, Сергей Леонтьев, Владимир Бота и многие другие сосланы на Соловки «без конкретного обвинения», только за принадлежность к дворянскому сословию.

Впрочем, было бы неверным считать, что к выходцам из среды пролетариата отношение было другим. Инакомыслия, малейших проступков не прощали никому.

Сергей Васильевич Щегольков (1915–03.01.2004) родился в г. Краснослободске в Мордовии. В 15 лет приехал в Москву и поступил в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) при заводе «Авиаприбор». Обучался на слесаря-инструментальщика, был активистом, верил в мировую революцию. А в 1932 г. вместе с друзьями-одногодками Серафимом Архиповым, Евгением Перфиловым и еще тремя подростками — Коньковым, Бархатовым и Полетаевым, которых они никогда не видели, были арестованы, обвинены в создании террористической группы, ставящей своей целью покушение на Сталина и других руководителей страны, и сосланы на 10 лет. Причиной ареста послужило то, что однажды на лыжной прогулке

¹⁹ Там же. Д. 524. Л. 76–77.; Д. 1571. Л. 45–69.

Виктор Васильев перед арестом и ссылкой на Соловки.
1932 г.

в Петровском парке Сергей Щегольков нашел пакет, в котором был пистолет, и оставил его себе. Летом он отвез пистолет домой в Мордовию, где с ним сфотографировался и, возвратившись в Москву, подарил эту фотографию товарищу. На единственном допросе следователь показал эту фотографию. На Соловках Сергея от общих работ спасло то, что он хорошо знал механику и слесарное дело, и его взял работать на электростанцию Иван Семенович Овсяный, крупный инженер из Москвы, «удивительно честный и обаятельный человек». Отбыв на Соловках шесть лет, С.В. Щегольков работал в Мордвии, так

как в Москву не пустили, долго жил под страхом

повторного ареста. Несмотря на реабилитацию в 1964 г., на всю жизнь осталась горечь обиды за поломанную жизнь. И тридцать лет после освобождения Сергея Васильевича мучил один и тот же сон: ему снова добавляют срок. Он прожил жизнь честного человека, до конца оставаясь равнодушным к тому, что происходит вокруг. С 1989 г. ежегодно приезжал на Соловки на «Дни памяти». Как он сокрушался, увидев полуразрушенное здание монастырской электростанции, на которой когда-то работал. «Как горестно на это смотреть», — говорил он.

Судьба его однодельцев сложилась еще трагичней: Н. Коньков был расстрелян еще в Москве вскоре после ареста, Е. Перфилов — 2 ноября 1937 г. в Сандармохе в числе 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы, С. Архипов погиб в боях под Москвой в 1942 г.

А вот еще несколько похожих судеб.

Виктор Георгиевич Васильев (1916–2002) родился в Москве, в семье был двенадцатым ребенком. Окончил пять классов и ФЗУ при Трехгорной мануфактуре. В 1932 г. неожиданно арестован и сослан на Соловки. В 1937 г. срок был продлен. После Соловков — Ухта, затем, с 1950 г. — ссылка. В Москву возвратился только в 1973 г. Всю жизнь писал стихи, в одном из них есть такие строчки:

Меня из Москвы увезли под конвоем
С этапом мальчишек, таких же, как я...

Лев Николаевич Мартюхин (1914–1996) после окончания ФЗУ работал на строительстве первой очереди Московского метрополитена. В 1935 г. арестован и по ст. 58 осужден на 5 лет. После Соловков был на ББК, Колыме. В лагерях на общих работах провел 12 лет, затем — ссылка в Кабарду. Тоже писал стихи, оставил «Воспоминания».

Крушельницкие Владимир Антонович (1903–1937), Остап Антонович (1913–1937), расстреляны вместе с отцом Антоном Владиславовичем в Сандармохе.

Сергей Александрович Снегов (1910–1994) происходил из рабочей семьи. Отец был большевиком-подпольщиком. «По крови я естественнейший образец государственной добропорядочности», — писал он в своей автобиографии. После окончания ВУЗа преподавал в Одессе, затем переехал в Ленинград. Как многие молодые люди строил планы на будущее, выбрал для себя три направления деятельности — философию, физику и литературу, во всех хотел

добиться успехов. Но в это время в Ленинграде после убийства С.М. Кирова заканчивалась «чистка» города, под которую он и попал. Проведя на Соловках, в Норильске и на Колыме 18 лет, Сергей Снегов остался верен своим жизненным устремлениям: будучи талантливым физиком, хотел заняться историей ядерной промышленности, но мешало прошлое, и тогда он решил заняться научной фантастикой, неподвластной цензурным запретам. Сергей Снегов — автор восьми романов, двадцати повестей, рассказов, стихов пьес, философских трактатов, многие из которых переведены на иностранные языки.

А вот история Павла Альбертовича Ивенсена, одного из талантливых наших авиаконструкторов. В 18 лет, в 1926 г., он построил свой первый планер. К 20 годам самостоятельно сконструировал и построил четыре планера, маленький самолет, катер на подводных крыльях, проектировал самолет, состоял общественным секретарем Легкомоторного Комитета ЦС ОСОВИАХИМа. В 1934 г. он начал заниматься вместе с известным конструктором П.И. Гроховским проектированием боевого самолета Г-38, которому дал высокую оценку М.Н. Тухачевский, что и сыграло роковую роль в судьбе П.А. Ивенсена. В 1935 г. он был арестован и сослан на Соловки. Провел в лагерях и тюрьмах почти 20 лет. Но везде, как бы ни складывались обстоятельства, находил время для научного творчества. На Соловках думал над созданием дешевого эстакадно-тоннельного метро, проводил эксперименты по освоению высоких взлетно-посадочных скоростей самолета — этой темой он занимался в момент ареста. Находясь на Соловках, в марте 1936 г. Павел Альбертович из газеты узнал, что его планер «Чайку» с гордостью показывали вождям на Тушинском аэродроме. После Соловков он сидел в спецтюрьме НКВД, в знаменитой «парашке» А.Н. Туполева, затем — в Восточном Казахстане. В 1956 г. реабилитирован. Более 15 лет работал в космической промышленности. Стал одним из конструкторов пилотируемой орбитальной станции «Салют».

УПРАВЛЕНИЕ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ ОГПУ

Составлена в „9“ Отделении

Учетно-статистическая карта

Личное дело № 228857

Прибыл в лагерь 27 Марта 1934 г.

Категория содержания	
Категория трудоспособности	III

1. Фамилия и инициалы Клинец
2. Имя и отчество Анатольевич Александрович
3. Год рождения 1916 Место рождения и приписки г. Ленинград Васильев остров
16 линия: Дом 33 кв. 2 Тамбов
4. Образование: { общее 7 летнее
специальное Нет
5. Гражданство СССР национальность русский
6. Специальность: { общая Музыкант
узкая Барб. ансамбль
стаж <
7. Постановл. Квалификац. Кемиссии _____

Особые приметы:

1. Рост Средний
2. Телослож. Средний
3. Цвет волос русые
4. Цвет глаз голубые
5. Нос нормальный
6. Пр. приметы Нет

8. Какие языки знаете, кроме родного. Нет
9. Специальное происхождение Финляндия
10. Специальное положение Финляндия
11. Политическая Б. П.
12. Служба в рядах: { старой Нет
белой Нет
Красной Нет
13. Служба в судебных органах и ГПУ Нет
14. Время ареста 22 декабря 1933 года
15. Превыш. судимость Первая который раз в лагере Первый
16. Семейное положение холост указать фамилию и адреса близ. родственников Мать Клинец Мария Андреевна
17. Настоящее и последнее место жительства г. Ленинград Васильев остров 16 линия Дом 33 кв. 2

Работа до заключения:

Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	От	До
<u>Учащийся № 3 А</u>	<u>учащийся</u>		

Об ответственности за точность сведений мне объявлено.

Подпись заключенного Клинец

УПРАВЛЕНИЕ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ ОГПУ

Составлена в 9 Отделении

Учетно-статистическая карточка

Личное дело № Р 28558

Прибыл в лагерь 21.11.1937

Категория содержания	
Категория трудоспособности	

1. Фамилия и инициалы: Клинеев
2. Имя и отчество: Виктор Александрович
3. Год рождения: 1917 Место рождения и приписка: г. Ленинград, Восточный остров
Мяч. 16, Дом 33 № 2
4. Образование: { общее среднее
специальное Нет
5. Гражданство: РСФСР национальность: русский
6. Специальность: { общая музыкалист
узкая классик
стат. _____
7. Поступово. Квалификац. Комиссия _____
8. Какие языки знаете, кроме родного: Нет
Социальное происхождение: Специалист
циальный положение: ученик
партийность: нет
9. Служба в вооруженных: { старой Нет
белой Нет
Красной Нет
10. Служба в судебных органах и ГПУ: Нет
11. Время ареста: 21 декабря 1933 года
12. Прозванная судимостью: Нерва который раз в лагере второй
13. Семейное положение: холост указать фамилию и адреса близ. родственников: Мать: Клинеев Борис Андреевич
14. Постоянное и последнее место жительства: г. Ленинград, Вост. остров
16. мяч. 16, Дом 33 № 2

Особые приметы:

1. Рост: Средний
2. Телослож: Средний
3. Цвет волос: рыжий
4. Цвет глаз: голубые
5. Нос: прямой
6. Пр. приметы: Нет

Работа до заключения:

Учреждение или предприятие	Занимаемая должность	От	До
<u>17-й труд. школа</u>	<u>Ученик</u>		

Об ответственности за дачу ложных сведений имею объявлено.

Подпись заключенного

В. Клинеев

Братья Клинеев Анатолий (1916–1937) и Виктор (1917–1937) арестованы и сосланы на Соловки в 1932 г. за участие в церковном хоре и расстрелянного отца-белогвардейца.

Расстреляны в Сандармохе.

К счастью, лагерное прошлое не перечеркнуло творческую жизнь этого незаурядного конструктора-изобретателя, и он оставил заметный след в выбранной им сфере деятельности.

Совершенно невероятной кажется история московского школьника Юрия Чиркова (25.11.1919–11.08.1988), попавшего в лагерь почти ребенком, но проявившего такую стойкость, несгибаемость и твердость характера, какие не всегда под силу были взрослым людям. Подросток, попавший в жесткие условия лагеря, не просто выжил, а вырос высоко нравственным, духовно богатым человеком, стал подлинным интеллигентом, ученым, профессором. Домашний мальчик из интеллигентной семьи, лучший ученик в школе, Юрий в 15 лет был обвинен в подготовке покушения на вождей и приговорен к трем годам заключения в лагерь. 1 сентября 1935 г., когда его одноклассники шли с цветами в школу, он ступил на соловецкую землю. Прощаясь в Москве с матерью, Юрий дал ей слово, что лагерь его не испортит, и «каждый день он будет закладывать что-то хорошее в голову и сердце».

С первых дней лагерной жизни его больше всего интересовало, есть ли в лагере библиотека, сможет ли учиться, чтобы сдать экзамены за среднюю школу, как лучше заняться самообразованием. Для него примером был Павел Флоренский, который и в условиях лагеря занимался наукой, читал лекции, размышлял о бытии. Как бы ни уставал на работе (приходилось работать и на ремонте дорог, и санитаром в лагерьном лазарете), Юрий всегда выкраивал время для чтения книг, составил план учебы и твердо следовал ему, тянулся к интересным людям. А вокруг было много таких ученых, которыми мог бы гордиться любая университет. Его преподавателями были П.А. Флоренский, профессора А.Ф. Вангенгейм, К.П. Казаринов, образованнейший Петр Вайгель. Все они сулили Юрию блестящее будущее, если он переживет лагерь.

Эти великие люди, окружавшие подростка, заложили в нем на всю жизнь страсть к знаниям, жизнелюбие, сострадание к ближнему. Никогда он не старался подстроиться под обстоятельства. Другьям удалось устроить его в библиотеку — предел мечтаний для Юры. Но когда уволили из библиотеки А.Ф. Вангенгейма и Г.П. Котляревского, он в знак солидарности с ними отказался работать в библиотеке, и был отправлен в штрафной лагпункт в Филимоново на тяжелые работы. Объявил голодовку. При этом, как писал он в своих воспоминаниях, «...настроение у меня было отличное. Во-первых, я поступил, как считал нужным, не соблазнился чечевичной похлебкой, во-вторых, я имею возможность проверить силу воли и крепость духа. Я хоть в микромасштабе, но вступил в бой с мощной машиной власти, предъявил свои требования. Я требую, а не сгибаюсь. До чего же хорошо»²⁰. Подросток не поддался на уговоры прекратить голодовку и тогда, когда его посадили в холодный подвал с крысами. Даже в штрафном изоляторе он не терял времени даром: тренировал память, читая стихи, вспоминая законы физики и химии, а оказавшись вместе с заключенными-турками, начал изучать их язык.

Много раз Юрий проявлял твердость, не соответствующую его хрупкой, почти детской внешности. Однажды он отказался разгружать баржу с кирпичом для

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1451. Л. 103; Чирков Ю.И. А было всё так. М., 1991.

Юрий Чирков перед арестом. 1935 г.

строительства тюрьмы, считая, «что участвовать в постройке тюрьмы для себя — безнравственно». Не по годам серьезный подросток пытался осмысливать происходящее: переживал за перестрелянных чаек, за уничтоженную царскую колокольню, задавался вопросами о смысле проявленного варварства, искал аналогии вне Соловков, ужасался и скорбел. Еще в Кемперпункте его поразило, что старенький отец Василий из Рязани, которого он пытался утешить, оказывается, плачет от радости, что придется умереть не где-нибудь, а на земле, освященной преподобными Зосимой, Савватием и Германом. Это навсегда запало в душу мальчика и заставило посмотреть на Соловки другими глазами.

С таким характером его злключения не закончились Соловками; после них были Ухтпечлаг, ссылка в Красноярск, — всего 19 лет. Но Юрий Иванович экстерном сдал с золотой медалью экзамены за среднюю школу, в короткие сроки между ссылками окончил институт. После освобождения защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал заведующим кафедрой климатологии Тимирязевской Академии. Написал более десяти монографий и учебников. О годах, проведенных в лагерях и ссылках, Ю.И. Чирков оставил воспоминания. Всю жизнь Юрия Ивановича сопровождали и стихи. В одном из них, написанном в Ухтижмлаге и посвященном Соловкам, он писал:

...

Но, как и прежде, каждый вечер
Звезды встречаю я восход,
Я верю: этот гнет не вечен
И справедливость все ж грядет!
С тоской щемящей вспоминаю
Я боль и радость прежних лет,
Но остров тот благословляю,
Где в грудь запал мне звездный след.

Юрий Иванович всю жизнь считал Соловки своим первым университетом, очень трудным, очень интересным и незабвенным. Попав в лагерь в том возрасте, когда формируется характер, закладываются нравственные принципы, он получил от судьбы подарок, заключавшийся в том, что его учителями и воспитателями стали люди высокой культуры и истинных знаний.

Конечно, история Ю.И. Чиркова — это особый случай, но и в целом среди молодежи (имеется ввиду молодежь, сосланная по ст. 58) в большинстве были те, кто и в условиях лагеря предпочел остаться человеком. Для них «остаться человеком» значило не только делиться последним куском, но и воспитывать самого себя, противостоять окружающему злу. В лагере молодежь больше других страдала не только от холода и голода, но и от невозможности применить способности, от окружающего хамства, несправедливости. И как только появлялась малейшая возможность, молодые люди старались найти выход своим талантам. Они работали в лагерном театре, занимались исследовательскими работами в Соловецком обществе краеведения, печатались в лагерном журнале «Соловецкие острова».

К сожалению, большинству из них после Соловков предстояло еще многие годы провести в ссылках, что навсегда лишило их возможности закончить ВУЗы, приобрести любимую специальность, да и просто по-человечески быть счастливыми — иметь дом, семью. Скольких талантливых писателей, поэтов, ученых в самых разных областях лишилась наша страна, загубив их судьбы, а иногда и жизни на самом взлете.

Репрессированная наука

УЧЕНЫЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ НА СОЛОВКАХ

К 1917 г. Россия обладала сильным научным потенциалом: система высшего образования включала в себя 124 вуза (в том числе 12 университетов), которые были мощными генераторами научных идей, а русская профессура была широко известна во всей Европе. После революции многие ученые старой школы продолжили работу при новой власти в крайне тяжелых условиях на фоне полной неразберихи в стране. Одни из них поверили в идеи социализма, другие из чувства патриотизма и привязанности к Родине не воспользовались возможностью эмиграции. Жизнь многих из этих ученых — пример стойкости, преданности своим убеждениям, уважения к избранному делу. Будучи в большинстве своём далекими от политики, они тем не менее очень часто оказывались в числе неутодных новым хозяевам страны. Уже в первые послереволюционные годы власти ясно дали понять, что ни заслуги, ни известность, ни возраст никого не спасут от репрессий, в чем мы можем убедиться хотя бы на примере массовой высылки ученых из страны в 1922 г.

Многим ученым пришлось пройти через тюрьмы, лагеря и ссылки. Только на Соловках за 16 лет существования здесь лагеря и тюрьмы (без учета материковых командировок СЛОНа) суждено было оказаться более чем 250 представителям самых разных отраслей науки, и это еще не окончательные данные. К сожалению, объем настоящего исследования позволяет упомянуть лишь некоторых из них.

В числе первых здесь оказался профессор Владимир Иванович Кривош-Неманич (1859 или 1862 – ?) — лингвист, криптограф, автор уникальной стенографической системы, применяемой ко всем языкам и одобренной на международном съезде стенографистов всевозможных систем в Лейпциге, двоюродный брат Д.П. Маковецкого — личного врача Л.Н. Толстого. Кривош-Неманич был арестован 24 марта 1923 г. в Москве и на 10 лет сослан на Соловки за шпионаж. В письме Е.П. Пешковой он писал: «Я осужден Коллегией ГПУ на 10 лет по статье 66 УК, несмотря на то, что шпионом никогда не был и, конечно, не буду. Я был тридцать лет профессором в Петрограде, беспартийный, служил в Государственном

Совете, а последнее время — в Наркоме иностранных дел в Москве»¹. На Соловках Владимир Иванович был активным членом Соловецкого Общества Краеведения, печатался в журнале «Соловецкие острова», в лагере пользовался большим уважением за глубокие и разносторонние знания, а за владение более чем 10 языками получил прозвище «стоязычный дедушка». Его благородный профессорский облик запечатлен в известном фильме «Соловки» 1928 г.

В 1924 г. на острове оказался Клавдий Сергеевич де Бове (1876–?), ученый, крупный специалист по рысистому коневодству, продолжатель дела своего отца, европейски известного ученого в этой области. Главными причинами его ссылки были дворянское происхождение и глубокая религиозность. После 3 лет Соловков К.С. де Бове был сослан в Коми край, а в начале 1930-х гг. отправлен в Казахстан².

В один год с К. С. де Бове на Соловки был сослан инженер-авиаконструктор Владимир Сергеевич Денисов, будущий соратник С.П. Королева и А.Н. Туполева.

В том же 1924 г. был арестован по ложному обвинению (позднее опровергнутому) в растрате государственных средств Леонид Васильевич Курчевский (1891–1938?) — крупный ученый-конструктор в области вооружения и автомобилестроения, начальник Особого технического бюро Наркомтяжпрома. Деятельный Курчевский и в лагере нашел возможность продолжить свои научные изыскания. Он собрал вокруг себя группу технического персонала, совместно с которой вскоре переоборудовал и расширил электростанцию, а также наладил работу механических мастерских. Леонид Васильевич сконструировал лодку-«почтарку», которая не боялась сжатия льдов и была способна пробиваться через шугу. На этой лодке до ближайшего города Кеми на материке стали добираться и зимой. Затем он сконструировал глиссер — вездеход с двигателем и воздушным винтом. По некоторым сведениям, на Соловках Курчевский продолжил начатую до ареста разработку нового оружия — безоткатной пушки, испытания которой якобы проводились на Святом озере. После освобождения из лагеря в 1929 г. этот талантливый ученый продолжил свои труды. В 1930-е гг. советские самолеты-истребители оснастили 75-миллиметровыми динамореактивными пушками конструкции Л.В. Курчевского — лучшими в мире в то время. Сейчас образцы его пушек можно увидеть в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге. В 1937 г. Л.В. Курчевский был вновь арестован и затем расстрелян³.

По постановлению ОСО при ОГПУ СССР от 3 июля 1925 г. с трехлетним сроком на остров попал молодой, но подающий большие надежды ученый Александр Алексеевич Захваткин. Он родился в Барнауле в 1900 г. С 1921 г. учился в Томском университете, затем стал студентом факультета рыбоведения Тимирязевской сельскохозяйственной академии, после окончания которой был принят научным сотрудником кафедры зоологии Московского лесного института. Захваткина обвинили «в организации контрреволюционной нелегальной группировки в среде

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 45; Соловецкие острова. 1926. № 5–6. С. 219.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 45, 363, 1557.

³ Богословский С. Жизнь большого человека // Изобретатель и рационализатор. 1966. № 6. С. 20–22; Чутко И. Мост через время. М., 1989.

Лодка-глиссер конструкции Л.В. Курчевского. Соловки, 1928 г.

студенчества Тимирязевской академии под видом академического кружка и пособничестве и укрывательстве побега за границу эстонского шпиона бывшего профессора академии Спичакова⁴. На Соловках Александру Алексеевичу удалось устроиться гидробиологом в СОКе, где он занимался изучением соловецких озер. По результатам своих исследований ученый опубликовал несколько статей в «Материалах СОКа» и монографию «Соловецкие озера. Краткий гидробиологический очерк» (Материалы СОКа, вып. IX). Удалось ли после лагеря А.А. Захваткину вернуться к научной работе, или ссылка навсегда перечеркнула его карьеру, не известно.

В том же 1925 г. на Соловки не по своей воле прибыли Андрей Андреевич Барановский, профессор Агрономического института⁵, профессор Московской Духовной академии и Московского университета Иван Васильевич Попов (1867–08.02.1938)⁶ и Михаил Александрович Кох (?–31.03.1928), крупный ученый-геолог, арестованный в Ленинграде по «Епанчинскому делу». Через три года Кох скончался в Кемском пересыльном пункте, куда был вывезен для поиска воды на Поповом острове, так как воду туда приходилось завозить⁷.

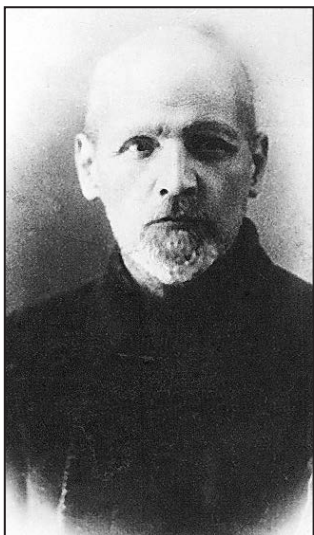
В 1926 г. с 10-летним сроком на Соловках оказался Борис Федорович Гончаров, один из ведущих специалистов по авиации в СССР, автор многих научных трудов. Перед арестом занимал руководящие посты в Академии военно-воздушного флота РККА и Авиационном тресте при Главном управлении

⁴ Справка из Центрального архива ФСБ РФ от 5 мая 2005 г.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 65.

⁶ Соловецкие новомученики. М.; Соловки, 2009. С. 61–79.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234; Д. 262. Л. 259; Д. 284. Л. 45; Д. 262. Л. 259.

Григорий Поляков

авиационной промышленности. В 1930 г. Гончаров был вывезен в Москву как обвиняемый еще по одному делу. Дальнейшая судьба его неизвестна⁸.

В том же 1926 г. на Соловках оказался Григорий Иванович Поляков (1876–?) — ученый-орнитолог, издатель и редактор первого в стране орнитологического журнала «Орнитологический вестник» (1910–1918). Ученый с большим полевым опытом, Поляков был награжден за работу над изданием журнала и состоял действительным членом ряда научных обществ. Перед арестом он работал в Зоологическом музее в Москве, был секретарем Союза охотников. На Соловках Григорий Иванович в 1927–1931 гг. являлся активным членом СОКа, занимался изучением птиц.

В 1927 г. на Соловки были сосланы ученый из Симферополя, автор учебников по географии Эджем Фейзи Мустафа-Оглы и крупный военный специалист-подводник, преподаватель Военной академии Анатолий Владиславович Томашевич (1895–1960). Пережив и Соловки, и тяжелую ссылку в Сибирь, Томашевич вернулся к преподавательской и научной деятельности. В 1952 г. ему была присуждена Сталинская премия. В разные годы он был награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды⁹.

В середине 1920-х гг. государство явственно обнаружило стремление установить жесткий контроль над наукой. Началась ее тотальная идеологизация. Деформировались и разрушались связи российской науки с мировым научным сообществом, смещались приоритеты в научных исследованиях. Чинились препятствия для развития фундаментальной науки, гуманитарные науки низводились в разряд второсортных. В глазах властей ученые старой школы оказывались препятствием для такой «модернизации науки». В первую очередь репрессии коснулись специалистов-гуманитариев — историков и философов. Стало недопустимым существование не только исторических и философских школ, но даже и кружков.

Очень показательна в этом отношении судьба религиозно-философского кружка «Воскресение» в Петрограде (Ленинграде), существовавшего с 1917 по 1928 г. Членами этого кружка в разное время были сотрудники Академии наук историки А.В. Карташев, И.М. Гревс, Г.П. Федотов и многие другие известные представители петербургской интеллигенции. Главной идеей собраний было «свободное обсуждение проблем действительности и выработка внутренней позиции, на которой личность

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 360. Л. 235–236; Д. 407.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 597. Л. 252; Д. 779. Л. 66–69.

Александр Мейер

может устоять в эпоху катастроф». Во главе кружка «Воскресение» стоял русский философ, культуролог и переводчик Александр Александрович Мейер (1875–1939). В молодости он был марксистом, за что преследовался и несколько раз ссылался при старой власти. Позже Мейер стал теоретиком мистического анархизма. В 1907–1908 гг. в мировоззрении Александра Александровича произошел переворот, в результате которого он обратился к пропаганде христианских ценностей. В 1909 г. вышла его первая книга «Религия и культура». А.А. Мейер сделался завсегдатаем петербургского Религиозно-философского общества, сблизился с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус, стал много писать и ездить по стране с лекциями. Конечно, при новой власти кружок «Воскресение» не мог существовать долго, и в конце 1928 г. начались аресты его членов. Постановлением Коллегии ОГПУ от 22 июля 1929 г. 70 человек были приговорены к различным срокам заключения, а сам Мейер — к расстрелу, который с учетом его марксистского прошлого был заменен 10 годами заключения. В августе 1929 г. его отправили на Соловки. В лагере А.А. Мейер попал на работу в Криминологический кабинет, где работал вместе с будущим академиком Д.С. Лихачевым, который писал о нем в своих воспоминаниях¹⁰. На Соловках А.А. Мейер начал две работы — «Три истока» и «Фауст», посвященные проблемам культуры. В 1930 г. он был вывезен в Ленинград, где его «дело» присоединили к «делу Академии Наук», и снова отправлен в Соловецкий лагерь. Сначала он находился на материке — в Май-губе, Кеми; в июне 1931 г. был снова привезен на Соловки, а через некоторое время переведен в Медвежьегорск, где написал одну из своих лучших работ «Жертва: Заметки о смысле мистерии». Из лагеря освобожден досрочно. Скончался в Ленинграде¹¹.

По делу А.А. Мейера на Соловки было сослано еще около 30 человек, среди которых были и ученые — Н.П. Анциферов, А.В. Болдырев, А.П. Смирнов, В.В. Бахтин, Н.В. Стеблицкая-Пигулевская, А.П. Сухов.

Наиболее всего известно имя Николая Павловича Анциферова (1889–1958) — историка, основателя экскурсионного дела в России, краеведа. Н.П. Анциферов закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, был учеником историка-медиевиста И.М. Гревса, который заложил основы городского краеведения. После окончания университета Анциферов готовился стать профессором на кафедре всеобщей истории, однако революция многое изменила в его жизни. Николай Павлович стал сотрудником Центрального бюро

¹⁰ Лихачев Д. Воспоминания. М., 2007. С. 191–202.

¹¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 378. Л. 55–56; Д. 424. Л. 70; Д. 611. Л. 421–425.

краеведения, много ездил по стране, в том числе бывал и на Севере. Кроме того, он возглавил семинары по экскурсионному изучению города при обществе «Старый Петербург». Работы Н.П. Анциферова, опубликованные в то время, вызывают глубокий интерес и сегодня. В статье «Краеведение как историко-культурное явление» Николай Павлович предсказывал, что «от судьбы краеведческого движения зависит многое в судьбе нашей культуры». В 1922 г. вышла его знаменитая книга «Душа Петербурга», обессмертившая имя автора. Когда в 1929 г. ученый был сослан на Соловки на 3 года, дома осталась смертельно больная жена, которая вскоре скончалась, и двое маленьких детей. Через год Анциферова вывезли в Ленинград, где по новому делу ему увеличили срок до 5 лет и отправили на Беломорско-Балтийский канал, откуда «по зачетам» он был освобожден в 1933 г. После освобождения ученый вернулся в Ленинград и стал работать в Государственном литературном музее. В 1937 г. последовал повторный арест. От смерти в лагере на Дальнем Востоке его спасло лишь заступничество друзей. Последний период жизни этого замечательного историка и краеведа связан с работой в Московском государственном литературном музее. Он создавал выставки и экспозиции, посвященные русским писателям, публиковал статьи и монографии о литературном прошлом Ленинграда и Москвы, работал над мемуарами¹². В лице Николая Павловича Анциферова надо отдать дань уважения всем краеведам, многие из которых были репрессированы. Краеведческое движение 1920-х гг. вопреки всему стало беззаветным подвигом остатков русской интеллигенции, в том числе провинциальной, во имя спасения культуры.

Вместе с Н.П. Анциферовым в 1929 г. был сослан и его друг Алексей Петрович Смирнов (1889–1930) — научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, сотрудник отдела древнерусского искусства Государственного русского музея, широко эрудированный и талантливый исследователь. Круг научных интересов А.П. Смирнова был необычайно широк: его занимала топография средневекового Константинополя, археология и искусство Крыма византийского времени, памятники Сицилии периода норманнского завоевания. Кроме того, он был исключительным знатоком христианской иконографии, византийской и поствизантийской иконописи. Алексей Петрович внес значительный вклад в историю изучения византийских памятников Эрмитажа. Ученого арестовали, когда он находился в самом расцвете творческих сил. Через год он скончался от тифа в лазарете Кемского пересыльного пункта.

Скажем вкратце и о других упомянутых нами ученых, сосланных по делу А.А. Мейера: Александр Васильевич Болдырев (1896–1941) — известный ленинградский филолог-классик, преподаватель университета; Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) — историк-медиевист, сотрудник рукописного отдела ГПБ; Нина Викторовна Стебницкая-Пигулевская (1894–1970) — историк, до ареста работала в публичной библиотеке при Академии наук. Отбыв 5 лет на Соловках и в Архангельске, она вернулась к научной работе, стала крупным

¹² Там же. Д. 398. Л. 4; Д. 467. Л. 282–317.

Николай Анциферов

востоковедом-медиевистом, член-корреспондентом АН СССР¹³.

Непонятным образом с делом А.А.Мейера оказалось связанным дело Владимира Николаевича Бенепевича (1874–27.01.1938), выдающегося византиевиста, археолога, историка канонического права, члена-корреспондента Академии наук СССР, Страсбургской и Баварской академий. В 1929 г. вместе с женой он был сослан в СЛОН, находился в Кемии, где через год был арестован, вывезен в Ленинград, и уже по «Академическому делу» на пять лет сослан в Ухтпечлаг¹⁴. Позднее Владимира Николаевича и его сыновей-близнецов Георгия и Дмитрия расстреляли.

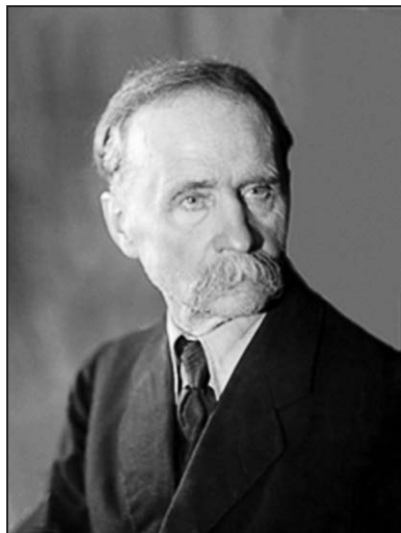
В 1920-е – начале 1930-х гг. серьезные перемены, повлекшие за собой тяжелые последствия, произошли в судьбе Академии наук, крупнейшего комплекса научно-исследовательских учреждений страны. Власти активно взялись за кардинальную перестройку ее деятельности, стремясь любыми средствами уничтожить и запретить все «классово чуждое», в числе которого оказывались органически сложившиеся организационные структуры, коллективы ученых, системы отношений в них, нравственный климат, традиции. Также предполагалось коренное изменение персонального состава академии, так как среди ученых в основном преобладали представители старых школ, да и происхождение многих из них вызывало раздражение власти. «Сверху» была дана установка, что «аппарат Академии Наук СССР не может пользоваться правами экстерриториальности и не может быть ковчегом для бывших»¹⁵. Отдельные аресты сотрудников начались во второй половине 1920-х гг., а в 1929 г. развернулось громкое «дело Академии наук», по которому пострадали несколько сотен человек, больше всего — представители гуманитарных наук: историки, этнографы, музееведы, архивисты и др. Из этого огромного дела было выделено несколько самостоятельных дел. Многие ученые, проходившие по этим делам, отбывали свой срок на Соловках.

Еще в 1926 г. возникло «дело Линденера». Борис Александрович был известным минералогом, ученым секретарем КЕПС (Комиссия АН по изучению естественных производительных сил России), организатором экспедиций, близким другом В.И. Вернадского. Дело Б.А. Линденера не было политическим — он

¹³ Яковлева А. Кругок «Воскресение»: история, участники и их судьбы. Соловки, 2006 // Архив СГИАПМЗ.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 335. Л.223–226; Д. 389. Л. 146–159.

¹⁵ Перченко Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 163.

Дмитрий Абрамович

проиграл в карты казенные деньги, и это было моральным ударом по Академии наук. Арестованного Бориса Александровича пытались заставить дать ложные показания на академика А.Е. Ферсмана в обмен на смягчение участи, на что тот не пошел и получил 10 лет Соловков. На Соловках Б.А. Линденер занимался организацией детской колонии, для которой даже придумал шапку особого фасона — «линденеровку». О нем также пишет в своих воспоминаниях Д.С. Лихачев¹⁶. На Соловках Б.А. Линденер пробыл недолго, так как наверху посчитали, что «было бы нецелесообразно лишать науку выдающегося специалиста», и перевели его в Хибинны.

20 июня 1927 г. был арестован в Ленинграде Дмитрий Иванович Абрамович (1873–1955), историк литературы, с 1898 г. — заведующий кафедрой Санкт-Петербургской Духовной академии, с 1921 г. — член-корр Академии наук. Абрамович занимал профессорские должности в Петроградском университете и Археологическом институте, работал главным библиотекарем в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки, был членом общества любителей древней письменности. Полный перечень всех его должностей займет целую страницу. Вместе с женой Евдокией Васильевной Песецкой, дочерью известного революционера В.И. Покровского, Д.И. Абрамович на 5 лет был отправлен на Соловки с конфискацией всего имущества. Супруги считали причиной своего ареста недоносительство: однажды к ним пришел Светозар Радованович, явно больной человек, и стал уговаривать вступить в какое-то общество, о чем они никуда не сообщили. Был арестован и сослан на 10 лет и присутствовавший при этом разговоре и тоже не донесший знакомый Абрамовича Евгений Петрович Воронов. О нем супруги особенно переживали: «Несчастный старик погибает в Соловках только за то, что подобно нам не донес». На Соловках Абрамович был привлечен СОКом для описания монастырских рукописей, которое выполнил очень профессионально¹⁷. Спустя год Дмитрий Иванович был амнистирован с ограничением в выборе места жительства, с которым он не мог жить в Ленинграде, поэтому ученый уехал в Нижний Новгород.

В июне 1927 г. на 10 лет был сослан Яков Яковлевич Майхровский (1874–?), ученый, управделами Правления АН. Ему в вину ставилось его прошлое — до 1917 г. он управлял конторой великого князя Георгия Михайловича. На Соловках

¹⁶ Лихачев Д. Воспоминания. М., 2007. С. 159.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 278. Л. 76; Д. 586. Л. 297.

Майхровский тяжело заболел и по ходатайству президента АН А.П. Карпинского был вывезен в Ленинград на лечение. В ходе начавшихся в 1929 г. «чисток» он был снова арестован¹⁸.

Первые серии арестов по «делу Академии Наук» коснулись в основном «бывших». В ходе «чистки» 7 декабря 1929 г. был арестован Федор Федорович Скрибанович (1880–?), блестящий библиограф и философ. До 1917 г. он был заведующим Публичной библиотекой АН, затем в 1923 г. по семейным обстоятельствам уехал в Германию, а в дальнейшем работал в Философском институте им. Герцена в Риге. По приглашению Академии наук Ф.Ф. Скрибанович вернулся в Ленинград и принял советское гражданство. Ему поручили организацию единого сводного каталога всех библиотек академических институтов. За этой работой Скрибанович и был арестован и по статье 58/11 осужден на 10 лет. Федору Федоровичу не простили его жизни в Европе в 1923–1928 гг. Ссылку отбывал на Соловках, затем в Вегеракше (Кемь), в Медвежьегорске¹⁹.

30 ноября 1929 г. был арестован Борис Николаевич Молас (1874–13.01.1938), заведующий секретариатом АН СССР, юрист, музейевед. Дворянин по происхождению, он приходился двоюродным братом известному энтомологу М.Н. Римскому-Корсакову, а также участвовал в Первой мировой войне. В 1921 г. Борис Николаевич как уполномоченный Петроградского Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины посещал Соловки. В его отчете была впервые дана обобщенная картина состояния музейных ценностей в Северном крае России после революции. Он сделал первую регистрацию соловецких памятников и рекомендовал Главмузею назначить уполномоченного по охране художественных и исторических ценностей Соловецкого монастыря. На основе отчета Б.Н. Моласа Петроградское отделение Главнауки послало в Архангельский Губисполком охранное свидетельство на Соловецкий монастырь «как памятник выдающегося художественно-исторического значения, находящийся под охраной правительства». Кроме того, он попытался разыскать коллекцию ценностей, вывезенную из монастыря комиссией Архгубчека летом 1920 г.²⁰ Постановлением КОГПУ от 10 мая 1931 г. в числе большой группы сотрудников Академии наук Борис Николаевич был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет заключения. Содержался на Соловках, в Куземе, Медвежьегорске. В 1934 г. Б.Н. Молас был досрочно освобожден из лагеря и отправлен в ссылку в Архангельск, где некоторое время проработал в музее. 30 декабря 1937 г. Бориса Николаевича арестовали «за контрреволюционную агитацию», а 13 января 1938 г. расстреляли.

28 октября 1929 г. был арестован помощник Б.Н. Моласа Григорий Николаевич Соколовский, юрист по образованию. 10 мая 1931 г. его осудили на 10 лет с конфискацией имущества. Соколовский был отправлен на Соловки, где до 1933 г. содержался

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 279. Л. 76, 79; Д. 291. Л. 174; Д. 406. Л. 75–78.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1274. Л. 109; Д. 1572. Л. 140.

²⁰ Сохраненные святые Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 13.; Ленинградский мартиролог. СПб., 2007. Т. 7. С. 602–605.

в кремле²¹. По этому же постановлению от 10 мая 1931 г. вторые десятилетние сроки получили «соловчане» Я.Я. Майхровский и священник, бывший член Второй государственной думы Михаил Митроцкий. Первая серия приговоров была вынесена им и другим ученым еще 10–15 февраля 1931 г. тройкой ОГПУ при Ленинградском военном округе. Большая группа сотрудников АН получила расстрел с заменой на 10 лет заключения. Из этой группы на Соловки были сосланы Мстислав Антонович Шангин, автор большого труда по истории знаний, получившего рекомендации для международного издания²², Сергей Константинович Богоявленский (1871–?), крупный специалист по архивному делу, более 30 лет прослуживший в архиве иностранных дел²³.

В ноябре 1930 г. прошла еще одна волна арестов, по которой к 5-летней ссылке на Соловки был приговорен Алексей Андреевич Бельницкий-Бируля, директор Зоологического музея при АН. Поскольку ему было уже 70, на Соловки его не отправили, а оставили на материке, в Май-губе, где, несмотря на преклонный возраст и болезни, отправили на лесозаготовки²⁴. С 10-летним сроком по статье 58/10 на Соловки был отправлен Иван Александрович Мейер (1888–?), библиотекарь АН. В вину ему было поставлено и то, что он был очень религиозен и состоял членом церковной двадцатки. На Соловках содержался в кремле. Сразу же по прибытии в лагерь ученый сильно заболел, «выглядел, как глубокий старик, хотя ему всего 43 года, его религиозность приняла какую-то болезненную форму». Вскоре И.А. Мейер совсем стал инвалидом и с Соловков был переведен библиотекарем на материк, в Кузему, но с обязанностями не справился и снова был возвращен на остров²⁵.

Еще одна акция против старой интеллигенции — сфабрикованное ОГПУ осенью 1933 г. «дело Российской национальной партии», или «дело славистов», по которому было осуждено более 70 человек — как известные ученые, так и рядовые музейные сотрудники, краеведы, врачи, агрономы, в основном из Москвы и Ленинграда. Параллельно аналогичные «дела» были заведены и в других крупных городах. Все проходившие по делу обвинялись в том, что были членами разветвленной контрреволюционной национал-фашистской организации, именовавшей себя «Российская национальная партия», основная цель которой заключалась в свержении советской власти и установлении в стране фашистской диктатуры. Отделения этой организации якобы существовали в Москве, Ленинграде и других российских городах, на Украине, в Белоруссии, а создана она была по указаниям русского фашистского центра за рубежом. К делу были привлечены такие выдающиеся ученые, как академики Михаил Несторович Сперанский и Владимир Николаевич Перетц, члены-корреспонденты Академии наук Григорий Андреевич

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 501. Л. 369–371; Д. 1049. Л. 7.

²² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 693. Л. 19.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 693; Д. 858. Л. 67; Д. 690. Л. 477.

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 639. Л. 343–344.

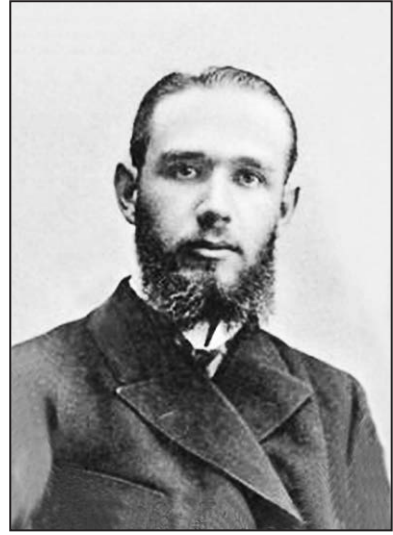
²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 594. Л. 233–245; Д. 777. Л. 108–127.

Николай Дурново

Ильинский и Афанасий Матвеевич Селищев, профессора Виктор Владимирович Виноградов, архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский, бывший директор Русского музея Николай Петрович Сычев и др. Подробнее остановимся на именах тех, кто по приговору был сослан на Соловки.

Роль руководителя организации отводилась Николаю Николаевичу Дурново (1876–27.10.1937), одному из крупнейших отечественных лингвистов начала XX в. Он происходил из известного старинного рода потомственных дворян Московской губернии. В 1899 г. Николай Николаевич окончил университет, в совершенстве владея пятью языками.

С юности он посвятил себя науке о русском языке (русская диалектология и история русского языка), также занимался древнерусской литературой. Еще до революции ученый опубликовал несколько монографий. В 1918–1923 гг. служил профессором Саратовского университета, но, не имея возможности полноценно работать и печататься, решил уехать за границу. В 1924 г. Николаю Николаевичу удалось получить от Академии наук командировку на четыре месяца в Чехословакию, где он стал много и плодотворно работать, решив не возвращаться в Россию. Но вернуться пришлось, так как власти не выпустили за границу семью, а затем поступило заманчивое приглашение от Белорусской Академии наук. В 1928 г. Николай Николаевич поселился в Минске, где был избран академиком и начал публиковаться, но через два года из-за начавшихся в Белоруссии «чисток» был исключен из Белорусской Академии наук и вернулся в Москву. Н.Н. Дурново был одним из достойнейших кандидатов на «языковую» кафедру АН СССР, но «общественными организациями» признан «недостойным избрания в действительные члены Академии как недостаточно отметивший себя в современной науке и советской общественности». До самого ареста ему не удалось устроиться на постоянную работу, и он кое-как перебивался договорными заказами. В конце декабря 1933 г. Дурново был арестован и 20 марта 1934 г. КОГПУ по статье 58-4, 11 приговорен к десяти годам. На Соловках он содержался в 6-й камере «сторожевой» роты, на первом этаже Святительского корпуса, окна которого выходили на южную сторону. Из лагерного музея Николаю Николаевичу приносили древние рукописи, и он занимался их описанием. (Эти описания с пометками ученого хранятся в ОПИ ГИМа²⁶.) На Соловках Н.Н. Дурново написал «Граматику сербохорватского

²⁶ Неберекутина Е. Обзор фонда «Соловецкий музей» // Труды Государственного исторического музея. М., 1993. Вып. 84. С. 61.

языка», дальнейшая судьба которой неизвестна. Осенью 1937 г. имя этого выдающегося ученого попадает в «расстрельные списки», и в числе 1111 заключенных соловецкой тюрьмы он был расстрелян в Сандармохе под Медвежьегорском²⁷. В один день с ним там же были расстреляны «однодельцы» Валериан Эдуардович Розенмейер и Густав Адольфович Тюрк, профессор, известный в Москве врачом-терапевт, активный член обществ «Старая Москва» и «Изучение русской усадьбы». Вместе с Николаем Николаевичем проходил по делу и был осужден на 5 лет его старший сын Андрей (1910 – 5 января 1938), который был продолжателем дела отца, занимался славистикой и не успел проявить себя только из-за своего юного возраста. На Соловках он пробыл недолго, впоследствии был переведен в Среднюю Азию, где тоже был расстрелян.

На Соловки был сослан и Григорий Андреевич Ильинский (1876–14.12.1937), профессор-филолог, ученый богатой эрудиции и широких интересов. В 1897 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени и был оставлен на кафедре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Грамоты болгарских царей». Г.А. Ильинский опубликовал около 20 старославянских, среднеболгарских и сербских памятников, а его труд «Праславянская грамматика» в 1918 г. получил Толстовскую премию «как выдающееся явление в области изучения славянских языков». С 1921 г. Г.А. Ильинский — член-корреспондент Академии наук. Самая известная его работа — «Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии» — увидела свет в Софии уже после ареста ученого. На Соловках Григорий Андреевич пробыл недолго. В 1934 г. 10-летний срок в лагере ему заменили 3-летней ссылкой в Сибирь, где он был расстрелян.

3 декабря 1937 г. в Кемь был расстрелян Борис Георгиевич Крыжановский, до ареста заведовавший украинским отделом Русского музея. 8 декабря 1937 г. в числе группы из 509 человек заключенных соловецкой тюрьмы был расстрелян Александр Андреевич Устинов, крупный специалист банковского дела, до ареста работавший старшим консультантом Планово-экономического управления Госбанка СССР²⁸.

В связи с «делом Российской национальной партии» нельзя не упомянуть о Давиде Алексеевиче Золотарева (1885–28.08.1935). Этнограф, профессор ЛГУ, в 1920-е гг. он работал заведующим этнографического отдела Русского музея, занимаясь в основном этнографией национальных меньшинств. Давид Алексеевич много ездил в экспедиции, выпустил более 40 печатных работ, в том числе «Кольские лопари», «Карелы СССР». Впервые он был арестован в 1930 г. по «делу» Центрального Бюро Краеведения, осужден по статье 58-11 и на 3 года сослан в Соловецкий лагерь, был на Соловках, в Сосновце²⁹. В августе 1932 г. Давид Алексеевич был досрочно освобожден, вернулся в Ленинград, стал работать профессором антропологии

²⁷ Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-11764.

²⁸ Там же. Д. П-11765.

²⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 79. Л. 144–147.

Гавриил Гордон

в Центральном географическом музее. Однако в конце ноября 1933 г. последовал второй арест в числе ленинградской группы по делу «Российской национальной партии». По этому делу ученый был осужден на 5 лет и сослан в Сиблаг, где и скончался.

В 1964 г. «дело славистов» пересмотрели — было признано, что «Российской национальной партии» не существовало. Между тем только из московской группы арестованных по этому делу, насчитывавшей 39 человек, 11 человек было расстреляно, один покончил жизнь самоубийством, двое умерли в тюрьме, остальные на многие годы лишились возможности заниматься наукой³⁰.

«Чистки» проходили не только в Москве и Ленинграде и не только в Академии наук — аресты ученых охватили всю страну. В 1929 г. в Одессе был арестован академик Михаил Елисеевич Слабченко, историк, философ, автор четырехтомного труда по истории Украины и многих других трудов. На Соловках некоторое время содержался в Савватьево, затем был вывезен на материк, в 1936 г. освобожден. В 1937 г. М.Е. Слабченко был повторно арестован и осужден на 10 лет.

В 1929 г. был арестован Михаил Елевферьевич Правосудович (1865–29.10.1929). Выходец из дворян, он окончил Технологический институт и Институт путей сообщения в Петербурге. После революции М.Е. Правосудович счел для себя возможным сотрудничество с новой властью и продолжил преподавание в университете. Также он был назначен председателем Научно-технического комитета Народного комиссариата путей сообщения. Ученый посвящал много времени изобретательской работе и выпускал технические книги. Обвиненный во вредительстве, он был сослан на Соловки и расстрелян в числе 36 человек по делу о «Кремлевском заговоре». Вместе с ним были арестованы и сосланы в Верхний Волочок дети — Татьяна и Дмитрий. Дочери Наталье чудом удалось уехать из страны; впоследствии она стала известным композитором, автором духовной музыки.

Осенью 1929 г. с 10-летним сроком по статье 58-6 (шпионаж) на Соловках оказался Гавриил Осипович Гордон (1885–1942), философ и историк, педагог, полиглот, человек энциклопедических знаний. С 1920 г. он был членом Коллегии Наркомпроса и членом Педагогической секции Государственного ученого совета, преподавал в университете. Благодаря хлопотам коллег через год Гаврииле Осиповичу Соловки заменили 5-летней ссылкой в Свердловск. В 1933 г. он освобожден и вернулся

³⁰ Аншин Ф., Алпатов В. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Мыржакып (Мир-Якуб) Дулатов

в Москву, но в 1936 г. был повторно арестован. Скончался от голода в лагере в 1942 г.³¹

В том же году из Харькова был послан очень талантливый ученый-психиатр Николай Дмитриевич Зиновьев-Иконников (1901–?). Наукой он стал серьезно заниматься еще в студенческие годы, закончив три института. Благодаря своим научным трудам Н.Д. Зиновьев-Иконников был включен в состав научных сотрудников Главнауки. Все знавшие Николая Дмитриевича отзывались о нем как необыкновенно хорошем, порядочном человеке. Причиной для ареста послужила его религиозность, которую ученый никогда не скрывал. После Соловков

Н.Д. Зиновьев-Иконников был отправлен в ссылку в Сольвычегодск, затем в Коми край³².

5 октября 1930 г. в Москве был арестован и приговорен к 10 годам ссылки на Соловки Николай Михайлович Попов-Татива, профессор-востоковед, специалист по Китаю и Японии, полиглот (владел всеми основными восточными языками), автор монографий. Перед арестом он служил в Наримановском институте³³. Из Ленинграда по делу профессора Прохорова выслана Ольга Иакинфовна Прохорова, ученый-ботаник, с 1908 г. — главный хранитель Почвенного музея, с 1919 г. — научный сотрудник Главного Ботанического сада, автор трудов по флоре Дальнего Востока (где она много работала)³⁴. В 1930 г. на 5 лет был сослан на Соловки талантливый историк искусства Алексей Николаевич Греч (1899–1938). Почти одновременно с ним — выдающийся исследователь и первооткрыватель древнерусской живописи Александр Иванович Анисимов (1877–02.09.1937), впоследствии расстрелянный в Карелии³⁵.

В феврале 1931 г. в Москве был арестован и с 10-летним сроком доставлен на Соловки Михаил Николаевич Кишкин, автор учебников по зоологии, организатор двух биологических музеев в Москве. На Соловках преподавал зоологию на ветеринарных курсах³⁶.

³¹ Ларьков С. Введение в жизнь и выведение из жизни // Газета «30 октября». 2002. № 23. С. 7.

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 649. Л. 208–210.

³³ Там же. Д. 503. Л. 204; Д. 693. Л. 96; Д. 855. Л. 107.

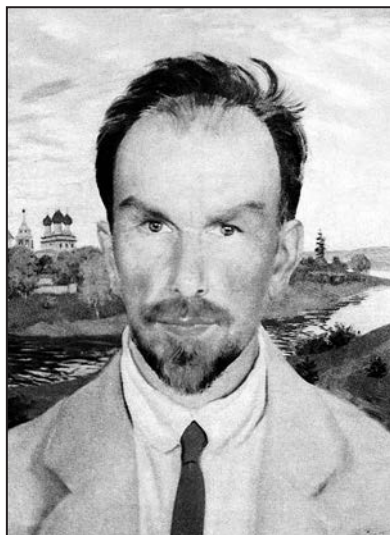
³⁴ Там же. Д. 550. Л. 254.

³⁵ Кызласова И. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси 1920–1930 годы. М., 2000. С. 298–245; Кызласова И. Александр Иванович Анисимов (1877–1937). М., 2000.

³⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 854. Л. 319.

Александр Анисимов. Портрет Б. Кустодиева

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. раскручивалось «дело крестьянской партии» (дело Чаянова, Кондратьева), по которому были арестованы многие ученые в области сельского хозяйства. В 1931 г. на Соловки были сосланы ученый-агроном Воронежской областной опытной станции, соратник Н.И. Вавилова, автор более 20 печатных научных трудов Иван Васильевич Попов (1892–?), приговоренный к 10 годам, а также крупнейший в стране специалист по верблотоводству, заведующий кафедрой саратовского Зооветеринарного института Виктор Николаевич Колшаков, ученик Чаянова Павел Матвеевич Писцов и др.³⁷

В конце 1931 г. в Москве был арестован Николай Ильич Коротнев (1865–27.10.1937), профессор, выдающийся специалист-невропатолог, автор многих трудов, разработчик электротерапии и электродиагностики. В 1920-е гг., когда сократились связи с заграницей и прекратились поставки шелка, необходимого для хирургических операций, Н.И. Коротнев работал и организовал в Симферополе производство кетгута, который так хорошо себя зарекомендовал, что стал предметом экспорта. Будучи разносторонне развитым и талантливым человеком, Николай Ильич принимал участие в различных научных обществах, пользовался европейской известностью как энтомолог, профессионально работал над изготовлением консервов. Он мечтал избавить страну от иностранной зависимости, в то же время глубоко изучая опыт коллег из-за рубежа. Это и стало основной виной ученого. Поводом к аресту послужило то, что Н.И. Коротнев на три дня приютил приехавшего из-за границы дальнего родственника и не донес об этом. Срок отбывал в Сиблаге, Дмитровлаге, СЛОНе. С Соловков несколько раз вывозился на материк. В 1936 г. в Туломе разрабатывал проект новой крупной физиотерапевтической лечебницы, так как был единственным в стране специалистом по этому вопросу. В лагере разработал 10 рационалистических предложений, 7 из которых были воплощены. В 1937 г. возвращен на Соловки, расстрелян в Сандармохе³⁸.

В 1931 г. на 10 лет по статьям 58/2,4,10,11 на Соловки был сослан выдающийся казахский ученый, просветитель, поэт, писатель, публицист, философ, математик, политический деятель Мыржакып (Мир-Якуб) Дулатов (1885–05.10.1935). В 1907 г. в Санкт-Петербурге Дулатов издавал казахскую газету «Серке». В 1909 г. он написал политический манифест казахского народа «Пробудись, казах», представляющий

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 646. Л. 245–247; Д. 778. Л. 91–92; Д. 858. Л. 51.

³⁸ Там же. Д. 1514. Л. 182–191; Д. 819. Л. 65 об., 66.

собой философско-эстетический трактат, за что на полтора года попал в тюрьму. В 1910 г. Дулатов написал первый национальный роман «Несчастливая Жамал», который был переведен на русский, английский, французский и немецкий языки. В следующем году издал хрестоматию казахского фольклора, а затем на основе концепции арабских мыслителей написал книгу по математике. После революции Дулатов работал редактором республиканской газеты, преподавал в различных вузах, писал и издавал учебники по фольклору, математике, истории, медицине. На Соловках этот выдающийся ученый находился с 9 февраля 1931 г. до марта 1934 г., содержался в кремле, работал лекпомом в лазарете. Там он составил тюркско-русский словарь, оригинал которого сейчас хранится у его дочери. С Соловков Дулатов был вывезен на материк, в 5-е отделение ББК, станцию Сосновец, где и скончался от тяжелой сердечной болезни 5 октября 1935 г.³⁹

В 1931–1933 гг. на Соловках находился крупный ученый-экономист Иван Христофорович Озеров (1869–1942).

20 февраля 1933 г. в Новосибирске был арестован, осужден по статье 58/11 и на 10 лет сослан на Соловки Сергей Иванович Орлов (1889–08.12.1937), биолог, крупный специалист по изучению промысловой фауны, организатор первого зверопитомника в Западной Сибири, участник многих экспедиций по выявлению промыслового зверя на Урале, в Средней Азии, в Хакасии. В 1932 г. он руководил экспедицией по изучению сурка в Ойратии. Сергей Иванович — автор многочисленных статей и монографий. На Соловках он сразу же был отправлен на лесоразработки, где отморозил руки. После этого ученый попал в сельхоз, где читал лекции по защите растений, руководил отбором и отправкой экспонатов на сельскохозяйственную выставку в Ленинград в 1934 г. Орлов начал заниматься и научной работой: изучал гагу, в том числе ее кольцеванием (даже изобрел машину по очистке гагачьего пуха), обследовал все ягельники острова, разрабатывал проблему содержания оленей как стойлового животного. В лагерном музее С.И. Орлов обновил все чучела, большую их коллекцию изготовил также для Арктического института в Ленинграде. Очень надеялся пережить лагерь и заняться любимой работой, но этим планам не суждено было сбыться. 8 декабря 1937 г. С.И. Орлов был расстрелян⁴⁰.

В октябре 1934 г. на Соловки из Сквородина привезли Павла Васильевича Флоренского (1882–08.12.1937). Это был человек великих дарований, который вошел в историю русской культуры как выдающийся математик, инженер, искусствовед, богослов и философ. В 1933 г. Павел Александрович уже не первый раз был арестован и сослан на Дальний Восток в город Свободный, затем работал на мерзлотной станции в Сквородино, занимаясь изучением вечной мерзлоты. Последние 3 года жизни П.А. Флоренского на Соловках были связаны с водорослями — их сбором, определением, изучением их морфологии и анатомии, разработкой технологических процессов комплексной переработки водорослевого сырья. Его коллегами

³⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1307. Л. 64–65; Письмо Г.М. Дулатовой;

⁴⁰ Там же. Д. 1472. Л. 100–102; Д. 1557; Д. 1561. Л. 171.

Швейная мастерская на Соловках. 1924 г.
Здесь шила рукавицы профессор Е.А. Мейер

в лаборатории йодпрома были профессор-химик из Нижнего Новгорода Роман Николаевич Литвинов (1890–08.12.1937), талантливый инженер из Новосибирска Николай Яковлевич Брянцев (1889–27.10.1937) и др. На оборудовании, сделанном своими руками «из чего попало», они добились результатов, которые превзошли мировые достижения того времени. В одном из писем родным Павел Александрович писал: «...агар, получаемый нами, согласно нашим испытаниям, оказался доброкачественным и превосходящим японский, а равняющимся по качеству — американскому, если не выше его». Судьба и этих ученых оказалась трагичной⁴¹.

В феврале 1935 г. была арестована в Москве и приговорена к 10 годам профессор МГУ, редактор Большого немецко-русского словаря Елизавета Александровна Мейер. В лагере она была на Соловках и в Моршлавле, на Поповом острове. Сначала работала в лесу, затем — в лазарете и пошивочной мастерской. В письме к Е.П. Пешковой она писала: «Всю жизнь я не знала других интересов, кроме науки, а сейчас должна шить рукавицы, не имея возможности заботиться о старой матери»⁴².

В начале 1930-х гг. на Украине была «раскрыта» «буржуазно-националистическая», «шпионская», «террористическая» организация «Украинский национальный центр» во главе с академиками М.И. Яворским и М.С. Грушевским, членами которой в основном были представители интеллигенции. Почти все осужденные по этому делу были сосланы на Соловки, 134 человека расстреляны 27 октября – 4 ноября 1937 г. в Сандармохе. В один день, 3 ноября, были расстреляны ученые: историк и экономист академик Матвей Иванович Яворский; академик Степан Львович

⁴¹ Священник Павел Флоренский. «Все думы — о вас». Письма семье из лагерей и тюрем 1933–1937 годы. СПб., 2004. С. 169.

⁴² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1514. Л. 26–27; Д. 1557; Д. 1575.

Рудницкий; профессор истории Александр Иванович Бадан-Яворенко; профессор, директор Института литературоведения Михаил Лукич Баран; геофизик, профессор МГУ, создатель и руководитель единой гидрометеорологической службы СССР Алексей Феодосьевич Вангенгейм; профессор Института востоковедения Антон Никитович Гарбуз; профессор украинской литературы Василий Филиппович Гоца; профессор-историк Сергей Григорьевич Грушевский; профессор-юрист Петр Иванович Демчук; профессор Петр Юрьевич Дятлов; профессор-литератор, специалист по античной классике Николай Константинович Зеров; профессор Михаил Михайлович Лозинский; профессор-историк Владимир Моисеевич Чеховской; научный сотрудник Украинской АН Николай Федорович Трофименко; научный сотрудник Исторического музея в Киеве Борис Кузьмич Пилипенко; экономист Климентий Иосифович Коник. Среди 1820 заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных в конце 1937 – начале 1938 гг.⁴³, кроме перечисленных, были и такие крупные ученые, как профессор Сельскохозяйственного института Владимир Исаевич Иванов; ученый-агроном Алексей Павлович Зимний; ученый-химик Александр Афанасьевич Евневич; профессор, краевед, ученый секретарь Сибирской Советской энциклопедии Пантелеймон Константинович Казаринов; профессор, научный сотрудник комиссии содействия ученым при Совнаркоме Павел Владимирович Остроухов; профессор-экономист Николай Васильевич Шаров; генетик, заместитель директора Всесоюзного института прикладной ботаники Михаил Денисович Мартынов; историк и философ Иосиф Абрамович Вайсберг; историк, научный сотрудник АН СССР Эйзер Львович Груздев-Радин; профессор истории Днепропетровского университета Пинхус Гершович Глузман; антрополог Евгений Генрихович Либман; профессор богословия Михаил Иосифович Вольф; научные сотрудники Украинской АН Николай Петрович Павлушков и Василий Митрофанович Волков; врач-хирург профессор Владимир Яковлевич Подгаецкий; научный сотрудник АН в Ленинграде Зельма Самойловна Арро; профессор-физик, заведующий отделом истории науки и техники АН СССР, заместитель директора Физико-технического института Сергей Федорович Васильев; профессор, философ, старший ученый специалист Института философии АН в Ленинграде Хаим Иосифович Гарбер; историк-языковед из Москвы Раиса Яковлевна Владимирова-Шварц; профессор, философ Василий Матвеевич Домрачев; научный сотрудник Института истории АН в Ленинграде Вали Абдурахманович Забиров и ученый секретарь института Николай Гаврилович Попов; востоковед (китаевед, тибетолог), ученый секретарь Института востоковедения АН СССР в Ленинграде Гайк Кеганович Папаян; профессор ЛГУ, старший специалист Института истории АН СССР в Ленинграде Исаак Моисеевич Троцкий; литературовед, научный сотрудник Института русской литературы АН СССР в Ленинграде Григорий Юрьевич Юрьев; профессор, и.о. директора Института языкознания АН БССР Игнатий Семенович Дворчанин; агроном-биохимик, старший научный сотрудник НИИ Николай Кузьмич Лабазников; литературовед Ананий Дмитриевич Лебедь; профессор, медик Владимир Васильевич Удовенко; ученый-этнограф,

⁴³ 1111 человек — в Сандармохе, 509 человек — видимо, в Ленинградской области (8–10 декабря 1937 г., точное место расстрела неизвестно), 200 человек — на Соловках (17 февраля 1938 г.).

краевед и музеевед из Сибири Михаил Бонифатьевич Шатилов; директор Института украинского языка при Всеукраинской АН Григорий Григорьевич Холодный; профессор, врач Леонид Тимофеевич Титов. И даже этот список — далеко не полный⁴⁴.

Среди последних заключенных Соловецкой тюрьмы и тех, кому удалось пережить Соловки, тоже были ученые: профессор-хирург из Москвы Аркадий Александрович Опшман, сосланный на Соловки вместе с семьей и гостями за то, что на семейном празднике кто-то рассказал политический анекдот; профессор-аграрник Алексей Иванович Горский (1903–?); профессор Высшего финансово-экономического института и преподаватель Военно-политической академии им. Толмачева Александр Павлович Сагацкий (1899–1976); выдающийся физико-химик XX века Лев Соломонович Полак; историк Николай Иванович Ульянов.

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) родился в Санкт-Петербурге, окончил истфак университета, был одним из лучших учеников известного историка академика С.Ф. Платонова, очень интересовался историей Русского Севера. После окончания аспирантуры Ульянов уехал в Архангельск и стал преподавать в педагогическом институте, также много работал в архиве и уже через 2 года издал книгу «Очерки по истории народа Коми-Зырян», за которую в 1935 г. ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. В архангельском архиве Ульянову удалось найти «Дело о панфинской пропаганде в Карелии». Молодой историк написал на эту тему работу, и она должна была вот-вот выйти, но 2 июня 1936 г. Николай Иванович был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и на 5 лет сослан на Соловки. В 1939 г. в связи с закрытием тюрьмы на Соловках он был переведен в Норильск, откуда освободился перед самой войной. Во время войны Ульянов был отправлен на рытье окопов под Вязьмой, но попал в плен, затем бежал, жил в деревне под Ленинградом, записывал старинные песни, составлял словарь народного языка. В 1943 г. был отправлен на работы в Германию. После войны Н.И. Ульянов, спасаясь от насильственной репатриации, уехал в Марокко, где работал сварщиком на заводе, а в свободное время занимался любимой историей. Он написал роман «Атосса» о борьбе скифов с нашествием Дария, начал печататься в парижских эмигрантских изданиях, заявив о себе как яркий историк и страстный полемист. Большой интерес вызвали его работы «Происхождение украинского сепаратизма», «Патриотизм требует рассуждения», роман «Сириус», в котором историк попытался осмыслить причины и смысл февральской революции в России. В 1955 г. Николай Иванович стал профессором Йельского университета, в котором проработал до самой смерти. Его доклад «Исторический опыт России», прочитанный в 1961 г. на праздновании 1100-летия российской государственности, имел огромный успех у русской эмиграции. Скончался Николай Иванович в 1985 г., погребен на кладбище Йельского университета рядом с археологом М.И. Ростовцевым⁴⁵.

⁴⁴ Мемориальное кладбище Сандармох. 1937, 27 октября – 4 ноября (Соловецкий этап). СПб., 1997; Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм. М., 2005.

⁴⁵ Бондаренко В. Николай Иванович Ульянов // Слово. М., 1993. № 7–8.

Лев Соломонович Полак (1908–2002), сотрудник Ленинградского института точной механики и оптики, заведующий кафедрой физики и физической оптики, уже тогда, несмотря на молодость, считавшийся большим ученым, был арестован 12 февраля 1937 г., осужден «как соучастник контрреволюционной террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока» и отправлен на Соловки, в то время ставшие уже тюрьмой. В 1939 г. Лев Соломонович был отправлен в Ухтижимлаг, где работал бурильщиком на нефтепромыслах и несколько раз чуть не погиб. В лагере он подружился с заключенным физиком В.К. Фредериксом, вместе с которым они выполнили работу по теории анизотропной жидкости. Позже специалисты отмечали, что «к тому, что сделали эти замечательные лагерные ученые в этой области физики, подошли лишь через 20 лет». В 1946 г. Л.С. Полак был освобожден и с помощью академика С.И. Вавилова даже устроился на работу, но в 1949 г. был арестован снова и до 1955 г. находился в ссылке. После возвращения из ссылки он снова стал работать в Институте нефти в Москве. В 1957 г. Л.С. Полак стал доктором физико-математических наук, быстро выдвинулся в число крупнейших специалистов в области вариационных принципов механики, прикладной ядерной физики, самоорганизации в неравновесных системах. В 1985 г. ученый был удостоен Государственной премии СССР⁴⁶.

Невозможно рассказать о всех деятелях науки, в разное время находившихся в заключении на Соловках, и даже упомянуть их всех в ограниченных рамках данного исследования. За 16 лет существования лагеря и тюрьмы через Соловки прошло, как принято сегодня считать, порядка 80–100 тысяч заключенных, что составляет всего лишь небольшой процент от всех репрессированных в стране. Сколько же всего ученых, без которых никакое современное общество не может двигаться вперед, мы потеряли, и какой поистине масштабный, непоправимый урон нанесен нашей науке в ту страшную эпоху?

⁴⁶ Глушнев С. Было так // «30 октября». 2002. № 27. С. 4.

Творческая интеллигенция на Соловках

«Среди исправдомов Союза Соловки стоят на одном из первых мест по количеству культурных сил».

Газета «Новые Соловки». 31 мая 1925 г.

В послереволюционные годы творческая интеллигенция страны также оказалась в числе гонимых, жила очень трудно, влачила нищенское существование. Над ней осуществлялся особый контроль, поскольку вся она была призвана служить на «идеологическом фронте» нового государства. Литература, изобразительное искусство, театры, музеи должны были утверждать и пропагандировать новую идеологию во всех ее проявлениях. Формируя тоталитарный режим, власти стремились к абсолютному контролю над всеми сторонами жизни, и, конечно, в первую очередь над культурой. Для этого был создан целый ряд органов, велась жесткая политическая цензура печатных изданий, контролировался репертуар театров, из экспозиций музеев изымалось все, что казалось идеологически вредным. В искусстве все позиции твердо занял «социалистический реализм». В таких жестких рамках любое свободомыслие воспринималось как контрреволюция. Тысячи деятелей культуры были репрессированы, русская национальная культура понесла невосполнимые потери.

Через сравнительно небольшой лагерь и тюрьму на Соловках с 1923 по 1939 г. прошли сотни представителей творческой интеллигенции — и тех, чьи имена сегодня хорошо известны, и тех, кто незаслуженно забыт, или чье творчество, а иногда и жизнь, были оборваны в самом начале. В лагере интеллигенции было особенно трудно: она ощущала на себе особое, часто предвзятое отношение как со стороны администрации, так иногда и со стороны самих заключенных, была не приспособлена к тяжелому физическому труду, обостренно воспринимала всё происходящее вокруг.

Читаем в газете «Соловецкие острова»: «Одно только наличие концентрации на территориально небольшом кусочке земли — такого громадного количества культурных сил и, притом, высококвалифицированных культурных сил, открывает двери для гигантского развития культурно-просветительной деятельности лагеря. И мы уже сейчас в этом отношении видим следующие достижения: хорошо оборудованный театр с определившимся уже наличием довольно крупных артистических сил, струнный оркестр, несколько певческих хоров... хорошо развита местная

пресса»¹; «Среди заключенных большое количество лиц с высшим образованием. Немало артистов-профессионалов, музыкантов, художников, литераторов...»²; «Старые и молодые наши литераторы, поэты, художники, научные работники, инженеры, агрономы, наборщики, печатники, одним словом — все те, кто делает журнал, работает и сотрудничает в нем — всё это заключенные Соловецких лагерей»³.

В этой же газете формулируется и отношение к интеллигенции: «Возьмем нашу культурно-просветительную работу: клуб, кружки, театр, нашу трибуну. Кто читает лекции и доклады? — Буржуазные интеллигенты, каэры. Кто играет на сцене, кто играет крупную роль в наших театральные выступлениях? — Буржуазные интеллигенты и каэры. Кто, наконец, руководит нашей научной мыслью? — Буржуазные интеллигенты и каэры. И вот эта богема, растерявшая свои идеи, программы и платформы, нас учит. Эта богема может быть использована лишь как техническая сила, ей нужно указать свое место, определить грани и предъявить определенные программные требования, тогда она будет на месте. За ней нужен зоркий критический взгляд... Их перевоспитать может только лагерный режим... Они будущее сумеют обрести, лишь пройдя суровую школу принудиловки, учась в ней жить и работать, а не уча других жить и мыслить»⁴.

В июне 1924 г. в Петрограде был арестован и осужден на три года Соловков известный художник, профессор Академии художеств Осип Эммануилович Браз (1873–1936). Его друзья и коллеги в многочисленных ходатайствах пытались объяснить властям значение Осипа Эммануиловича для русской культуры: «Браз является одним из крупных русских художников, произведения которого имеются во всех не только наших, но и зарубежных музеях. Но главное его значение — это знаток европейского искусства, главное — голландской живописи... Знания его неоднократно приносили неоценимые услуги как эксперта... Фигура Браза среди историков искусства имеет мировое значение»⁵. М. Волошин в своем ходатайстве о художнике писал: «Это один из лучших русских портретистов и, после Бенуа, — лучший знаток старой живописи в России»⁶. В подтверждение слов М. Волошина можно сказать, что портрет А.П. Чехова кисти О. Браза, ныне хранящийся в Государственной Третьяковской галерее, считается лучшим портретом писателя. Но все ходатайства остались без внимания.

Причиной ссылки О.Э. Браза послужило то, что директор воздухоплавательного немецкого общества «Юнкерс» пригласил его экспертом по оценке художественных ценностей, которые советские власти предполагали продать этому обществу за большую сумму. Об этом как-то узнали англичане, которые тоже хотели

¹ Соловецкие острова. 1925. № 4–5. С. 41.

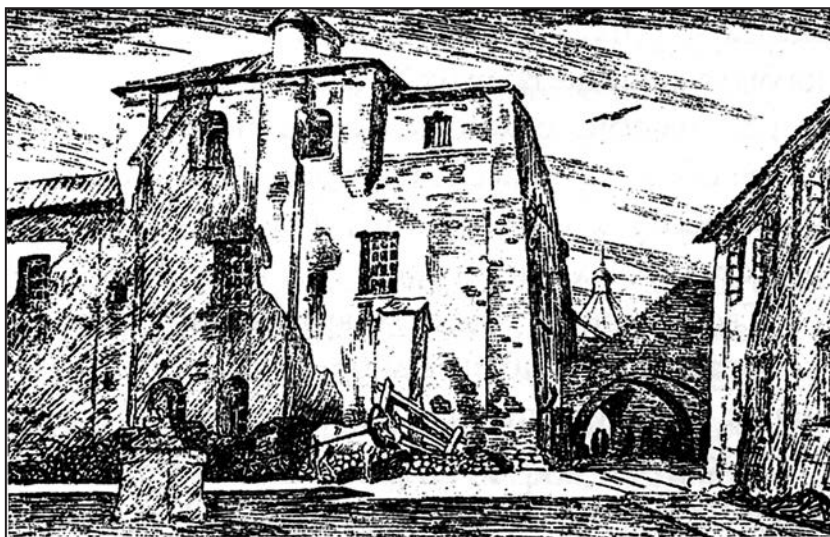
² Соловецкие острова. 1926. № 5–6. С. 119.

³ Там же. С. 225–227.

⁴ Соловецкие острова. 1925. № 4–5. С. 40; 1925. № 3. С. 61.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. Л. 607–608.

⁶ Там же. Д. 38. Л. 207–208.

Спасо-Преображенский собор. Рисунок О. Браз

стать покупателями, и Браз был обвинен в том, что эти сведения англичане получили от него. Но, зная реалии того времени, можно предположить, что это был лишь предлог. А в действительности художник мог пострадать из-за того, что выступал против распродажи художественных ценностей Эрмитажа, где служил хранителем коллекции голландской живописи.

На Соловках Осип Эммануилович был одним из организаторов и некоторое время заведующим музея СОАОКа — СОКа⁷, по заданию администрации лагеря сделал серию зарисовок памятников архитектуры (часть этих рисунков хранится в музее Истории религий в С.-Петербурге). Морской офицер Б.Л. Седерхольм, подружившийся с Бразом еще в пересыльной тюрьме, но прибывший на Соловки позднее и попавший в одну с ним камеру, вспоминал: «Браз находился в Соловецком лагере более года и успел уже побывать в одной из специальных рот, занимая какую-то должность по архитектурной специальности. За два месяца до моей встречи с Бразом в лагере на него донес кто-то из сексотов и знаменитого профессора перевели на тяжелые работы в гавани. Но через какое-то время его вернули, и теперь он был ... „придворным живописцем“. Ежедневно старый заслуженный профессор Императорской Академии Художеств отправлялся зарисовывать различные виды Соловецкого монастыря. Эта работа вполне удовлетворила бы профессора, если бы не обязанности „придворного живописца“, которые чрезвычайно угнетали чуткого и самолюбивого художника. Ему было приказано начальством лагеря зарисовывать сцены из жизни заключенных и внутренности исторических церквей старого монастыря. Все нарисованное проходило через цензуру начальства... Старый профессор должен был создавать в своем альбоме „потемкинские

⁷ СОАОК — Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, СОК — Соловецкое общество краеведения.

деревни“. Всякий раз возвращаясь с „цензурного осмотра“, профессор принимался с горьким вздохом за реставрацию церквей и украшение лагерной жизни... на бумаге своего альбома»⁸.

За время пребывания на Соловках Бразу пришлось пережить немало горьких утрат: его огромная коллекция картин, которую художник собирал тридцать лет «честными и законными путями», была конфискована. Об этом он с горечью писал: «Конфискация порочит честное имя гражданина и научного работника. С незаслуженной конфискацией всех плодов моей долгой художественной научной деятельности я лишаюсь всего, чем жил и для чего трудился»⁹. Большой трагедией стала смерть старшего сына и смертельная болезнь младшего. В 1926 г. О.Э. Браз был досрочно освобожден и отправлен в административную ссылку в Новгород. После ссылки ему удалось уехать в Германию и воссоединиться с семьей.

Почти одновременно с О.Э. Бразом на Соловки попадает Леонид Иванович Касаткин (1895–29.11.1937), который, будучи дворянином, окончил художественное училище в С.-Петербурге и как художник подавал большие надежды. Он участвовал в Первой мировой войне, вступил в партию эсеров, в 1920–1921 гг. был товарищем министра просвещения Дальневосточной Республики. В октябре 1922 г. Касаткин был арестован в Чите и в следующем году с трехлетним сроком отправлен на Соловки, где содержался в Савватьеве, одном из трех скитов, занятых заключенными социалистами и анархистами. («Политики» содержались на особом режиме, отдельно от остальных заключенных.) Они много занимались самообразованием, издавали межфракционный литературно-политический журнал «Сполохи», готовили театральные постановки, в которых активное участие принимал Леонид Касаткин. Он занимался реквизитом и декорациями, но при этом проявил себя и как одаренный режиссер и сценарист, написав тексты и поставив по ним несколько спектаклей. В 1925 г. Касаткин с Соловков был отправлен в ссылку на Урал, затем — в Бишкек, где некоторое время был директором картинной галереи, а в 1937 г. был снова арестован и расстрелян.

Николай Дмитриевич Мунзов (1884–?) родился в Болгарии. Его отец, любивший Россию как свое второе отечество, отправил Николая, проявившего с детства большие способности к рисованию, учиться на художника в Москву, но тот по примеру старших братьев, окончивших Александровское военное училище, чтобы быть более полезным новому отечеству, решил сначала стать военным и окончил Киевский кадетский корпус. В Первую мировую войну Николай Мунзов храбро воевал на Западном фронте, был тяжело ранен и контужен и как негодный к строевой службе отправлен в Иркутск для обучения сибирских стрелков, где его и застала революция. В Иркутске он окончил художественный факультет университета, но живописью на хлеб заработать не мог и решил ехать в Москву. В столице Николай также не смог найти никакой работы, и только помощь из Болгарии спасала его от голодной смерти. Связь с родственниками и послужила причиной ареста в октябре

⁸ Седерхольм Б.Л. В разбойном стане: три года в стране концессий и ЧК. 1923–1926. Рига, 1934.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 114. Л. 116, 144.

1925 г. и ссылки на три года. В августе 1928 г. с Соловков Мунзов был отправлен в ссылку в Сибирь, где очень болел. Родственники ходатайствовали о нем, просили отпустить в Болгарию, обещая, что «он на всю жизнь сохранит вполне корректное и лояльное отношение к СССР». По ходатайству Е.П. Пешковой разрешение уехать на родину было получено. Его последним желанием в России было — написать портрет А.М. Горького¹⁰.

В 1927 г. на Соловках оказалась художница из Ленинграда Софья Ильинична Егорова, ученица И.Е. Репина и близкая подруга его сына Юрия. Она была разносторонне одаренным человеком: шесть лет прожив в Индии, изучила многие языки, в том числе и древнеиндусские, написала книгу «История Индии». После революции Егорова из Петрограда уехала в Париж, где увлеклась буддизмом и по совету Далай-Ламы стала писать картины на эти темы. Однажды в газете Софья Ильинична прочитала о готовящейся в Ленинграде буддийской выставке, что ее очень заинтересовало. В советском посольстве ее уверили, что никаких препятствий для участия в выставке нет, в Ленинграде она сможет выставляться и писать книги. В Россию художница привезла целую коллекцию своих картин, в том числе огромное полотно 4×2,5 м «Царевич Сиддартх Сакия Муни Будда покидает свой дворец и жену». Эту картину Егорова писала три года, она выставлялась в Индии и в Европе, везде имела успех, в Италии была оценена в 50 тысяч франков (15 тысяч рублей золотом по тогдашнему курсу), многие хотели ее приобрести, но автор решила оставить ее в России. По приезде в Ленинград 8 июня 1927 г. Егорова была арестована и осуждена на три года. Через два с половиной года художница с Соловков была отправлена в ссылку в Нижний Новгород и по пути заехала в Ленинград, чтоб забрать свои картины, но увидела свое огромное полотно полностью испорченным: ей было заявлено, что такая картина России вредна и не нужна. «Какое варварство, какой вандализм! Если я не нужна России, отпустите в Финляндию к Репину», — с возмущением писала Егорова из ссылки, но никакой реакции на это не последовало¹¹.

Одновременно с Егоровой на Соловках находился еще один ученик И.Е. Репина, художник-академист Авагим Эммануилович Миганаджиан (1883–31.05.1938). Уроженец города Нахичевань-на-Дону, он очень любил Кавказ, Восток, что нашло отражение в его творчестве. Миганаджиан был признанным мастером, оказал влияние на многих молодых художников, в частности на М.С. Сарьяна, ставшего впоследствии известным советским художником¹². По постановлению от 9 января 1928 г. по ст. 58-6 А.М. Миганаджиан был осужден и отправлен из Москвы на Соловки на 10 лет¹³, содержался в кремле, на Муксалме, Анзере, несколько раз вывозился на материк. Перед освобождением работал в музее ББК в Повенце. Был

¹⁰ Там же. Д. 328. Л. 172–179; Д. 378. Л. 240–248.

¹¹ Там же. Д. 461. Л. 26–29 об.

¹² В 1916 г. о нем вышла книга Н.Лаврского «А.Э. Миганаджиан».

¹³ За время пребывания в лагере его мастерская в Москве была разграблена, но, к счастью, часть картин ему удалось спасти, передав перед арестом на сохранение Е.П. Пешковой. После его смерти эти картины были возвращены его сестрам Маргарите и Тэги. Там же. Д. 246. Л. 305–310; Д. 1492. Л. 37–38.

досрочно освобожден в сентябре 1936 г. и уехал в Саратов, так как въезд в Москву ему был воспрещен. В Саратове он устроился художником в Театр оперы и балета им. Чернышевского, где и проработал до самой смерти.

В главе «Репрессированная наука» было рассказано о ленинградском «деле А.А. Мейера», по которому в 1929 г. на Соловки была сослана большая группа ученых, творческой интеллигенции и среди них — несколько художников: Татьяна Николаевна Гишпиус (1877–1957) — родная сестра поэта Зинаиды Гишпиус, окончившая Академию художеств, ученица И. Репина и Ф. Рубо; Вера Федоровна Штейн (1881–1971) — скульптор, окончившая художественное училище при Академии художеств и Академию художеств, после лагеря и ссылки жившая в Новосибирске; Ксения Анатольевна Половцева (1887–1949) — внучка теоретика анархизма Петра Кропоткина; Ольга Викторовна Второва-Яфа (1876–1959) — автор воспоминаний о Соловках «Авгуровы острова»; Павел Фомич Смотрицкий.

Павел Фомич Смотрицкий (1876–12.04.1934) родился в Харькове, окончил Пензенскую художественную школу и художественные мастерские при Тенишевском училище, выставлялся, в 1909–1914 гг. работал в Мариинском и Александровском театрах, затем занимался художественной росписью частных домов. С 1918 г. Павел Фомич служил в «Союзе городов», составил каталог картин Зимнего дворца¹⁴.

Д.С. Лихачев, познакомившись с художником на Соловках, в своих воспоминаниях писал о нем: «Был он замечательный художник из круга „Мира искусства“, участник русско-финляндской выставки, друг архитектора Оля, строившего дачу Леонида Андреева на Черной речке. Его малая известность как художника, думаю, объясняется его исключительной скромностью, какой-то психологической неприметностью»¹⁵. В лагере Павел Фомич одно время работал на Анзере художником в шкатулочной мастерской. По воспоминаниям Д.С. Лихачева, привез оттуда серию чудных акварелей, особенно кустов под снегом, которые были переведены в графику и опубликованы в журнале «Соловецкие острова». На Соловках ему пришлось работать и сторожем, и лаборантом в сельхозе, по характеристике «очень добропорядочный, исполнительный и старательный работник». В лагере Павел Фомич страдал малокровием, заболел туберкулезом, был вывезен на материк и скончался в медпункте лагпункта Сеннуха (станция Кузема Мурманской железной дороги).

По делу студенческого кружка «Космическая академия наук» в 1928 г. вместе с Д.С. Лихачевым и другими на Соловки был сослан молодой талантливый художник Владимир Тихонович Раков (1906–1969). Коренной петербуржец, отбыв срок, он поселился в Петрозаводске, где прожил до конца жизни. У друзей и родственников В.Т. Ракова сохранилось более 500 рисунков, акварелей, по которым видно,

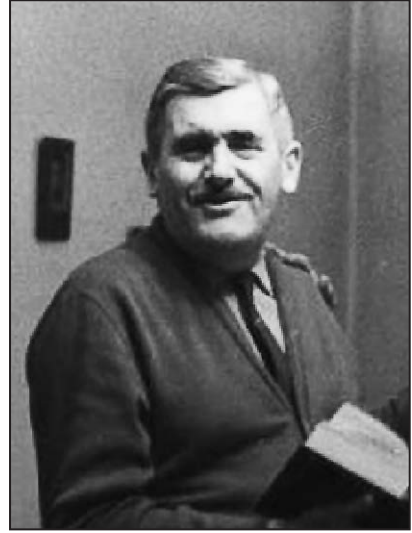
¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 356. Л. 324–334.

¹⁵ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997. С. 313–315.

Владимир Раков

что это был оригинальный, талантливый художник, чьи произведения еще непременно привлекут внимание искусствоведов¹⁶.

В 1929 г. в Киеве был арестован Василий Григорьевич Ищенко (1883–21.04.1942) и приговорен к десяти годам Соловков за то, что якобы знал о контрреволюционном заговоре и не донес. Это был очень талантливый художник, окончивший Художественную академию в Париже с золотой медалью, о нем в свое время писали многие газеты. Перед арестом Ищенко работал инспектором музея Киево-Печерской Лавры. Весь срок на Соловках он содержался в кремле, в 1935 г. был досрочно освобожден, но в декабре 1941 г. снова арестован по обвинению «в контрреволюционной агитации и пораженческих настроениях» и расстрелян.

В том же 1929 г. с Украины был сослан еще один художник — Иван Иванович Вовк (1902–?), после окончания Художественной академии в Киеве работавший в одном из театров. В лагере он был на Соловках, в Кеми, в Медвежьегорске, где работал художником в театре. Отбыв срок, вернулся в Киев, работал театральным художником.

В 1929 г. был арестован и сослан на пять лет по делу Султана Галиева вместе с младшим братом Ади Идрисовичем Урманче (1900–27.10.1937) художник из Татарии Баки Идрисович Урманче (1897–6.08.1990) — первый татарский художник, получивший высшее профессиональное образование. Брат был расстрелян в Сандармохе¹⁷, а Баки Идрисович, отбыв срок, вернулся на родину, много творчески работал, уже при жизни стал классиком татарского изобразительного искусства, получил звания Народного художника РСФСР и Народного художника Татарии. В 1999 г. в Казани ему поставили памятник.

В начале 1930-х гг. был осужден по ст. 58-10 Борис Иванович Лебединский (1891–1972) — одаренный живописец, гравер-офортист и краевед. Он окончил Петербургское центральное училище технического рисования барона Штиглица, с 1911 г. был членом Совета художественно-артистической ассоциации, в середине 1920-х гг. уехал в Иркутск, где с 1927 г. заведовал картинной галереей. Около 1930 г. Лебединский вернулся в Ленинград, стал работать художником и научным сотрудником в Географическом музее, но вскоре был арестован. В лагере содержался на Соловках и в Куземе. После лагеря снова уехал в Сибирь, преподавал в Иркутском

¹⁶ Маслов Д. Гусар в соловецкой робе // Север. 2003. № 5–6.

¹⁷ В составе т.н. «соловецкого этапа» в октябре 1937 г.

художественном училище, занимался творчеством, стал заслуженным деятелем искусства.

На Соловки в разное время было сослано много талантливых архитекторов. Лев Васильевич Капустин был сослан в 1924 г. на десять лет, срок отбывал сначала на Соловках, затем на Беломорско-Балтийском канале (ББК). Освободившись в 1933 г., он остался в Медвежьегорске и в свои 77 лет не только зарабатывал на хлеб себе, но и много помогал другим¹⁸.

Наталья Петровна Гаврилова-Забродина (1897-?) — дворянка, родилась в Кронштадте, архитектор с высшим образованием, была сослана на Соловки в 1924 г. на два года, после Соловков отправлена в ссылку, а в 1937 г. арестована снова, осуждена на десять лет.

Братья-близнецы Борис Васильевич и Константин Васильевич Минихи (1909–14.02.1940) родились в Варшаве в дворянской семье, оба окончили институт, стали архитекторами, до ареста работали в тресте «Горгражданстрой» в Москве. В марте 1936 г. по обвинению в шпионаже и террористической деятельности они были арестованы и осуждены на 8 лет. На Соловках работали в проектно-сметном бюро, и по воспоминаниям бывшего заключенного инженера В. Чапея, работавшего вместе с ними, это были очень образованные и талантливые юноши, которые могли бы стать известными архитекторами. Кирпичное трехэтажное здание тюрьмы на территории монастырского кирпичного завода было спроектировано ими. В 1939 г. Минихи на Соловках были арестованы в числе большой группы заключенных, обвиненных в создании в лагере несуществующей повстанческой террористической организации, вывезены в Москву и расстреляны в один день.

В 1937–1938 гг. в числе почти 2000 заключенных Соловецкой тюрьмы были расстреляны архитекторы: Константин Васильевич Лозинский (1882–27.10.1937); Борис Романович Подкатилин (1897–03.11.1937) — помощник главного архитектора Наркомата тяжелой промышленности из Москвы; Леонид Иванович Гепнер (1911–08.12.1937) — архитектор треста Гипроавтотранса в Москве, Анатолий Васильевич Селенков (1910–17.02.1938) — студент Архитектурного института; художники: Зиновий Израилевич Хайкин (1913–08.12.1937) из Екатеринослава, Юрий Александрович Решетников (1914–03.11.1937) из Москвы, Иван Фелицианович Дембский (1880–9.10.1937), Алексей Васильевич Воцакин (1898–08.12.1937) из Новосибирска, Николай Петрович Василевский (1904–17.02.1938) из Минска, Петр Нилович Пакшин (1893–27.10.1937) из Новосибирска, Жан Иванович Мильдер (1911–08.12.1937) из Латвии, Дмитрий Иосифович Иванов (1880–17.02.1938). О последнем хочется добавить, что он родился и жил в С.-Петербурге, окончил Художественное училище Штиглица, художник-скульптор, преподавал графическое искусство в вузе; осужден в январе 1932 г. по ст. 58-6 к высшей мере наказания (ВМН) с заменой на десять лет. В лагере писал портреты своих товарищей по несчастью. В частности, сохранился портрет П.А. Флоренского, который сейчас находится у его внуков.

Среди творческой интеллигенции на Соловках больше всего было журналистов, писателей, поэтов.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 965. Л. 239–240.

В 1924 г. по делу Святейшего Патриарха Тихона был арестован молодой поэт Николай Борисович Кирьянов (1900–1989) и осужден на три года. На Соловках он был келейником архиепископа Илариона (Троицкого), сохранились стихи, посвященные владыке¹⁹. После ссылки состоял в переписке с поэтом Николаем Клюевым, и тот послал ему рукопись своей поэмы «Соловки», которую Н. Кирьянов сохранил и затем передал в ЦГАЛИ. До конца жизни он жил в Туле, занимаясь литературным творчеством.

В 1925 г. с десятилетним сроком в лагере оказался молодой грузинский поэт Константин Семенович Гамсахурдия, но пробыл на Соловках до ноября 1927 г. и отправлен в ссылку в Коми край²⁰.

Александр Борисович Ярославский (1891–10.12.1930) родился в Томске, окончил университет, имел вполне подходящую для новых властей биографию: с 1917 г. состоял в партии большевиков, участвовал в Гражданской войне — заведовал культурной частью в партизанском отряде, около двух лет просидел в тюрьме у белых. В начале 1920-х гг. Ярославский был уже довольно известным поэтом, в 1922 г. в Москве вышел сборник его стихов, но в мае 1928 г. он был арестован и по ст. 58-4 осужден на пять лет. Причиной ареста стало следующее: будучи в Берлине, он опубликовал в эмигрантских газетах «Дни» и «Руль» ответ на открытое письмо Е. Ярославского и выступил с докладом о Советской России, позволив себе и критические замечания (но не антисоветские). Надо сказать, что поэт сразу же признал ошибочным и то, что воспользовался эмигрантской прессой, и то, что выступил с критикой не в России, а «на том берегу», искренне считая, что «нельзя выносить сор из избы». Ярославский мог не возвращаться в Россию, но вернулся, находя для себя недостойным объясняться из-за границы, хотя прекрасно понимал, что «едет саморасстреливаться»²¹. На Соловках содержался в кремле, на Муксалме, пытался бежать, был расстрелян. Через полгода у Секирной горы была расстреляна и его жена Евгения Исааковна Ярославская-Маркон (1902–16.06.1931) — тоже литератор, журналист. После ареста мужа она переехала жить в Кемь, чтобы готовить ему побег, за что была отправлена на Соловки²².

В 1929 г. в Чернигове была арестована и приговорена к расстрелу с заменой на десять лет лагеря за участие в несуществующей контрреволюционной организации украинский поэт, дочь известного писателя Лидия (Лада) Михайловна Могиланская (1899–06.06.1937). Срок она отбывала на Соловках и ББК, была досрочно освобождена, поехала на строительство канала Москва – Волга, где была снова арестована и приговорена к расстрелу.

В 1935 г. был арестован талантливый украинский поэт и переводчик Евгений Плужник (1898–1936), автор двух сборников стихов «Дни» и «Ранняя осень» и талантливых переводов на украинский язык Чехова, Гоголя, Шолохова. На Соловки

¹⁹ Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. М., 2005. С. 73–75.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 91; Д. 155. Л. 77.

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 372. Л. 169–170 об.

²² Об истории ее расстрела см. Флиге И. Камнем в висок... // Вестник «Мемориала». СПб., 1999. № 3(9).

Кузубай Герд

он был сослан уже смертельно больным и менее чем через год скончался в лагерном лазарете. Долгое время имя Е. Плужника замалчивалось, даже в изданиях переведенного им «Тихого Дона» не указывалось имя переводчика, не издавались его стихи, хотя это был один из талантливейших украинских поэтов XX в.

В 1936 г. из Киева был сослан еще один талантливый поэт Марк Николаевич Вороной (1904–03.11.1937), расстрелянный в Сандармохе.

В 1933 г. по ст. 58-3, 4, 6, 8, 11 был приговорен к расстрелу с заменой на десять лет Соловков выдающийся удмуртский поэт, крупнейший деятель национальной культуры Кузубай Герд (Кузьма Павлович Чайников) (1898–01.11.1937).

Его называли основоположником удмуртской поэзии, самым талантливым среди молодых национальных поэтов. Кузубай кроме поэзии оставил заметный след и в других жанрах — прозе, критике, драматургии. Он рано увлекся литературой, уже с 1914 г. начал печататься на русском языке, занимался переводами, интересовался фольклором, в 1926 г. создал в Москве Общество по изучению вотской культуры. В 1920–1930-е гг. Кузубай издал несколько сборников стихов «Гуслияр», «Цветущая земля», «Ступени» и др., опубликовал около 130 статей по этнографии, фольклору, краеведению, к нему пришла международная известность, но в 1932 г. он был обвинен в том, что является выразителем идеологии национальной буржуазии на литературном фронте. На Соловках Кузубай не прерывал своей литературной деятельности, писал стихи на родном удмуртском и русском языках, строил планы на будущее... Кузубай Герд был расстрелян в Сандармохе.

О молодых талантливых поэтах Юрии Казарновском, Владимире Кемецком (Свешникове), Александре Панкратове и других мы уже рассказывали в главе «Подстреленные на взлете».

Журналист Николай Кириллович Литвин (1892–?) работал в Крыму, на Кубани. В конце Гражданской войны, напуганный террором, эмигрировал с белыми. Вскоре поняв, что без России жить не сможет, вступил в члены Союза «Возвращение на Родину», в Болгарии начал активную работу в газете Миссии Советского Красного Креста и в 1923 г. с группой эмигрантов вернулся в СССР²³. По возвращении Н.К. Литвин получил персональную амнистию, был восстановлен в правах, но тут же 13 сентября 1923 г. арестован Московским ГПУ и выслан на три года на Соловки по обвинению в шпионаже. В лагере он был организатором и первым выпускающим

²³ Обстоятельства возвращения были описаны в Известиях ЦИК СССР и ВЦИК № 170 от 31 июля 1923 г. Правда, там допущена ошибка: Литвин редактором эмигрантской газеты «Общее дело» никогда не был, а был сотрудником газеты «Русское дело».

Николай Литвин (вверху), Борис Ширяев
Лагерные рисунки

газеты «Новые Соловки», которая стала выходить с 11 января 1925 г., много печатался и в этой газете, и в журнале «Соловецкие острова». В конце 1926 г. Николай Кириллович с Соловков был отправлен в Нарымский край, где находился до весны 1930 г., затем сослан в Туркестан, откуда в 1933 г. он писал Е.П. Пешковой о своих злоключениях, о том, что «уже 10 лет ни за что страдает, и ни одна амнистия его не коснулась»²⁴. Его дальнейшая судьба автору неизвестна.

В одно время с Н.К. Литвиным на Соловках находился журналист Борис Николаевич Ширяев, автор известных воспоминаний «Неугасимая лампада».

Итальянский журналист Георгий Александрович Перозио, родственник композитора Перозио, был сослан в 1925 г. за службу в 1919 г. в телеграфном агентстве печати в армии Деникина²⁵.

В 1927 г. с десятилетним сроком прибыл на Соловки молодой журналист Геннадий Андреевич Хомяков (писал под псевдонимом Геннадий Андреев). На Соловках пробыл два года, затем был отправлен в ссылку, после освобождения работал в Крыму.

В 1942 г. попал в плен, остался на Западе, стал известным журналистом, до конца жизни редактировал журнал «Русское возрождение». В первые послевоенные годы Геннадий Андреев опубликовал в «Гранях» воспоминания «Соловецкие острова», выпустил книгу очерков «Горькие воды», повесть «Трудные дороги», где описывает попытку побега из лагеря. До конца жизни он много и плодотворно работал, являясь одним из выдающихся публицистов второй волны эмиграции. Тема неразрывности с Россией, ответственности перед Родиной красной нитью проходит через все его творчество. Одна из лучших его статей «Помилуй, Бог, мы — русские»

²⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 932. Л. 173–176.

²⁵ Там же. Д. 84. Л. 49; Д. 263. Л. 294–297.

Дмитрий Янчевецкий «У стен недвижного Китая». СПб., 1903

заканчивается так: «Мы — здоровый сильный народ со здоровой и молодой душой. В ней, как и прежде, неискоренимо живет жажда справедливости, свободы, мира. Эта жажда — залог того, что зло большевизма будет нами уничтожено. Оно не может не быть уничтожено, ибо, помилуй, Бог, мы — русские»²⁶.

В 1927 г. был арестован и Тройкой ОГПУ Северо-Кавказского края осужден по ст. 58-3, 4, 12, 13 на 10 лет журналист Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873–1934), брат писателя В. Яна. Это был очень образованный человек, в совершенстве знал четыре языка, в том числе китайский. Во время русско-японской войны он был редактором

«Вестника Маньчжурской армии», затем — репортером в «Новом времени». На Соловках Янчевецкий одно время работал в криминологическом кабинете²⁷, поэт Ю. Казарновский написал на него эпиграмму:

Он кабинету много дал,
И велико его значенье:
В себе он редко сочетал
И материал, и наблюденье.

В 1933 г. Д.Г. Янчевецкий из лагеря был освобожден и отправлен «с минусом» в Кострому. Его книга «У стен Пекина» под названием «1900. Русские штурмуют Пекин» была переиздана в 2008 г.

В том же 1927 г. на Соловках оказался корреспондент «Известий» Гарри (Алексей) Петрович Бромберг, обвиненный в шпионаже в пользу Англии за то, что получил рекомендательное письмо от английского консула, у которого служил в 1916 г. Это был известный журналист, участник Гражданской войны (два его брата на этой войне погибли). На Соловках содержался в Филимоново, в июне 1930 г. из лагеря отправлен в ссылку в Северный край²⁸.

В 1930 г. была осуждена на десять лет журналистка, сотрудница московских газет, в том числе газеты «Красная Звезда», Варвара Ивановна Брусилова (1899–09.1937) — племянница профессора С.А. Котляревского. Содержалась на Соловках, Кеми, на ББК. Расстреляна. Интересно письмо В. Брусиловой Е.П. Пешковой,

²⁶ Хомяков Г.А. Помилуй, Бог, мы — русские // Слово. 1992. № 1–6. С. 57.

²⁷ Криминологический кабинет, созданный в 1926 г., занимался изучением типов и психологии заключенных. О его работе см. воспоминания Д.С. Лихачева.

²⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 155. Л. 10.

Евгения Мустангова

в котором она пишет: «О прожитых в заключении годах я не жалею, они морально дали мне больше, чем отняли, несмотря на огромную усталость... ибо сам по себе лагерь не так и не тем страшен, как это кажется со стороны. До сих пор, за малым исключением, мне всегда и всюду было хорошо морально, и среди товарищей я меньше ощущаю свое одиночество, чем на воле»²⁹.

Алексей Григорьевич Свяженинов (1895–03.11.1937) был заведующим научно-техническим отделом журнала «За рубежом». В марте 1934 г. по ст. 58-4, 6 его приговорили к ВМН с заменой на десять лет. Свяженинову не простили дворянского происхождения и того, что был офицером Деникинской армии. На Соловках ему пришлось работать на осушении болот, в сельхозе, ловить тюленей, играть в лагерном театре. И в лагере А. Свяженинов постоянно интересовался судьбой своего журнала. В одном из писем к брату Алексей Григорьевич просит: «Сделай милость, пришли мне бандеролью „За рубежом“ от 25 ноября (№ 33). Это юбилейный номер. В нем подытожены три года работы журнала, и мне, делавшему его весь первый год, очень интересно, что они написали, анализируя развитие журнала»³⁰. Расстрелян в Сандармохе.

Ахмет Байтурсунович Байтурсунов — выдающийся деятель казахской культуры, литератор, публицист, педагог, который тридцать пять лет отдал просвещению киргизо-казахского народа, создал казахский алфавит и орфографию. 2 июня 1929 г., в шестьдесят два года, он был арестован, почти два года провел в тюрьме и был отправлен на Соловки, откуда через два года — в ссылку в Архангельск, где страшно бедствовал, не имея никакой помощи и работы³¹. В 1934 г. был освобожден по ходатайству Е.П. Пешковой, но в 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

Евгения Яковлевна Мустангова (Рабинович) (1905–04.11.1937) считалась одним из самых талантливых молодых советских критиков, очень рано была принята в члены Союза писателей. Уже во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета Евгения писала хорошие критические статьи, стихи, хотя никогда их не печатала, но любовь к поэзии сказалась в литературоведческой деятельности, основные ее работы касались творчества поэтов. Когда Корней Чуковский редактировал первое советское издание Н.А. Некрасова, вступительную статью он предложил написать Мустанговой. Казалось, все складывается так

²⁹ Там же. Д. 1078. Л. 5 об. – 6.

³⁰ Свяженинов А.Г. Письма с Соловков // За рубежом. 1989. № 15. С. 13.

³¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 889. Л. 14–15; Д. 904. Л. 17–21.

Антон Крушельницкий

удачно... Но в 1936 г. Евгения Мустангова с группой друзей-коллег: Анной Абрамовной Бескиной (1903–02.11.1937) — литературным критиком, репортером газеты «Ленинградская правда»; Михаилом Гавриловичем Мейзелем (1899–04.11.1937) — литературным критиком, журналистом, зав. критическим отделом журнала «Литературный современник»; писателями Леонидом Юрьевичем Грабарем-Шполянским (1896–02.11.1937), Зельником Яковлевичем Штейнманом были осуждены по ст. 58-8 и приговорены к десяти годам. Ходатайства Корнея Чуковского, Юрия Германа, Николая Асеева были безрезультатны. Все они (за исключением З. Штейнмана, пережившего Соловки

и Норильск) были расстреляны в Сандармохе.

Поистине трагична судьба семьи Антона Владиславовича Крушельницкого (1878–03.11.1937) — известного украинского просветителя, писателя, журналиста, издателя. Все члены этой семьи были люди высокообразованные, творческие (из этой семьи и знаменитая украинская певица Саломея Крушельницкая). Крушельницкие жили в Галиции, но украинское правительство всячески заманивало их, обещая блестящие перспективы, и в мае 1934 г. семья переехала в Харьков. Вскоре все были арестованы как участники организации «Объединение украинских националистов». Два сына Антона Владиславовича — Тарас и Иван были расстреляны в Харькове, а сам он с сыновьями Богданом (1906–03.11.1937), Остапом (1913–03.11.1937) и дочерью Владимирой (1903–08.12.1937) были отправлены на Соловки и расстреляны: отец с сыновьями в один день — в Сандармохе, дочь — через месяц. А всего из этой многострадальной семьи через Соловки и ББК прошло десять человек.

Среди расстрелянных заключенных Соловецкой тюрьмы осенью 1937 – феврале 1938 г. были литераторы: черкесский князь, писатель-журналист Халид Качукович Абуков (1905–27.10.1937); казахский литератор Комуш Али Бориев (1896–27.10.1937); ленинградский журналист Макс Моисеевич Левшин (1903–27.10.1937); журналист из Казани Сафа Хафиз-Оглы Хафизов (1894–27.10.1937); зав. отделом редакции газеты «Ленинградская правда» и «Красная газета», художественный руководитель и режиссер театра Революционной сатиры в Ленинграде, затем главный режиссер Рабочего театра в Воронеже Семен Семенович Цейтлин (Инин) (1905–27.10.1937); сотрудник французской газеты в Москве Всеволод Алексеевич Харузин (1909–01.11.1937); смоленский журналист Самуил Яковлевич Беркович (1906–02.11.1937); редактор «Литературной газеты» из Тбилиси, профессор Платон Иосифович Кикодзе (1905–02.11.1937); редактор районной газеты

Валериан Пидмогильный

«Колхозный путь» из Грузии Арсен Федорович Макацария (1902–02.11.1937); французский журналист и литератор Жан Георгиевич Рено (Илья Григорьевич Кочерец) (1895–02.11.1937); писатель и журналист из Киева Василий Иванович Атаманюк-Яблуненко (1897–03.11.1937); представитель старинного дворянского рода, журналист Владимир Николаевич Бестужев-Рюмин (1908–03.11.1937); литератор из Киева Иван Дмитриевич Дорожный-Миненко (1897–03.11.1937); украинский литератор, поэт, переводчик, профессор, специалист по античной классике Николай Константинович Зеров (1890–03.11.1937); украинский писатель-драматург Мирослав Дмитриевич Ирчан (Андрей Дмитриевич Бабюк) (1896–03.11.1937); журналист, литературный редактор объединенного издательства Украины Петр Михайлович Кривенко-Матыенко (1891–03.11.1937); журналист «Рабочей газеты» в Москве Федор Кузьмич Кузьмин (1905–03.11.1937); писатель-журналист из Харькова Яков Ефремович Ковальчук (1889–03.11.1937), украинский драматург Микола Гурьевич Кулиш (1892–03.11.1937); украинский писатель Валерьян Львович Полищук (1897–03.11.1937); литератор и журналист, редактор издательства «Язык и литература» в Харькове Клим Лаврентьевич Полищук (1891–03.11.1937); московский журналист Николай Андреевич Ровинский (1912–03.11.1937); украинский прозаик и переводчик Валериан Петрович Пидмогильный (1901–03.11.1937); украинский писатель Николай Константинович Стрельцов (1890–03.11.1937); литератор из Киева Владимир Фокиевич Штангей (1895–03.11.1937); украинский писатель Григорий Данилович Эпик (1905–03.11.1937); украинский литератор Михаил Николаевич Яловой (1895–03.11.1937); журналист из Прибалтики Эдуард Биройс (1891–04.11.1937); литературный работник из Чернигова Вера Николаевна Гутман (1901–04.11.1937); ленинградский литератор Иван Степанович Игнатенко (1908–04.11.1937); журналистка, секретарь Торгпредства в Германии Изабелла Ионовна Койген (1900–04.11.1937); студент института журналистики в Москве Анатолий Максимович Малашкин (1915–04.11.1937); ленинградский литературовед Григорий Юрьевич Юрьев (1899–04.11.1937); украинский литератор Василий Яковлевич Вражливый-Штанько (Василь Вражливый) (1903–08.12.1937); журналист из Днепропетровска Владимир Александрович Ильштейн (1898–08.12.1937); литературный редактор из Харькова Василий Иванович Левицкий (1902–08.12.1937); литературовед Ананий Дмитриевич Лебедь (1898–08.12.1937); литератор из Винницы Николай Ферапонтович Нарушевич (1902–08.12.1937); студент Литературного института в Москве Николай Гаврилович Сенин (1906–08.12.1937); киевский литератор Георгий Данилович Шкуруций (Гео Шкуруций) (1903–08.12.1937); журналист

Григорий Эпик с дочерью Радой. Начало 1930-х гг.

«Последних известий» на радио в Москве Глеб Сергеевич Жангиев (1910–17.02.1938); журналист Московского облкомитета радиовещания Алексей Алексеевич Крылов (1904–17.02.1938).

Через Соловки прошло много талантливых музыкантов, актеров, режиссеров. Конечно, и в лагере многие из них были заняты в театре, но это не избавляло ни от тяжелых работ, ни от ссылок на штрафные командировки. Положение артистов в лагере ярко характеризует небольшой отрывок из статьи Н.К. Литвина: «В те дни, когда „рабсила“ мобилизовывала каждого, тогда наши же товарищи заключенные, соловецкие нарядчики с особым сладострастием в первую очередь угоняли на баланы актеров. А в самые острые моменты, когда не спасали от баланов ни дипломатия, ни авторитет режиссера, ни даже сам великий блат, тогда первый „главреж“ соловецкого театра вместе со своими подвижниками отдавался в руки беспощадных нарядчиков, с утра до ночи где-нибудь у Пертозера подставлял под проклятую тяжесть баланов свои слабые плечи. Были случаи, когда через два часа после ударника должен был начаться спектакль. И соловецкие актеры играли...»³² Лагерному театру посвящена работа Н.Б. Кузякиной «Театр на Соловках 1923–1937» (СПб., 2009), поэтому здесь мы остановимся только на судьбах некоторых актеров.

Уже в 1923–1924 гг. на Соловках появились профессиональные артисты Макар Семенович Борин (1871–1938), Сергей Арманов (Иван Андреевич), Борис Александрович Глубоковский (1894(?)–ок. 1935). Они и стали основателями лагерного театра. Самым талантливым из них, наверное, был Борис Глубоковский — журналист, прозаик, актер из Москвы, очень близкий к кругу С. Есенина. В своих воспоминаниях А. Мариенгоф называет его своим приятелем, описывает факт, как в апреле 1920 г. он, С. Есенин и Б. Глубоковский посвящали В. Хлебникова в Президенты Земного шара³³. Да и на Соловки Б. Глубоковский был сослан по делу поэта Алексея Ганина, приятеля С. Есенина. На Соловках он активно печатался в журналах «Соловецкие острова» и «Карело-Мурманский край», был режиссером в театре. Хочется отметить, что многие творческие люди, в прежней жизни далекие от сценической деятельности, в лагерном театре проявили себя как талантливые артисты. Генеральша Зинаида Яковлевна Гольтгоер после эмиграции в 1919 г. мужа и детей осталась в Петрограде совсем одна, так как не хотела покидать Россию, терпела большую нужду, честно служила в советских учреждениях. В марте 1924 г. она

³² Соловецкие острова. 1926. № 2–3. С. 27.

³³ Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья. Л., 1988. С. 63.

Афиша спектакля Соловецкого театра

была арестована и, просидев полгода в одиночной камере тюрьмы, отправлена на Соловки без предъявления конкретных обвинений, только потому, что дворянка и жена генерала, который был двоюродным братом княгини Ольги Палей, жены великого князя Павла Александровича. На Соловках З.Я. Гольтгоер попала в театр, с успехом играла комических старух и, кроме того, стала большим специалистом по парикам. Благодаря игре в театре о ней узнали родные. Зинаида Яковлевна попала в известный фильм «Соловки», который снимался в 1927–1928 гг. В 1930 г. этот фильм показывали в Хельсинки, и каково было удивление родственников Зинаиды Яковлевны, когда они увидели ее на экране. Для детей и мужа это были первые достоверные сведения о ней. Известно, что после Соловков З.Я. Гольтгоер была отправлена в ссылку в Сибирь, хотя в то время ей было далеко за шестьдесят³⁴.

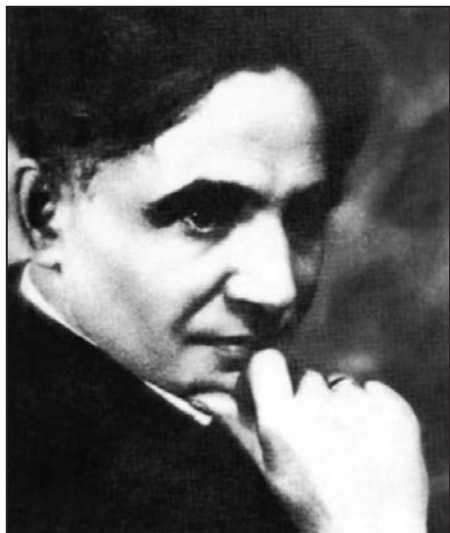
В 1924 г. были арестованы и в следующем году сосланы: режиссер 2-го МХАТа Никита Михайлович Красовский, пианист из Симферополя Давид Михайлович Лившиц, балетный танцор Павел Энгельфельд, артистки Валентина Михайловна Сапожкова-Таирова из Киева, Софья Александровна Окерман (1895–1973), Ирина Сергеевна Витте-Сомова (1905–?) — дочь Сергея Юльевича Витте, арестованная только за свое происхождение и сосланная вместе с мужем, который и умер на Соловках. Самой ей пришлось многие годы провести в лагерях и ссылках, перенося холод и голод. В 1932 г. в ссылке Ирина написала повесть «Соловки и луна», но сохранилась ли она где-нибудь — автору неизвестно³⁵.

В числе сосланных в 1925 г. из Ленинграда по известному «делу лицеистов» было много людей творческих, среди них — Михаил Николаевич Фроловский, поэт и литератор; Александр Дмитриевич Викторов, сын сенатора, правовед, при этом всю жизнь занимавшийся искусством и музыкой; музыканты Лев Евгеньевич Кондратьев, Георгий Николаевич Харламов, барон Николай Анатольевич Штромберг (1879 – ок. 1927). Штромберг был прекрасным музыкантом, учеником Игумнова. На Соловки он попал только потому, что еще в 1919 г. был расстрелян его брат по делу «Национального центра». В лагере некоторое время обучал музыке детей охранников, затем был переведен на лесоразработки, где и погиб вместе с еще одним «лицеистом», князем Николаем Николаевичем Голицыным (1883 – ок. 1927). Подробности их трагического конца описаны в воспоминаниях поляка Мечислава Ленардовича: «Работая на лесоповале, я познакомился с хорошо известным

³⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 82. Л. 329–330 об.

³⁵ Там же. Д. 630. Л. 69–82; Д. 851. Л. 116–118; Д. 398. Л. 44–45; Д. 252. Л. 256.

Лесь Курбас

в Петрограде бароном Штромбергом. Вместе мы валили в лесу деревья, вспоминая о прежних временах... Работа шла медленно, потому что ни Голицын, ни Штромберг не были к ней приспособлены. Нас часто оставляли в наказание в лесу на ночь, не давали пищи, били палками. От этих побоев вскоре сошел с ума Штромберг... Да и князь Николай Голицын тоже плохо кончил...»³⁶

В 1926 г. на Соловки был сослан музыкант, дирижер духового оркестра Анатолий Николаевич Сперанский, хороший знакомый Е.П. Пешковой. Его маленький сын был ее крестником.

Основной причиной ссылки послужило то, что его брат, профессор Сперанский, был в эмиграции. Жена музыканта с грудным младенцем была сослана в Тобольск. Отбыв срок на Соловках, Сперанский был отправлен в ссылку в Архангельск, где и скончался.

В 1927 г. по ст. 58-5 из Ленинграда был сослан Александр Сергеевич Москвин. Обладая хорошим голосом и музыкальностью, он окончил консерваторию и работал в Михайловском театре оперным певцом, но в 1920-е гг. пришлось «переквалифицироваться» в эстрадники. Отбыв три года на Соловках, Москвин был отправлен еще на три года в ссылку в Архангельск. В том же 1927 г. в лагере оказались пианистка из Москвы Любовь Владимировна Миллер; ленинградская драматическая актриса Наталья Николаевна Ольховская-Ростова, арестованная за свою религиозность; вернувшаяся из-за границы актриса Эльвира Антоновна Загорская; актер Александровского театра Игнатий Дмитриевич Калутин вместе с женой, актрисой Екатериной Ефимовной Савченко; дирижер духового оркестра из Сталинградского округа Илья Адамович Лакизо; студент консерватории, очень талантливый начинающий композитор Александр Александрович Кенель.

В 1929 г. по «делу А. Мейера» были сосланы солист Мариинского театра Павел Дмитриевич Васильев (1886–1929); талантливый режиссер Павел Петрович Вальдгардт, до ареста преподававший в Ленинграде сценическое искусство в Центральном музыкальном техникуме; музыкант Елена Адамовна Назарова-Заржецкая.

Стефан Августович Якубицкий, органист, перед арестом работал при Зинтовском соборе в Каменец-Подольске, за что и был арестован в мае 1929 г. и в 1930 г.

³⁶ Лепардович М. На островах пыток и смерти. Воспоминания с Соловков // Каторга и ссылка на Севере России. Архангельск, 2008. Т. 3. С. 50–91, 67–68.

**Место расстрела Л. Курбаса
в урочище Сандармох (Карелия)**

отправлен на Соловки (по приговору должен был быть отправлен в Котлас), содержался в Савватьево. Его семья осталась без всяких средств к существованию, одна дочь умерла с голоду, сыновья не могли ходить в школу — не в чем было выйти на улицу. В доме из имущества оставались только швейная машинка и рояль, но машинку забрали, а инструмент просто разломали, руководствуясь тем, что «какое право имеет семья политического заключенного иметь рояль и швейную машинку?»³⁷

1 апреля 1930 г. в Таганроге был арестован дирижер симфонического оркестра Валериан Гаэтанович Молла (1872–?) и по ст. 58-6, 11, 13 на пять лет отправлен в концлагерь. Итальянец по происхождению, он принял русское подданство, окончил консерваторию, считался дирижером высшей квалификации, получил звание заслуженного артиста, много гастролировал, вел большую общественную работу, но как человек «иностранного происхождения» был заподозрен в шпионаже и пособничестве международной буржуазии. С Соловков Молла был переведен в Свирлаг³⁸.

По этим же статьям 1 сентября 1930 г. в Москве был арестован и приговорен к десяти годам Соловков актер театра Мейерхольда и кинорежиссер Борис Соломонович Шнеерсон. Причиной ареста послужило то, что его мать жила в Париже, и сам Шнеерсон вел переговоры с парижской кинофирмой о совместной работе.

В 1931 г. артист Большого театра Николай Евграфович Еварестов получил десять лет, в 1933 г. с Соловков переведен в Потьму (Мордовия).

В 1935 г. на Соловках появился Леонид Федосеевич Привалов-Боббль (1891–198?) — певец высшей квалификации, много лет служивший в оперных театрах Тифлиса, Баку, а перед арестом — в Ленинграде. Существует несколько версий о причинах его ареста, и одна из них такова: будучи в гостях у известного врача А.А. Опмана, он слушал, а возможно, и сам рассказывал политические анекдоты, за что хозяин дома с женой, сыном и дочерью и гости оказались на Соловках. На

³⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 651. Л. 117–119; Д. 1311. Л. 133–134.

³⁸ Там же. Д. 654. Л. 201, 201 об.

Ростислав Валаев

Соловках Привалов пел в лагерном театре, одно время даже был его директором. В.Ф. Федоров, тоже бывший заключенный, вспоминал: «Из артистов-ленинградцев на всю жизнь запомнил Леонида Федосеевича Привалова. Когда он выходил на сцену и запевал: „О, дайте, дайте мне свободу...“, весь зал рыдал. Иногда в сольных концертах ему аккомпанировал профессор Московской консерватории, известный пианист Николай Яковлевич Выгодский»³⁹. После лагеря, понимая, что путь на сцену столичных театров ему закрыт, Л. Привалов остался в Петрозаводске, работал в Карельском республиканском театре музыкальной комедии, с 1942 г. — в Вологде, после войны снова вернулся в Петрозаводск, с конца 1954 г. жил в Москве.

В 1935 г. на Соловки из Медвежьегорска был переведен известный украинский режиссер-новатор Лесь Степанович Курбас (1887–03.11.1937), перед арестом режиссер театров «Березиль» (Харьков) и Малого театра «Игосэт» (Москва). При нем произошел последний «всплеск» театральной жизни на Соловках. Курбасом были поставлены «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Ученик дьявола» Шоу, «Коварство и любовь» Шиллера, «Интервенция» Славина, «Аристократы» Погодина. В театре играли такие профессиональные актеры, как Валентин Цишевский, Станислав Сенкевич, Иван Русинов, Яссе Андронников и др.

Следует поподробнее рассказать об Яссе Николаевиче Андронникове (1893–07.10.1937), так как встречающиеся о нем сведения не точны или не верны. Это был очень одаренный человек, наделенный многими талантами. Родился в Тбилиси в княжеской семье (его мать была племянницей поэта А. Плещеева, сестра — Саломея Андронникова, известная петербургская красавица, муза знаменитых поэтов и художников — ее портреты писали М. Сомов, А. Сорин, Б. Григорьев, ей посвящали стихи А. Ахматова и О. Мандельштам, ее подругой была М. Цветаева). Яссе закончил юридический факультет Петербургского университета, участвовал в Первой мировой войне, был ранен, награжден Георгиевским крестом. В Гражданскую войну, к которой относился очень отрицательно, воевал на стороне белых. После нескольких арестов он в 1921 г. переехал в Москву, стал работать в театре актером и танцором, постепенно приобретая известность в артистических кругах, и даже получил место постоянного преподавателя современного танца и пластики в ГИТИСе. В 1920-е гг. Андронников много гастролировал с театром по стране, пробовал себя и в режиссуре. Он был хорошим поэтом, стихи писал

³⁹ Письмо В.Ф. Федорова, архив А. Сопиной.

(1892–03.11.1937); два совсем молодых, но очень талантливых брата Клинге из Ленинграда музыкант и пианист Виктор Александрович (1917–27.10.1937) и художник Анатолий Александрович (1916–03.11.1937).

В рамках одной главы невозможно рассказать о многих, чей талант и творчество бессмысленно и безжалостно были загублены террором. Но в последние годы появляется множество публикаций, посвященных как отдельным персоналиям, так и целым направлениям в рамках этой тематики⁴¹.

⁴¹ Поэзия узников ГУЛАГа. Антология. М., 2005; Кузякина Н.Б. Театр на Соловках. 1923–1937. СПб., 2009; Валаев Р. Лесь Курбас на Соловках // Театральная жизнь. 1989. № 7. С. 25–27; Викентьев И. Юбилей Пушкина в Соловецком лагере в 1937 г. // Христианская культура: Пушкинская эпоха. СПб., 1999. С. 121–124; Васильев Г. Встречи с Юрием Алексеевичем Казарновским // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 6. Архангельск; М., 2007. С. 194–197.

Поверженное воинство

О ВОЕННЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СЛОНА

Двадцатый век стал трагедией для офицеров старой Русской армии: это и потери в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах, и репрессии, навешенные против них после победы в 1917 г. большевиков.

Бывшие офицеры в первую очередь попадали в число врагов, рассматривались как оплот старой России. Они как никто другой могли представлять реальную угрозу советской власти в силу своей военной грамотности, сплоченности, преданности присяге. Большевики понимали, что без старых военспецов им в Гражданской войне не победить, да и новую армию не построить, поэтому только за 1918–1920 гг. было мобилизовано более 50 тыс. офицеров, причем абсолютное большинство под угрозой репрессий как их самих, так и семей. Были и такие, кто считал, что для сохранения армии надо работать в любых условиях. Кто-то в душе надеялся, что советская власть долго не продержится. Как бы честно военспецы ни служили, они все равно рассматривались как потенциальные враги, шпионы, вредители и предатели. В случае неудач это были первые кандидаты на репрессии. Контроль осуществлялся не только за самими офицерами, но и за их семьями, которые в случае необходимости тут же становились заложниками.

Те, кто категорически не принимал новый строй и не хотел участвовать в Гражданской войне, пытался как-то приспособиться к новым условиям жизни, меняли профессию, место жительства, иногда даже фамилию. Но и это не спасало от преследований. Органы тщательно следили за бывшими офицерами, любая дружеская встреча однополчан, сослуживцев рассматривалась как собрание заговорщиков, любая безобидная фраза могла восприниматься как антисоветская пропаганда и агитация. Чтобы держать бывших офицеров в постоянном страхе, время от времени среди них проводились «чистки» и аресты. Даже родство с бывшими офицерами могло служить поводом к аресту. Так, в 1929 г. на Соловки был сослан барон Дистерло Борис Николаевич только за то, что его отец был генералом. Не было взято в счет и то, что генерал перешел на службу к большевикам, служил инспектором кавалерии Восточного фронта, да и скончался еще в 1919 г.

В лагере по отношению к офицерам также проявлялась особая бдительность: их содержали на самых отдаленных командировках — Кондострове, Городках; помещали в штрафные изоляторы. Эти меры были усилены после благополучного побега в мае 1925 г. из Кемского пересыльного пункта группы из пяти

Юрий Бессонов

заклоченных, в числе которых было и два офицера — руководитель побега Юрий Бессонов и Созерко Мальсагов¹. При массовых расстрелах заключенных соловецкой тюрьмы осени 1937 – февраля 1938 г. почти каждый десятый расстрелянный был из бывших офицеров.

В лагере на Соловках побывало множество офицеров всех родов войск, чинов и званий, и не только представителей старого офицерства, но и тех, кто сделал карьеру уже при советской власти. К сожалению, сведения о них очень разнородные — о некоторых уже написаны статьи и книги, о других неизвестны даже даты жизни и место рас-

стрела, но хотелось бы упомянуть всех.

После окончания Гражданской войны десятки тысяч участников Белого движения — офицеров и рядовых — оказались за пределами России, надеясь, что это не навсегда. И когда Советское правительство объявило амнистию тем, кто не принимал активного участия в войне или был мобилизован насильно, многие захотели вернуться на Родину, не предполагая, что их здесь ждет. Среди таких оказался и генерал-майор Иван Матвеевич Зайцев (1877–1934). Происходя из казаков станицы Карагайской Оренбургской губ., он окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и академию Генштаба (1908), являлся участником Первой мировой войны, был награжден офицерским орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием. В Гражданскую войну воевал на стороне белых, с весны 1919 г. был начальником штаба армии атамана всех казачьих войск генерала Дутова. Вместе с остатками этой армии ушел в эмиграцию, в Западные провинции Китая. В конце 1923 г. И.М. Зайцев был персонально амнистирован Советским правительством и в начале 1924 г. вернулся в Россию. По приезду в Москву был определен на службу в Красную армию по высшему командному составу, однако никакой службы не имел, а через два месяца был арестован ОГПУ и заключен в Бутырскую тюрьму, где провел семь месяцев. Затем на три года его сослали на Соловки. Этот период своей лагерной жизни, в который боевому генералу, полному Георгиевскому Кавалеру, пришлось пережить столько унижений и оскорблений, И.М. Зайцев подробно описал в своих воспоминаниях «Соловки (Коммунистическая каторга, или место пыток и смерти)», Шанхай, 1931. После трех лет пребывания на Соловках он был еще на три года сослан в Коми область, на реку Печору, где узнал, что местом

¹ См.: Бессонов (Бессонов) Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928; Мальсагов С. Адские острова. Алма-Ата, 1990.

Иван Зайцев

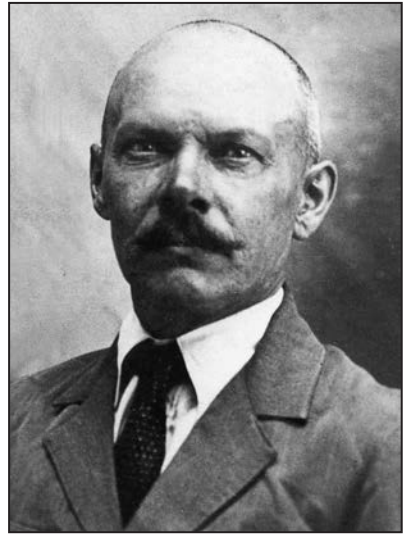
его дальнейшей ссылки определена область на самом берегу Ледовитого океана. За два дня до отхода туда парохода Зайцев бежал из-под надзора и после семимесячных скитаний по России в 1929 г. добрался до Шанхая, где осел, участвовал в работе антикоммунистической лиги, ей посвятив свои воспоминания о Соловках. 22 ноября 1934 г. И.М. Зайцев застрелился.

Якимович Александр Александрович (1873–?) родился в С.-Петербурге, окончил Пажеский корпус (1894) и академию Генштаба (1904), офицер гвардии, генерал-майор, в Гражданскую войну воевал на стороне белых, попал в плен. К 1923 г. состоял в РККА, но

вскоре был арестован и отправлен на Соловки, где пробыл недолго и по болезни был вывезен в Архангельск. После освобождения работал военруком в институте в Царицыне, в 1930 г. снова был арестован по групповому делу «Весна»².

Штангль Ян Вячеславович (1884–29.10.1938) — чех, родом из Праги. Он приехал в Россию около 1910 г. по приглашению вятского земства как специалист по гимнастике. (В 1862 г. в Чехии было основано молодежное спортивное движение «Сокол», ставившее своей целью «через физическое развитие человека его нравственное усовершенствование». Вскоре эти идеи нашли отклик и в других странах. В Россию их принесли чешские преподаватели-спортсмены, в числе которых был и Я.В. Штангль. В нашей стране общество «Русский Сокол» является старейшей гимнастической и молодежно-спортивной организацией. Ее приверженцем был император Николай II. Общество было официально запрещено в 1923 г., многим его членам и последователям пришлось пройти через Соловки.)

Приехав на время, Ян Штангль навсегда остался в России. Как очень умный, целеустремленный человек, талантливым педагог, хороший спортсмен, волевой организатор, он сделал серьезную карьеру. В этом ему помогло и близкое знакомство в Вятке с ссыльными большевиками. В чине генерал-полковника Штангль был назначен начальником высшей военной школы физического образования РККА в Ленинграде, одновременно преподавал в институте им. Лесгафта. Это был крупный теоретик и практик физического воспитания и спорта, автор печатных трудов. Ему принадлежат заслуги в разработке и внедрении в практику физической подготовки солдат спортивного комплекта «нормальный атлет» с тремя степенями — на золотой, серебряный и бронзовый значки. Но в 1926 г. начались массовые аресты бывших «соколов». 28-го декабря был арестован и Штангль Ян

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 63. Л. 30; справка С.В. Волкова.

Созерко Мальсагов

Вячеславович, осужден по ст. 58-10, 15 и сослан на Соловки, где находился до 28.12.1930 г., затем отбыл в ссылку в Архангельске, а позже был отправлен на поселение в Киров (Вятку). В Кирове он был снова арестован и расстрелян. Его семья — жена и дочь — приехали к нему в ссылку в Архангельск и остались там жить. Дочь Милада Яновна стала врачом, серьезно занималась спортом, была чемпионкой России по парусному спорту. Правду о гибели отца она узнала только в 1990 г., спустя пятьдесят два года после его смерти³.

Кожевников Иннокентий Серафимович (1879–1931) родился в крестьянской семье с. Бочкарево Иркутской губ., карьеру сделал при советской власти. В феврале 1918 г. был назначен сначала чрезвычайным комиссаром по связи всех фронтов, а вскоре — главным комиссаром по организации партизанских отрядов на юге России. В 1920 г. — комиссар отряда кораблей Волжско-Каспийской флотилии, в 1921 г. — товарищ министра иностранных дел Дальне-Восточной Республики, организатор партизанского движения в Приморье. Но в середине 1920-х гг. его карьера рухнула: комкор Кожевников был арестован и отправлен на Соловки. В лагере в 1929 г. был назначен начальником трудовой колонны для подростков. Г. Андреев, друживший с И. Кожевниковым в лагере, вспоминал: «Иногда я гуляю по Савватиевской дороге с Иннокентием Кожевниковым. Это высокий, грузный человек, старый большевик, в прошлом друг Ленина и Троцкого, командарм-13 в гражданскую войну. Со стороны, когда он проходит мимо кремля твердым, крупным шагом, одетый в длинную кавалерийскую шинель, высоко подняв голову в круглой меховой шапочке, мне кажется, что за ним такой же твердой поступью идут стройные ряды полков...»⁴

Вскоре он душевно заболел — выпустил «Манифест» от своего имени, даровавший свободу всем заключенным, и 9 сентября 1929 г. попытался бежать с острова с целью попасть за границу, переплыв море на самодельном плоту. Вначале в побег отправились четвером, но вскоре, поняв ситуацию, двое вернулись. С Кожевниковым остался только скаут Дмитрий Шипчинский, который прекрасно понимал, что побег обречен, но не мог бросить больного человека. Две недели беглецы бродили по острову. 25 сентября были обнаружены и пойманы.

³ Там же. Д. 450. Л. 201; Д. 397. Л. 317–322; Д. 384. Л. 216–217; Д. 407. Л. 211 об.; Ларионов А. Пражанин из Вятки // Слово. М., 1993. № 3–4. С. 65–70.

⁴ Андреев Г. (Хомяков Г.А.). Соловецкие острова. 1927–29 // Север. 1990. № 9. С. 11.

Ян Штангль с женой и дочерью. *Соловки, 27 августа 1928 г.*

Д. Шипчинский был расстрелян на острове, а И. Кожевников вывезен в Москву и расстрелян позднее⁵.

Дягилев Валентин Павлович (1875–29.10.1929) — брат известного театрального и художественного деятеля Сергея Павловича Дягилева (1872–1929) — родился в С.-Петербурге. Будучи дворянином, окончил Александровский кадетский корпус (1893), Николаевское инженерное училище (1896) и академию Генштаба. Службу начал в саперной части г. Вильно, затем служил и.о. начальника штаба и старшим адъютантом 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в чине полковника. Валентин Павлович участвовал в Первой мировой войне — служил начальником военных сообщений Петроградского округа, в 1917 г. был произведен в чин генерал-майора, но вскоре вышел в отставку, ушел на преподавательскую работу, которую хорошо знал и любил (еще до революции преподавал тактику и военную историю в Пажеском корпусе), стал преподавать военную историю в высших военных училищах, был назначен и.о. начальника кафедры Военно-инженерной академии. В августе 1927 г. Валентина Павловича арестовали по обвинению «в организации контрреволюционного заговора», приговорили к ВМН с заменой на 10 лет лагеря. В 1929 г. он был расстрелян на Соловках по делу «о кремлевском заговоре»⁶. В.П. Дягилев принадлежал к категории очень образованных офице-

⁵ УФСБ по СПб. и Ленинградской области. Д. Р-49444. Автор выражает благодарность М.М.Леонтьевой, передавшей материалы «дела».

⁶ Дело «о кремлевском заговоре» возникло на Соловках в 1929 г. Суть его заключалась в том, что большая группа заключенных обвинялась в подготовке массового побега. По «делу» проходило более ста человек, 36 человек были расстреляны, еще пятнадцать — срок увеличен на 10 лет. Некоторые исследователи считают, что «дело» было полностью сфальсифицировано. Хранится в УФСБ Архангельска, № П-13959.

ров, любил и хорошо знал музыку, литературу, был добрым человеком, многим помогал. После его ареста пострадала и семья — жена была сослана на три года в Сибирь. Не избежали ареста и сыновья: Сергей, талантливый музыкант, которого очень ценил Д.Д. Шостакович, десять лет провел в Норильске, Василий — три года в Мариинских лагерях⁷.

Афанасьев Николай Васильевич (1871–?) — дворянин, родился в семье известного военмора и крупного ученого в области морских наук Василия Ивановича Афанасьева, пятьдесят два года отдавшего флоту. Николай Васильевич окончил Морское инженерное училище (1892), с 1917 г. — генерал-майор, инженер-механик флота. В 1918 г. был мобилизован большевиками, служил командиром охраны западных морских и речных границ, с 1920 г. — старшим помощником по технической части Николаевского порта, исполнял ответственные задания по достройке подводных лодок. Являлся автором научных трудов, Героем Труда. После Николаева служил в Баку, где и был арестован 06.12.1929 г. по делу «о вредительстве специалистов в гос. Каспийском пароходстве (да и жена — француженка)», постановлением КОГПУ от 13.01.1931 был осужден на 10 лет⁸.

Буржинский Иван Васильевич (1873 – нач. 1930-х гг.) — из дворян, окончил Павловское военное училище (1894), офицер артиллерии, участник Первой мировой войны, Георгиевский Кавалер, в Гражданскую войну воевал на стороне белых, последний чин — генерал-майор. На Соловках находился с середины 1920-х до ноября 1928 г.⁹

Морозов Павел Павлович (1872–1930) родился в С.-Петербурге, окончил Константиновское военное училище (1894). В чине полковника лейб-гвардии Московского полка четыре года провел на фронтах Первой мировой войны, два раза был тяжело ранен и контужен. Последнее звание — генерал-майор, с 1917 г. — в отставке. 21.06.1927 г. П.П. Морозов был арестован в Ленинграде по единственному обвинению, что он «гвардейский офицер, генерал», по ст. 58-б осужден на три года (в лагере выяснилось, что кроме п. 6, есть еще и пп. 3, 5, 10, 12). Вместе с ним был арестован и сослан в Сибирь и его сын Николай. На Соловках о Павле Петровиче отзывались как «об очень достойном человеке». Отбыв три года на Соловках, 27.06.1930 г. он был приговорен к трем годам ссылки в Архангельск, но в том же году расстрелян¹⁰.

Даллер Владимир Вильгельмович (1875–02.02.1925) окончил 2-й Московский кадетский корпус (1893), Михайловское артиллерийское училище (1896), академию

⁷ УФСБ по Архангельской обл. Д. П-13969; ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 499. Л. 203; Д. 439. Л. 354; Дягилев В.В. Из моей долгой жизни // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Кн. 6. СПб., 2003. С. 79–141; Кн. 7. СПб., 2007. С. 151–264; Андреева М.Ф., Можанская А.Р. О роде Дягилевых // Там же. Кн. 6. С. 142–158.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 595. Л. 115–121; справка С.В. Волкова.

⁹ Там же. Д. 284. Л. 156; Д. 249. Л. 200 об.; справка С.В. Волкова.

¹⁰ Там же. Д. 613. Л. 306–307; Д. 282. Л. 142; Д. 328. Л. 120–121; справка С.В. Волкова.

Генштаба (1902), полковник. В 1918 г. был мобилизован большевиками, служил во всероссийском Главштабе. Расстрелян или умер на Соловках¹¹.

В 1924 г. из Ленинграда на Соловки «по церковному делу» было сослано 35 священников и прихожан различных храмов. Среди них были и военные — И.И. Машмеер-Владычич и Н.Н. Поляков.

Машмеер-Владычич Иван Иванович (1881–03.01.1938) родился в С.-Петербурге, окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию, полковник. Арестован в 1918 г., в 1919 г. был мобилизован большевиками, служил начальником штаба дивизии. 03.02.1924 был арестован в Ленинграде и по постановлению ОСО КОГПУ от 13 сентября приговорен к трем годам. Отбыв срок на Соловках, постановлением КОГПУ от 23.12.1927 г. получил «-6», жил в Курске, преподавал математику; 15.12.1937 г. был арестован и по ст. 58-8 приговорен к расстрелу¹².

Поляков Николай Николаевич (1869–?) родился в С.-Петербурге, окончил кадетский корпус и Владимирское военное училище, был участником Первой мировой войны в чине полковника и командиром 18-го Финляндского стрелкового полка. На Соловках находился до 1927 г. (по «церковному делу»), затем получив «-6» жил в Воронеже, работал чертежником. В 1930 г. снова арестован по «делу епископа Алексия (Буя)», осужден на 10 лет¹³.

Максупов Дмитрий Петрович (1873–?) — князь, сын действительного статского советника, окончил Морской корпус, полковник Преображенского полка. Был арестован 24.04.1924 и осужден на три года. Срок полностью отбыл на Соловках, затем был отправлен на три года в ссылку в Канск, в августе 1931 г. переведен в Красноярск. В 1933 г. все еще находился в ссылке, хотя срок окончился в 1930 г.¹⁴

Риман Александр Карлович (1872–?) — сын генерал-лейтенанта, окончил Пажеский корпус (1892), полковник Семеновского полка, с 1909 г. служил зав. отделом Гвардейского экономического общества, затем — в Горном совете. С 1917 г. — в отставке, создал в Петрограде мастерскую брезентовых изделий, пользовавшихся большим спросом. В 1925 г. арестован в третий раз как бывший офицер, а также за брата, находившегося в эмиграции, и осужден на пять лет Соловков¹⁵.

Олохов Владимир Владимирович (1887–?) родился в С.-Петербурге, дворянин, сын генерала от инфантерии, окончил Павловское военное училище (1907), полковник Семеновского полка. Постановлением от 16.05.1926 г. осужден на 10 лет. На Соловках проходил свидетелем по делу «о кремлевском заговоре», в 1932 г. вывезен в Ленинград в больницу¹⁶.

¹¹ Ольга Евгеньевна Даллер, сосланная в Архангельск, сообщает, что «ей пришло сообщение о смерти мужа на Соловках 25.02.1925». Причем фамилию она пишет — «Далер» и мужа называет «Владимир Васильевич». ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 2. Д. 1403. Л. 16 об., 17; справка С.В. Волкова.

¹² Ленинградский мартиролог. СПб., 2008. Т. 8. С. 269.

¹³ АУФСБ по Воронежской области. Д. П-24705. Т. 2. Л. 82; справка С.В. Волкова.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1048. Л. 254; Д. 1047. Л. 335, 373; Д. 855. Л. 127; Д. 946. Л. 89; Д. 587. Л. 65 об.

¹⁵ Там же. Д. 129; Д. 155. Л. 74; Д. 351. Л. 48–50.

¹⁶ Там же. Д. 255. Л. 43; Д. 854. Л. 379; Д. 379. Л. 106–112.

Жерве Виктор Всеволодович (1867–?) — из дворян, потомок защитника Севастополя в Крымскую войну, окончил Киевский кадетский корпус (1886), Александровское военное училище (1888), С.-Петербургский археологический институт (1899), полковник лейб-гвардии Финляндского полка. 25.04.1924 он был арестован вместе с братом, Жерве Николаем Всеволодовичем (1871–?), капитаном того же полка. Отбыв два года на Соловках и получив «-6», братья жили в Любани. В 1927 г. Виктор Всеволодович был снова арестован в Ленинграде¹⁷.

Кудржицкий Федор Алексеевич родился в С.-Петербурге, окончил Полоцкий кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906), ротмистр 15-го гусарского полка. В сентябре 1918 г. был взят в заложники, затем мобилизован в РККА. Во время Гражданской войны командовал полком Башкирской дивизии. Арестован 17.06.1927 в Ленинграде, где работал электромонтером и по постановлению КОГПУ от 04.07.1927 осужден на 10 лет. В 1933 г. с Соловков переведен на материк. Содержался в Кеми, Повенце¹⁸.

Куницын Анатолий Павлович (1877–?) — на службе с 1894 г., офицером — с 1897 г., полковник Одесского военного округа. 28.01.1930 был арестован Мариупольским ГПУ и постановлением КОГПУ в марте 1930 г. осужден на 8 лет. Содержался в Кеми, Сороке, на Соловках¹⁹.

Ризников Борис Николаевич (1874 – 27.10.1927) родился в С.-Петербурге, окончил Александровский кадетский корпус и 2-е Константиновское училище по первому разряду (1894). Службу начал в 91-м пехотном полку, в 1899 г. был переведен в лейб-гвардии Московский полк в чине подпоручика. Окончил архивные курсы и Археологический институт. Участник Первой мировой войны, командир лейб-гвардии Московского полка в чине полковника, за храбрость имел пять наград. С 1918 г. работал в Главархиве и был научным сотрудником Главнауки в Ленинграде. 10.04.1926 Б.Н. Ризников был арестован, КОГПУ от 28.05.1926 осужден на три года и отправлен на Соловки. Причиной ареста послужило то, что он собирал сведения об офицерах своего полка, вел с ними переписку и поддерживал тесную связь, устраивал панихиды в день полкового праздника «для поднятия духа и спайки бывших офицеров». Очень тепло о Б.Н. Ризникове вспоминал А.Д. Бульгин, вместе с ним работавший на Соловках в управлении железной дороги и ставший свидетелем его смерти от сердечного приступа во время уборки камеры. Был погребен на монастырском кладбище²⁰.

Тарасов Алексей Алексеевич — полковник Русской, Белой и Красной армий, с 1923 г. работал счетоводом на железной дороге в Днепропетровске. 19.04.1928 он был арестован по доносу, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде, почти год просидел в тюрьме и был отправлен на Соловки, где тяжело болел тифом²¹.

¹⁷ Там же. Д. 160. Л. 139; Д. 1701. Л. 142–145 об.; справка С.В. Волкова.

¹⁸ Там же. Д. 1050. Л. 150; Д. 820. Д. 94; Д. 979. Л. 41–45; справка С.В. Волкова.

¹⁹ Там же. Д. 511. Л. 193–196; Д. 1714. Л. 137.

²⁰ Бульгин А.Д. Быль Соловецкая. Машинопись. Архив НИЦ «Мемориал». С.-Петербург.

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 346. Л. 64 об., 73 об.; Д. 370. Л. 22–23; Д. 515. Л. 97 об.

Гудим Иван Павлович (1872–?) окончил Орловский кадетский корпус (1892) и Константиновское военное училище (1894), капитан лейб-гвардии Павловского полка, с 1912 г. — в отставке в чине полковника. Стал энтомологом, работал научным сотрудником в Ленинграде. 29.10.1930 был арестован и осужден на 10 лет. Срок отбывал в Кандалакше и на Соловках, откуда по болезни вывезен в больницу в Ленинград²².

Агокас Евгений Викторович (1881–1960) родился во Владимире, из дворян, сын надворного советника. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1901), Михайловскую артиллерийскую академию (1906), полковник (1917), преподавал. Успешно продвигаясь по службе, к 1917 г. был сотрудником секции стрельбы и приборов Артиллерийского комитета Главного Артиллерийского Управления (Артком ГАУ). С 1917 г. — военспец РККА, сначала в ГАУ, а с 1923 г. — в Управлении Военно-Воздушного флота. 02.01.1930 арестован вместе с женой, осужден по ст. 58-7 к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал на Соловках, в Кеми, но в августе 1932 г. был досрочно освобожден. До 1951 г. преподавал в Московском авиационном институте, являлся крупным ученым, профессором (1940), автором научных трудов. Достаточно сказать, что он был основателем специальности «вооружение самолетов», создателем и первым деканом соответствующего факультета в МАИ. Е.В. Агокас скончался в Москве в 1960 г.²³.

Коверский Константин Петрович (1877–?) родился в Выборге, офицер гвардейской артиллерии, подполковник, служил в РККА, в управлениях Ярославского военного округа. Являлся сотрудником Военно-технической академии в Ленинграде, где и был 03.08.1930 арестован как прихожанин храма Воскресения Христова по «делу Истинно-Православной Церкви» и приговорен к пяти годам²⁴.

Приклонский Александр Петрович (1882–16.08.1937) — из дворян Нижнего Новгорода, окончил Павловское военное училище (1902), офицер Преображенского полка. Был арестован в Петрограде 25.04.1924 и на три года сослан на Соловки. После лагеря получил «-6», жил в Костроме и очень бедствовал. Срок закончился в 1930 г., но свободного жительства не получил. «Является мысль, что моя высылка, как и всех, мне подобных, окажется бессрочной, не освобождают никого», — писал он Е. Пешковой. 23.09.1936 он был вновь арестован в г. Дмитрове, где работал зав. чертежно-конструкторским бюро на строительстве канала Москва – Волга. 16.08.1937 приговорен к расстрелу по обвинению в участии в к/р террористической организации и в тот же день расстрелян²⁵.

Гедройц Владимир Адольфович (1888 – 17.11.1935) — князь, окончил 3-ю Московскую школу прапорщиков, участник Первой мировой войны, был тринадцать раз ранен и контужен, полный Георгиевский кавалер, на фронте был очень любим солдатами, которые дважды спасали ему жизнь, рискуя своей. Его

²² Там же. Д. 681. Л. 136; справка С.В. Волкова.

²³ Там же. Д. 583. Л. 296; Можаровский Г.М. Пока бьется сердце. М., 1973.

²⁴ АУФСБ г. С.-Петербурга. Д. П-78708; справка С.В. Волкова.

²⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42; Д. 612. Л. 139–145; Расстрельные списки. Донское кладбище. М., 2005. С. 376.

денщик в 1917 г. специально приезжал с Украины с продуктами, чтоб подкормить командира. В 1925–1929 гг. работал землеустроителем. Арестован был после того, как его жена неосторожно рассказала «одной знакомой комсомолке», что в 1917 г. Владимир Адольфович выкрал и спас знамя московского Александровского юнкерского училища. «Я так виновата перед мужем, ведь я своим языком его заката-ла. Он очень хороший, добрый, деликатный человек...», — запоздало сокрушалась она. В.А. Гедройц был на десять лет сослан на Соловки, где очень болел, но был отправлен на общие работы. Норму, конечно, выполнить не мог, поэтому голодал. Жена, Ольга Павловна, помочь не могла, сама находилась в ссылке в Вологде. Чтоб облегчить свою участь, он в лагере освоил множество ремесел — от переплетно-го дела до плетения корзин, некоторое время работал сторожем при парниках. Скончался в лагере в 1935 г.²⁶

Обновленский (Новинский) Владимир Алексеевич (1891–?) окончил Тверское кавалерийское училище (1915), служил в 5-м уланском полку, участник Первой мировой войны. В 1918 г. был мобилизован в Красную армию инструктором на кавалерийские курсы в Твери. Затем отправлен в Елисаветград, где после занятия города белыми был ими мобилизован. После поражения в Крыму он отказался уйти с белыми за границу, перешел к красным, некоторое время служил шофером. В 1921 г. осужден и отправлен в концлагерь в Москву с использованием на работах водителем. Однажды в сильный мороз разорвало мотор машины, Владимир Алексеевич испугался, что это будет рассмотрено как вредительство, и бежал, жил в Ленинграде под фамилией «Новинский», скрыв офицерское звание. Обман раскрылся. В январе 1931 г. он был приговорен к 10 годам и отправлен на Соловки²⁷.

Арапов Петр Семенович (1897–17.02.1938) — дворянин, потомок А.С. Пушкина, родился в Мокшанском уезде Пензенской губ., окончил Пажеский корпус и философский факультет Берлинского университета (знал четыре языка), корнет Русской и штабс-ротмистр Белой армии. После Гражданской войны оказался в эмиграции, был активным участником «евразийского» движения, вместе с Сергеем Эфроном, мужем Марины Цветаевой, участвовал в издании просоветской газеты «Евразия», участвовал в операции по похищению А.П. Кутепова, неоднократно бывал нелегально в СССР с целью от имени белых эмигрантов договориться о возвращении в СССР. Во время последнего пребывания в СССР ему предложили вернуться в Германию с паспортом на имя Семенова Павла Сергеевича, но через несколько дней, 01.09.1930, он с этим паспортом был арестован и 05.04.1934 осужден на 10 лет. Расстрелян на Соловках в 17.02.1938 в составе группы из 198 человек.

Кацмарейшвили Анатолий Варлаамович (1907–?) — служащий Красной армии (89-й кавалерийский полк), первый раз арестован в 1927 г. за то, что якобы был белым офицером, и под пытками признался в этом, надеясь, что абсурд

²⁶ Там же. Д. 1367. Л. 151–160; Д. 879. Л. 170–190; Д. 1774. Л. 135–139; Д. 1469. Л. 134.

²⁷ Там же. Д. 633. Л. 104–105; Д. 752. Л. 73.

всем будет ясен, ведь в 1917 г. ему было всего десять лет²⁸. Повторно арестован 25.02.1930 в Пятигорске и осужден по ст. 58-10 на 5 лет Соловков по обвинению в монархических убеждениях, потому что брат мачехи служил начальником штаба у А.И. Деникина.

Много военных, как офицеров, так и рядовых, было сослано по групповым делам. Так, в 1923–1924 гг. на Соловки была отправлена большая группа «пепеляевцев» — участников Белого движения в армии генерала А.Н. Пепеляева, сдавшихся в плен в Якутии летом 1923 г. Среди них были:

Петрашко Стефан Иосифович (1895–29.10.1929) — из крестьян, образование высшее, служил в Русской и пепеляевской армии поручиком, за что отбыл на Соловках 3 года, но в 1927 г. был снова осужден на 10 лет, расстрелян по делу «о кремлевском заговоре».

Романов Николай Васильевич (1900–29.10.1929) — из мещан Иркутска, командир взвода, на Соловках тоже был дважды, расстрелян по одному делу с С.И. Петрашко.

Елахов Павел Андреевич (1892–?) — якутский крестьянин, рядовой, на Соловках был дважды, в 1928 г. осужден на 10 лет, проходил свидетелем по делу о «кремлевском заговоре», срок был увеличен.

Поломошнов Степан Васильевич (1892–06.10.1937) — прапорщик, участник Первой мировой войны, имел ранение, в 1918–1919 гг. служил в белых войсках на Восточном фронте, затем в армии А.Н. Пепеляева. В январе 1924 г. арестован в Красноярске, осужден на два года, но этот срок растянулся на 10 лет: два года отбыл на Соловках, затем на три года отправлен в ссылку в Коми область, затем получил «-б» с прикреплением, жил в Томском округе и в 1933 г. еще не был освобожден. В 1937 г. снова арестован и расстрелян в Красноярске²⁹.

В конце 1930–1931 гг. возникло дело «Весна», по которому были арестованы тысячи военных — бывших офицеров Русской и Белой армий, многие из которых давно были в запасе или служили в Красной армии. По этому полностью сфальсифицированному ОГПУ «делу» были арестованы тысячи и расстреляны сотни человек, многие получили длительные сроки. Наибольшие репрессии прошли в Киевском военном округе, по всем крупным городам Украины, Воронеже, Москве, Ленинграде и других городах. Дело «Весна» стало кульминацией «чисток» в армии. Я. Тинченко, украинский историк и журналист, один из первых занявшийся изучением материалов по этому «делу», считает, что наиболее значительные погромы в армии произошли не в 1937–1938 гг., а в 1925–1931 гг., когда были «вычищены» почти все генералы и офицеры Русской армии³⁰. Многие обвиненные

²⁸ Там же. Д. 497. Л. 83 об.

²⁹ Также на Соловках в разное время находились «пепеляевцы»: Утемов Николай Васильевич (1900–?), Шанявский-Юноша Иосиф Станиславович, Шаров Федор Ульянович, Поливцев Трофим Григорьевич, Волегов Григорий Михайлович, Кузьмин В.П., Шихобалов П.И., Ишмухаметов Б. и др. УФСБ по Арх. обл. Д. П-13969; ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 280. Л. 140–143; Д. 755. Л. 190–192; Д. 81. Л. 169 об.; Д. 748. Л. 255–257; Д. 1531. Л. 70–75; справка С.В. Волкова.

³⁰ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.

по делу «Весна» были сосланы на Соловки. Несомненно, самой яркой личностью в этой группе был генерал Снесарев Андрей Евгеньевич.

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) родился в Воронежской области в семье священника, с отличием окончил физико-математический факультет Московского университета (1887), Московское пехотное юнкерское училище (1889) и Военную академию Генштаба (1899). Служил в Туркестане, занимаясь военно-географическим описанием края. Совершил поездки по Индии, Афганистану, Тибету, в 1900 г. побывал в Англии, где работал в библиотеке Британского музея, изучая литературу по вопросам востоковедения. В 1902–1903 гг. — командир Памирского отряда Отдельного корпуса пограничной охраны. Участник Первой мировой войны, участвовал в Брусиловском прорыве (с 1914 г. — генерал-майор), имел боевые награды. После революции перешел на сторону красных, участвовал в Гражданской войне в обороне Царицына, был комкором (с октября 1917 г. в чине генерал-лейтенанта). В 1919–1921 гг. — начальник академии Генштаба, профессор (с 1921), председатель главной военно-научной редакции. В 1921–1930 гг. — ректор и профессор Института востоковедения и одновременно профессор Военно-воздушной и Военно-политической академий, Герой Труда (1928). 27.01.1930 Андрей Евгеньевич был арестован по делу «Русского национального союза» и «Весна». Дважды приговаривался к расстрелу с заменой на 10 лет лагеря и был отправлен в Свирьлаг, где работал сторожем на лесобирже п. Важины. С 1932 г. находился в Кеми (Кемское отделение СЛАГА, лагпункт Вегеракша), откуда 04.11.1934 был привезен на Соловки. С острова последним пароходом вывезен в Кемь и досрочно освобожден по болезни. Скончался в Москве в 1937 г. Погребен на Ваганьковском кладбище. Сегодня имя этого крупного военачальника и ученого возвращено стране: издаются его статьи и книги, не потерявшие своей актуальности, написана биография, снят фильм³¹.

Искрицкий Евгений Андреевич (1874–1949) родился в Черниговской губ., дворянин, правнук декабриста Д. Искрицкого. Окончил кадетский корпус, Павловское военное училище (1892) и два курса Военной академии Генерального штаба (1917). С 1911 г. — военный агент России в Румынии в чине полковника, с 1914 г. — на фронте, командир полка, дивизии и корпуса в чине генерал-лейтенанта. С 1918 г. в РККА, комдив 2-й Новгородской дивизии, затем первый командующий 7-й армией, созданной под Петроградом в 1918 г. Под его руководством были взяты Псков и Нарва. Разочаровавшись в революции, ушел в бессрочный отпуск. Позднее один из свидетелей по «делу» показал: «Генерал Искрицкий в 1919 г. принципиально ушел в отставку, а когда в середине 1920-х годов вновь вернулся на преподавательскую работу, долгое время из брезливости отказывался носить форму РККА». Преподавал в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева. О нем отзывались как «о необычайно образованном и опытным генерале, авторе серьезных научных трудов по военным наукам». 29.10.1929 был арестован как «участник к/р офицерской

³¹ Будаков В. Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011; Морозов А. Служил Отечеству. Воронеж, 2005; Памутали А. А.Е. Снесарев — исследователь Индии. СПб., 2009; Тинченко Я. Голгофа... С. 477–478; ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1446. Л. 125.

Андрей Снесарев

организации». В январе 1931 г. прибавилось еще и дело «Весна»: центром заговора бывших офицеров в Ленинграде по версии ОГПУ была именно Военно-политическая академия РККА. В ней преподавали бывшие генералы и полковники, а создание кассы взаимопомощи для нуждающихся было усмотрено как создание к/р организации. 12.04.1931 Е.А. Искрицкий по ст. 58-11 был приговорен к 10 годам, отправлен на Соловки. Из лагеря по болезни досрочно освобожден и отправлен в ссылку в Орел. В 1937 г. снова арестован, осужден на 10 лет ИТЛ. В 1947 г. освобожден и отправлен в ссылку в Казахстан, где и скончался³².

Добржанский Иван Андронникович (1879–?) — на службе с 1898 г., окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1904), подполковник, командир пограничного полка, в Гражданскую войну был на стороне белых, арестован в 1931 г. в Киеве по делу «Весна».

Менжинский Владимир Федорович (1876 – ок. 1945) окончил Московский кадетский корпус (1895), Елисаветградское кавалерийское училище (1897), офицерскую кавалерийскую школу (1903), полковник 3-го драгунского полка, преподаватель верховой езды академии Генштаба. С 1918 г. служил в РККА, арестован 13.02.1931 по делу «Весна» в Москве, осужден на 10 лет, содержался на Соловках, в Кеми³³.

Шигарин Николай Матвеевич (1887–?) окончил Казанское военное училище (1909), штабс-капитан. В 1918 г. был мобилизован большевиками и «тринадцать с половиной лет прослужил на высших командных должностях в Красной армии, много сделав для ее укрепления, всегда был на очень хорошем счету». 13.10.1930 арестован в Одессе по делу «Весна», «под воздействием нервного срыва оговорил себя», был осужден на 10 лет. На Соловках одно время содержался в кремле³⁴.

Аннин Александр Матвеевич (1881–?) родился в Рязанской губ., офицер Русской армии. С 1918 г. служил в Красной армии в Астрахани, «занимал высокие должности». Демобилизован по болезни, работал экономистом в Воронеже, где и был арестован 08.06.1931. Сначала отправлен в Орел, где в числе группы арестованных по тому же делу «Весна» приговорен к 10 годам. На Соловках работал в сельхозе, очень болел³⁵.

³² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1049. Л. 431; Д. 854. Л. 271; Д. 761. Л. 52; Тинченко Я. Голгофа... С. 462.

³³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 853. Л. 385; справка С.В. Волкова.

³⁴ Там же. Д. 1050. Л. 157; Д. 799. Л. 66–67; Д. 953. Л. 124 об.; справка С.В. Волкова.

³⁵ Там же. Д. 1118. Л. 2–9; Д. 1445. Л. 176; Д. 679. Л. 26–26; Д. 928. Л. 108–115.

Мацкевич Александр Васильевич (1873–?) родился в Твери, окончил Пехотное юнкерское училище, офицер 67-го Тарутинского полка, участник Первой мировой войны, был тяжело ранен, попал в плен. После освобождения поселился в Киеве. Перед арестом служил в киевской артиллерийской школе, где и был арестован 16.12.1930, а 28.07.1931 выслан на Соловки по делу «Весна»³⁶.

Мултановский Александр Петрович, — подпоручик артиллерии. В 1919 г. был мобилизован большевиками, воевал, был ранен и контужен. С 1926 г. работал в Харькове старшим военруком по военному обучению. Именно по его инициативе в 1927 г. в Харькове состоялся Всеукраинский съезд военруков, в основном бывших белых офицеров. Александр Петрович предвидел, что Вторая мировая война неизбежна, поэтому был уверен, что военрукам должна отводиться важная роль в физическом воспитании солдат. Он считал, что военруки должны чаще встречаться, обмениваться опытом, и это вначале даже нашло понимание в Управлении военно-учебных заведений РККА — два съезда военруков прошли и в Москве. В 1930 г. эти съезды были признаны «съездами контрреволюционеров», призывающими к объединению офицерства и проведению контрреволюционных работ. Начались аресты военруков, что и положило начало делу «Весна». Сам А.П. Мултановский был арестован 15.01.1931, приговорен к 10 годам, отправлен на Соловки, откуда в конце 1933 г. переведен в Свирьлаг³⁷.

Тарасевич Иван Николаевич — из дворян, подполковник, участник Первой мировой войны. Был ранен, контужен, отравлен газами. С 1918 г. — в РККА, преподавал в военном училище на Дальнем Востоке, с 1920 г. служил на Кавказе. В декабре 1930 г. был арестован и тройкой Пятигорского ОГПУ в октябре 1931 г. (по делу «Весна») осужден на пять лет. Весь срок отбыл на Соловках³⁸.

Булда Андрей Евстафьевич (1891–?) родился в Киеве, окончил Пехотное училище, участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом. В Гражданскую войну был мобилизован А.И. Деникиным, затем некоторое время работал учителем в селе. Решив продолжить образование, он поступил в киевский Институт народного хозяйства и устроился на работу в Военную школу им. Каменева. 30.01.1931 был арестован (по делу «Весна») и осужден на 10 лет Соловков³⁹.

Воронин Борис Михайлович (1903–?) окончил московскую Военно-инженерную школу и в 1926 г. был направлен в Киев, служил командиром взвода РККА. 05.02.1931 был арестован и 30 июля того же года осужден на 10 лет Соловков⁴⁰.

³⁶ Там же. Д. 789. Л. 173 об.

³⁷ Там же. Д. 938. Л. 74–82; Д. 1107. Л. 64; справка С.В. Волкова.

³⁸ Там же. Д. 752. Л. 94.

³⁹ Там же. Д. 775. Л. 116–117 об., 122.

⁴⁰ Там же. Д. 776. Л. 188.

Миллес Вениамин Григорьевич (1887–?) родился в Киеве, из мешчан, военный чиновник. До ареста 12 лет служил в Красной армии, преподавал в высшей кавалерийской школе в Таганроге. В 1931 г. осужден по делу «Весна» на 8 лет⁴¹.

Большие потери понес флот, были репрессированы тысячи офицеров, которые еще вчера были его гордостью, отдавали все силы на возрождение уже Красного флота, очень нуждавшегося в грамотных, квалифицированных специалистах. Уже в первые годы существования лагеря на Соловках там побывали военморы:

Матвеев Сергей Васильевич (1898–?) — из семьи надворного советника, служившего чиновником в Ревельском порту. Он окончил Морское училище, служил на Балтийском флоте, принял революцию, был даже назначен помощником начальника Военно-морского подготовительного училища, но в июне 1923 г. арестован, постановлением ОСО КОГПУ осужден на три года и сослан на Соловки. Причиной ареста и ссылки было его происхождение. После освобождения первое время работал в провинции, но в 1930 г. был возвращен на ответственные должности — старшим производителем работ по ограждениям, судоподъему и водозлазным работам в погранполосе Ладожского, Псковского и Чудского озер. В марте 1935 г. всей семьей выслан из Ленинграда в Астрахань как сын надворного советника, хотя уже отбыл за это срок⁴².

Гулькевич Алексей Валентинович (1896–21.02.1938) — из дворян С.-Петербурга, окончил Морской корпус (1917), служил командиром тральщика «Капсюль» на Балтийском флоте. Был арестован и постановлением КОГПУ от 23.05.1924 осужден на три года. После Соловков сослан в Сибирь. После освобождения в 1932 г. остался в Иркутске. С морской специальностью пришлось расстаться. В конце 1937 г. был снова арестован, осужден по ст. 58-1, 11 и приговорен к расстрелу. И в этой истории роковую роль сыграло происхождение⁴³.

Седергольм (Седергольм) Борис Леонидович (1884–30.05.1933) окончил Морской корпус (1903), капитан 2-го ранга, портовый минер Свеаборгского порта. В лагере на Соловках находился в 1925–1926 гг. Из лагеря освобожден усилиями финских дипломатов, бежал в Финляндию, член Союза взаимопомощи служившим в Российском флоте в Берлине. Скончался в Гельсингфорсе. Автор воспоминаний о Соловках — «В разбойном стане. 1923–1926». Рига, 1934⁴⁴.

Д'Андре Борис Львович (1889–?) — дворянин, родился в Москве, окончил Морской корпус (1909), служил на Черном море. Первый раз был арестован еще в 1919 г., некоторое время провел в Бутырской тюрьме. В 1926 г. снова арестован, сослан на Соловки. Его брат Георгий Львович также был сослан на Соловки в 1931 г. и 08.12.1937 расстрелян.

Степанов Николай Николаевич (1887–1930) окончил Морской корпус, служил в Сибирской флотилии, в Гражданскую войну был на стороне белых в войсках

⁴¹ Там же. Д. 822. Л. 113–116; справка С.В. Волкова.

⁴² Там же. Д. 1525. Л. 49–55.

⁴³ Там же. Д. 853. Л. 46; Ленинградский мартиролог. СПб., 2008. Т. 8. С. 124.

⁴⁴ Справка С.В. Волкова.

Восточного фронта. С весны 1919 г. командир 1-го батальона бригады Морских стрелков в Сибирской армии в чине капитана 2-го ранга. В 1926 г. на три года сослан на Соловки, где заведовал водным транспортом. По воспоминаниям, это был «превосходный моряк и отличный человек». Расстрелян⁴⁵.

В первые годы существования лагеря высылка морских офицеров все же носила единичный характер. Групповым было дело моряков, участников кронштадтского восстания 1921 г., которые вначале содержались в Холмогорах и Пертоминске, а в июне 1923 г. привезены на Соловки, да еще в 1925 г. была сослана группа моряков во главе с Николаем Ипполитовичем Козловым.

Крупное «дело военморов» возникло в 1926 г., по которому на всех флотах были арестованы сотни военных моряков, беспочвенно обвиненных в монархических настроениях и созданиях контрреволюционных организаций. Только 27.02.1927 постановлением коллегии ОГПУ было осуждено 23 кадровых моряка Балтийского флота, многие из них отбывали срок на Соловках⁴⁶.

Среди них был Александр Николаевич Бахтин (1894–1931), представитель известного дворянского рода Бахтиных из Орла: его дед был основателем кадетского корпуса в своем городе, отец преподавал в этом корпусе, а двоюродный брат Михаил Михайлович Бахтин известен как один из крупнейших исследователей творчества Ф.М. Достоевского. Сам Александр Николаевич окончил кадетский корпус в С.-Петербурге (1911), Морской корпус (1914), подводный офицерский класс (1916) и Военно-Морскую академию РКК (1926). Это один из первых выдающихся подводников страны. Вот его краткий послужной список: с 1917 г. — старший офицер подводной лодки «Волк», а затем ее командир. Позднее был назначен командиром п/л «Пантера»⁴⁷. С 1921 г. — командир действующего дивизиона подлодок Балтийского моря, потом командир первого дивизиона подлодок и одновременно командир п/л «Тур»; по совместительству зав. Подводным классом при Моракадемии. С 1922 г. — командир транспорта «Тосно», в то же время — помощник начальника отдельного дивизиона подлодок. В 1926 г. переведен командиром отдельного дивизиона подлодок в морские силы Черного моря. А.Н. Бахтин активно участвовал в Гражданской войне, служил на боевых кораблях Балтийского флота. «За подвиги и энергичную деятельность» во время наступления Юденича на Петроград получил наградные часы. В 1919 г. его п/л «Пантера» потопила в Финском заливе английский эскадренный миноносец «Виктория», и это был первый серьезный успех Красного подводного флота. За эту операцию Александр Николаевич первым из подводников был награжден орденом Боевого Красного Знамени. За труды по созданию и возрождению Красного флота он также получил звание «Герой труда Балтийского флота» и три благодарности. Но все эти заслуги ни от чего не спасли. В 1926 г. А.Н. Бахтин был арестован по делу ПП ОГПУ в ЛВО № 1105/26 по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-5, и постановлением ОСО КОГПУ от

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 284. Л. 120; справка С.В. Волкова.

⁴⁶ Тинченко Я. Голгофа... С. 236.

⁴⁷ См.: Зернин А. Воспоминания // Зернин А.В., Павлов Л.И., Солодков Н.П. Балтийцы. Тебе, Андреевский флаг. Морские рассказы. М., 2008. С. 11–152.

Александр Бахтин. 1920-е гг.

28.02.1927 приговорен к пяти годам Соловков. В декабре 1927 г. «дело» было пересмотрено и концлагерь заменен ссылкой на Урал. Осенью 1928 г. он прибыл по этапу в г. Березов, откуда писал: «...итак, отдавши восемь лет энергии, труда и здоровья и нервов нашему Красному флоту, я третий год переживаю за это возмездие. На меня возведены позорные обвинения, вплоть до шпионажа, я лишен ордена Красного Знамени, лишен гражданских прав, лишен семьи, которая со здоровьем, в достаточной степени подорванным за время гражданской войны, когда я был на морском фронте, — кой-как перебивается в Ленинграде... Я не вижу... как же добиться своей реабилитации? И можно ли это вообще?»

Из ссылки Александр Николаевич был все же досрочно освобожден, вернулся в Ленинград, где вскоре и скончался от туберкулеза. Имя А.Н. Бахтина не забыто: к 100-летию подводного флота правительство С.-Петербурга приняло решение об установке мемориальной доски на доме на Васильевском острове, где он жил в 1915–1931 гг. 20 октября 2007 г. был открыт памятник на могиле А.Н. Бахтина на Смоленском кладбище.

Почти одновременно с Бахтиным был арестован и его родственник, сын адмирала, капитан 2-го ранга Васильев Федор Владимирович (1881 – ок. 1978). За его плечами было 27 лет стажа во флоте по минной специальности. С 1923 г. Федор Владимирович был помощником начальника минно-трального технического Управления РККА, считался одним из самых опытных минных специалистов, перед арестом занимал должность старшего помощника начальника минного отдела технического Управления в Москве, где и был арестован. По постановлению ОСО КОГПУ от 28.02.1927 г. по статье 58/12 осужден на 10 лет с конфискацией имущества. На Соловках одно время работал на метеостанции, в феврале 1930 г. был вывезен в Москву, в Бутырскую тюрьму. Через год возвращен в лагерь, содержался на Соловках и в Кеми⁴⁸.

По «делу военмор» проходил и Пуаре Юлий Витальевич (1894–1931?). Из дворян, он, так же, как и Бахтин, окончил Морской корпус (1914). Недолго прослужив на надводных кораблях, он окончил курсы подводного плавания по специальности штурман-подводник. Первой его подводной лодкой была «Аллигатор», затем были и другие — «Волк», «Е-9», «Пантера». Пуаре был на редкость удачливым командиром: не раз выходил из безвыходных ситуаций в схватках с миноносцами немцев, спасался от мин и торпед, в 1918 г. участвовал в «Ледяном походе»

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 404. Л. 107–109; Д. 422. Л. 333–334; Д. 689. Л. 249; Д. 366. Л. 108–113; Д. 225. Л. 84.

Анатолий Томашевич

кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт. В 1922 г. он был удостоен звания Героя Труда, а позднее — Героя Строительства Флота. Служивцы отмечали, что это был не только опытный подводник, но и честный, порядочный человек. А вот уже из официального «Почетного отзыва о командире подводной лодки «Волк» военном моряке Пуаре Юлии»: «Пять лет, прошедших со дня основания Рабоче-Крестьянского флота, тяжелых лет борьбы, поддержания живучести кораблей и, наконец, их возрождения, Вы не падали своих сил и энергии на пользу флота. Ваш пример — пример истинного сына трудового народа и гражданина Союза Социалистических

республик всегда будет перед глазами Ваших товарищей и грядущих поколений. Приветствуя Вас как Героя строительства Красного Балтийского флота, в день его пятой годовщины Революционный Военный Совет Балтийского моря от имени всего личного состава Морских сил приносит Вам искреннюю благодарность за Вашу плодотворную деятельность. 23 февраля 1923 г. Подписи начальника Морских сил Викторова и члена РевКонсовбалта Наумова». В 1924 г. Ю.В. Пуаре был назначен командиром эсминца «Урицкий». В приказе от 19.07.1924 начальник Отдельного Дивизиона подлюдок Балтийского моря Зубарев отмечал: «Военмор Юлий Витальевич Пуаре является одним из наиболее опытных и исправных работников подводного дела. Начав службу на лодках десять лет тому назад, Юлий Витальевич вносил в нашу трудную и ответственную работу большую любовь к делу, неизменную инициативу, постоянное стремление к усовершенствованию методов и способов использования лодок и громадную, заражавшую других, энергию и работоспособность. Расставаясь в настоящее время с громадным сожалением с Юлием Витальевичем и принося ему от лица службы глубокую благодарность, желаю в дальнейшей его службе в надводном флоте оказаться, без сомнения, столь же высокополезным членом нашей морской семьи, и, кроме того, прошу его быть нашим связывающим звеном и истолкователем для надводников всей сущности совместной работы надводного и подводного флота»⁴⁹. Несмотря на такую высокую оценку командованием Балтийского моря его деятельности, 26.05.1926 Ю.В. Пуаре был арестован в Ленинграде и 02.02.1927 осужден по ст. 58-4, 5, 10 на три года Соловков. На острове он пробыл до лета 1929 г., а затем был отправлен в ссылку в Сибирь. По воспоминаниям Д.С. Лихачева, на Соловках Юлий Витальевич был капитаном парохода «Нева», работал на нем и после освобождения, погиб, когда

⁴⁹ Там же. Л. 185–186.

«Нева» в шторм перевернулась⁵⁰. Но это не так, сохранилось его письмо из Сибири Е.П. Пешковой⁵¹. Мать Ю.В. Пуаре, Мария Ивановна много хлопотала о смягчении его участи, но на все письма получала один ответ: «В пересмотре дела Вашего сына отказано». Да и сама она в 1936 г. в свои 82 года, совершенно слепая, была выслана из Ленинграда в Уфу. А ее дочь Инна Витальевна, человек с тремя высшими образованиями, литолог, петрограф, автор многих научных трудов (с 1913 г. она работала на Мурманской биологической станции), лишена работы.

В числе этой же группы 27.05.1926 был арестован Вартенбург Николай Львович (1891–?), командир эсминца «Троцкий», командир Первого дивизиона эсминцев Балтийского флота, Герой Труда. 27.02.1927 он был обвинен в создании контрреволюционной монархической организации и осужден на три года. Отбыв срок на Соловках, получил еще три года ссылки в Сибирь и три года запрещения проживать в трех крупнейших городах СССР⁵².

Томашевич Анатолий Владиславович (1895–1960) родился в С.-Петербурге, окончил Александровский кадетский корпус (1913), Отдельные гардемаринские классы (1917), Минный офицерский класс (1918), Военно-Морскую академию (1922). Служил на подводных лодках, был участником Первой мировой и Гражданской войн. В 1918 г., как и Ю.В. Пуаре, участвовал в «Ледовом походе» кораблей Балтийского флота; в 1918–1920-х гг. — флагманский минер дивизиона эскадренных миноносцев. Считался одним из лучших специалистов в своем деле, преподавал в Военно-Морской академии и был автором научных трудов. 26.05.1926 Томашевич А.В. был арестован, в феврале 1927 г. осужден по ст. 58-5, 10, 11 на три года и отправлен на Соловки, а после лагеря — на три года в ссылку в Нарымский край. Сначала работал на лесоразработках и кирпичном заводе, затем переведен в глушь, за 150 км от с. Каргасок, где не было никакой работы и никакой медицинской помощи, в которой из-за туберкулеза кости ноги очень нуждались. Ничем не могла помочь ему и семья — жена с маленькими детьми бедствовала в Ленинграде, продав все, что можно. После освобождения Анатолий Владиславович вернулся в Ленинград, в 1933 г. восстановлен в кадрах ВМФ, через два года реабилитирован. Всю оставшуюся жизнь он посвятил подводному флоту: преподавал на кафедре (с 1940 г. и.о. начальника кафедры) тактики подводных лодок и противолодочной обороны в Военно-Морской академии, писал научные труды. В начале Великой Отечественной войны он был прикомандирован к штабу Главкома войск Северо-Западного направления по использованию подводных лодок на Балтийском и Северном флотах, занимался разработкой способа стрельбы торпедами с подводных лодок, который был признан обязательным к применению на всех флотах, принимал участие в разработке важных военных операций. Опубликованные в военное время его научные труды имели большое значение для улучшения боевого управления и обеспечения боевой деятельности

⁵⁰ Лихачев Д.С. Воспоминания. М., 2007. С. 238–239.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 395. Л. 238–239; Д. 396. Л. 252 об.

⁵² Там же. Д. 282. Л. 15; Д. 291. Л. 274.

подводных лодок. В 1952 г. за научные разработки «Использование скоростных подводных лодок» и «Борьба со скоростными подводными лодками» Анатолий Владиславович получил Сталинскую премию. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями, именным оружием. Скончался в Ленинграде, похоронен на Серафимовском кладбище⁵³.

В 1929 г. на Соловках по крупному делу «о кремлевском заговоре» был расстрелян еще один его участник — Арбенев Николай Александрович (1881–29.10.1929). Выходец из дворян С.-Петербургской губ., он окончил Морской корпус (1902), затем обучался в Водолазной школе в Кронштадте, прошел подготовку в Учебном отряде подводного плавания (1907), являлся капитаном 2-го ранга 1-го Балтийского флотского экипажа. В Русско-японскую войну участвовал в обороне Порт-Артура. При капитуляции крепости отказался дать подписку о дальнейшем неучастии в боевых действиях, за что почти три года провел в плену. После возвращения из плена продолжил службу на Балтийском флоте командиром подводных лодок, потом был назначен вахтенным начальником ледакольного транспорта «Вайгач», участвовал в гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, о чем написал книгу «В Северном Ледовитом океане: от Владивостока до Таймырского полуострова на транспорте „Вайгач“ в 1912 г.» (СПб., 1913). В годы Первой мировой войны служил начальником 4-го дивизиона подводных лодок на Балтийском море, затем — в распоряжении начальника Штаба главнокомандующего армиями Северного фронта для связи с флотами. За храбрость имел пять наград. После революции отчислен в резерв. Участвовал в Белом движении на Севере России. 28.02.1927 был осужден по ст. 58-4, 5, 10, 12 на пять лет⁵⁴.

Можно назвать и еще ряд имен, проходивших по «делу военморов»:

Борячинский Николай Иванович, арестованный в Ленинграде и осужденный на 5 лет.

Деарт Митрофан Николаевич, старший механик крейсера «Червона Украина», арестованный в Севастополе и осужденный на пять лет, срок полностью отбыл на Соловках, затем был отправлен в ссылку в Сибирь.

Шульц Михаил Александрович (1896–1954), осужденный на 10 лет. На Соловках был наблюдателем на метеостанции, потом плавал помощником капитана на шхуне «Слоненок».

Дулов Александр Платонович, арестован в Ленинграде и осужден по ст. 58-5, 12 на пять лет с конфискацией имущества. Осенью 1929 г. с Соловков отправлен в ссылку в г. Вельск, где на лесозаготовках отморозил руки и ноги, став инвалидом. Получил срок до 1930 г., но в 1932 г. еще не был освобожден.

Оболенский Николай Фотинович, служил на Балтийском флоте, тралил минные заграждения, осужден на пять лет, срок полностью отбыл на Соловках, затем отправлен в ссылку в Архангельск.

⁵³ Там же. Д. 284. Л. 75; Д. 779. Л. 66–69; Д. 579. Л. 252; Д. 1028. Л. 88–92; Соловецкий сборник. Архангельск, 2010. Вып. 6. С. 93–94.

⁵⁴ УФСБ по Арх. обл. Д. № П-13969.

Головачев Николай Николаевич (1889–06.10.1928) родился в Киеве, лейтенант флота, арестован в Севастополе 24.05.1926, осужден на 10 лет, скончался на Соловках⁵⁵.

Помимо этого группового дела много достойных военных моряков в разное время было сослано на Соловки, вот имена некоторых из них:

Бекман Альфред Андреевич (1896–1994), родом из ливонских шведов, в 1917 г. окончил Отдельные гардемаринские классы вместе с будущим адмиралом флота И.С. Исаковым, с которым до последних лет жизни поддерживал дружеские отношения. Служил на линкольне «Царевич», участвовал в Моонзундском сражении (1917). В Красном флоте занимал ряд высоких штабных должностей. В 1927 г. был арестован, осужден на 9 лет. В лагере на Соловках работал смотрителем маяка на Секирной горе. После освобождения из лагеря работал на Севере в авиаметеослужбе. В 1939 г. снова был арестован, содержался в Медвежьегорске. После освобождения остался жить в Карелии, работал начальником электронавигационной камеры Беломорско-Онежского пароходства. Скончался в Петрозаводске.

Ажаев Константин Михайлович, военный моряк из Ленинграда, перед арестом — зав. Гидрометеопостом морского ведомства в Красной горе под Ленинградом. Арестован и сослан за то, что не ушел с поста, когда этого потребовал агент ОГПУ и не пустил того на территорию метеостанции. На Соловках служил на метеостанции⁵⁶.

Клопов Петр Иванович (1893–?) — из дворян, окончил Офицерский класс подводного плавания, на службе с 1912 г. В Гражданскую войну воевал на стороне белых, за что был осужден на 20 лет условно⁵⁷. В декабре 1929 г. арестован, в августе 1930 г. ОСО КОГПУ осужден на 10 лет. В ссылку была отправлена и жена. На Соловках работал на маяке, в 1931 г. вывезен в Москву (возможно, было заведено новое дело)⁵⁸.

Назаров Борис Михайлович (1884 – после 1945) окончил Морское инженерное училище (1905), капитан 2-го ранга (с 1916), инженер-механик. Арестован 21 марта 1929 г. в Ленинграде по делу религиозного кружка «Воскресение», осужден на 10 лет Соловков. Перед окончанием следствия благодарил следственные органы за то, «что изъяли из мира лжи и насилия и отправили в то место, где еще можно встретить настоящих людей». За это был признан главой несуществующей контрреволюционной организации и вместе с философом А.А. Мейером получил максимальный срок. После освобождения жил в г. Хвальинске.

Чириков Сергей Александрович (1884–?) — из дворян, родился в г. Торшце, окончил Морской корпус (1905), старший лейтенант. В 1917–1924 гг. служил в Красном флоте, занимая важные посты от начальника отдельной части до

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 166. Л. 48–50; Д. 249. Л. 110; Д. 373. Л. 5; Д. 362. Л. 226–235; Д. 407. Л. 218 об.; Д. 816. Л. 50; Д. 845. Л. 96–98; Д. 364. Л. 129, 141; Д. 681. Л. 96 об.; Д. 854. Л. 324.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 550. Л. 381; Д. 548. Л. 61.

⁵⁷ Осужденного на «условно» не сажали, но он находился под пристальным наблюдением, и если наблюдающим что-то в его поведении не нравилось — сажали на реальный срок.

⁵⁸ Там же. Д. 622. Л. 215–222; Д. 693. Л. 641.

Александр Фон Зиберт

заместителя командующего флотом на Каспийском море. В 1925 г. был арестован «за недоносительство» (не донес на знакомых, которые ушли за границу) и осужден на 10 лет. В лагере на Соловках работал в водном транспорте. В 1927 г. вывезен в Москву⁵⁹.

Славинский Константин Петрович (1880–?) окончил Морской корпус (1899), капитан 1-го ранга Главного морского штаба. В 1918 г. был мобилизован большевиками, служил на Каспийской флотилии у Ф. Раскольникова. Как специалист по судоподъему руководил подъемом в Черном море затонувших п/х «Батум» и «Эльбрус», первым в стране начал проектирование железобетонных самоходных паромов, плавучих кранов, доков. При его разработке построен самоходный паром для переправы через Волгу у Самары. В июне 1920 г. был арестован по пути в Петроград, заключен в Бутырскую тюрьму, но вскоре освобожден. В 1923–1925 гг. работал в Ленинграде. В 1930 г. был арестован и постановлением ОСО КОГПУ от 01.07.1930 по ст. 58-б, 17 осужден на 10 лет. Поводом к аресту послужило случайное знакомство еще в 1921 г. с одним эстонцем, который был обвинен в шпионаже. В лагере на Соловках работал по специальности в порту⁶⁰.

Чигаев Борис Николаевич (1895–16.11.1937) — дворянин, родился в С.-Петербурге, офицер гвардейского экипажа Русского флота. В 1930 г. по ст. 58-б был приговорен к ВМН с заменой на 10 лет лагеря. Срок отбывал на Соловках, был досрочно освобожден, устроился на строительство канала Москва – Волга. После подачи кассационной жалобы по поводу снятия прежней судимости дело было пересмотрено, приговор изменен на «высшую меру». Расстрелян в Бутове под Москвой⁶¹.

Фон Зиберт Александр Федорович (Эрнстович) (1891–11.12.1937) — барон, родился в Харьковской губ., окончил Морской кадетский корпус в Петербурге (1913), специалист по минному делу. До революции служил на Балтийском флоте на линкоре «Слава» и других знаменитых кораблях Русского флота, имел высшие награды за храбрость. С 1918 г. в Красной армии: на Волге, Северной Двине, затем на Днепре, служил начальником минного дивизиона в Крыму. В 1922 г. был командирован в Николаев для достройки эскадренного миноносца. 25.05.1926 был арестован как «монархически настроенный и подрывающий боевую мощь СССР». Срок отбывал на Соловках и в Карелии, был досрочно освобожден, как

⁵⁹ Там же. Д. 517. Л. 40–46 об.

⁶⁰ Там же. Д. 624. Л. 23; Д. 532. Л. 7; справка С.В. Волкова.

⁶¹ Бутовский полигон. М., 2004. Вып. 8. С. 115, 242, 252.

Борис Чигаев

и Б.Н Чигаев, устроился вольнонаемным на строительство канала Москва – Волга и после подачи кассационной жалобы был арестован и расстрелян в Бутово⁶².

Тошаков Аркадий Александрович (1887–22.08.1938) — из дворян Нижнего Новгорода, окончил Морской корпус (1908), после революции остался служить на флоте. Одно время был начальником штаба Балтийского флота, один из авторов разработки плана строительства Красного флота. 15.06.1930 арестован в Ленинграде, вывезен в Москву, больше года содержался в строгой изоляции и по ст. 58-7, 11 был приговорен к ВМН с заменой на 10 лет лагеря. Содержался в Кеми и на Соловках.

После досрочного освобождения недолго работал начальником отделения обстановки пути Технического отдела «Волгостроя», но 23.02.1938 был арестован в Рыбинске и в том же году расстрелян⁶³.

Бартельс-Чайкин-Небольсин Леонид Алексеевич (1894–08.12.1937) — из дворян, родился в Киеве, образование высшее, мичман Русского флота. В Гражданскую войну служил у Колчака. 23 июля 1931 г. за контрреволюционную деятельность осужден на 10 лет. Расстрелян в числе 509 человек Соловецкой тюрьмы в Ленинградской области (?).

Галашевский Гавриил Иванович (1889–?) учился в Одесском кадетском корпусе, окончил Морской корпус, служил на Черноморском флоте. Участник Гражданской войны на стороне красных: с 1918 г. — старший минный специалист на линейном корабле «Гангут»; с 1919 г. — начальник техотдела службы связи Балтийского флота, в 1923 г. получил звание Герой Труда; с 1924 г. — начальник службы связи Морских сил Дальнего Востока, в 1925–1926 гг. служил в Москве; арестован 28 февраля 1931 г. в Абхазии. В лагере находился на Соловках, в Кеми⁶⁴.

Фон Эмме Виктор Евгеньевич (1889–1938) — из дворян Новгородской губ., окончил Морской корпус (1909), был направлен в Первую минную дивизию Балтийского моря на эскадренный миноносец «Внимательный». С 1918 г. — на Красном флоте. Во время «Ледового похода» (1918) без аварии провел судно из Ревеля через заминированное Балтийское море. Затем служил помощником командира подводной лодки «Коммунар», совершил переход из Архангельска в Кемь во время стратегического обследования берегов Белого моря. В середине 1920-х

⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 284. Л. 282; Бутовский полигон. М., 2004. Вып. 8. С. 252.

⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 854. Л. 283; Д. 1720. Л. 92–110; справка С.В. Волкова.

⁶⁴ Там же. Д. 821. Л. 65.

гг. служил в минной секции научно-технического комитета Балтийского флота, неоднократно был арестован. 19.01.1931 задержан по делу к/р военной организации в Ленинграде. 2 июля того же года осужден на 10 лет. Содержался на Соловках и в Кеми, был досрочно освобожден. В 1937 г. снова арестован. Расстрелян⁶⁵.

Стеблин-Каменский Иван Георгиевич (1887–02.08.1930) — дворянин, родился в С.-Петербурге, в семье директора канцелярии Морского министерства, окончил Морской кадетский корпус (1908), получил назначение на крейсер «Богатырь», год находился в заграничном плавании. В 1909 г. переведен в 1-й Балтийский флотский экипаж, назначен в дивизион миноносцев, ротным командиром на крейсер «Адмирал Макаров». В 1911 г. награжден итальянской серебряной медалью за оказание помощи пострадавшим во время землетрясения в Сицилии в 1908 г. В 1912 г. произведен в лейтенанты, участник Первой мировой войны, был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Святой Анны 3-й степени. В июне 1917 г. по состоянию здоровья уволился из флота, но в 1919–1921 гг. по мобилизации служил помощником директора маяков Балтийского флота. Будучи глубоко верующим, летом 1923 г. И.Г. Стеблин-Каменский принял сан священника. В лагере на Соловках был дважды: в 1924–1927 гг. и в 1930 г. Священник Иоанн был расстрелян в Воронеже. В 2000 г. причислен к лику святых, священномученик.

Котляревский Григорий Порфирьевич (1887–03.11.1937) — заместитель начальника политотдела Черноморского флота. 10.04.1934 КОГПУ по ст. 58-8, 10, 11, 121 приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет лагеря. Расстрелян в числе 1111 заключенных соловецкой тюрьмы в урочище Сандармох под Медвежьегорском.

Иванов Александр Яковлевич (1895–1974) — лейтенант флота (1916), на Соловках находился вместе с братом Яковом Яковлевичем (?–1978), тоже морским офицером⁶⁶.

В лагере на Соловках в разное время содержались и первые выдающиеся русские летчики, стоявшие у истоков формирования воздушного флота. Вот имена некоторых из них:

Гончаров Борис Федорович (1882–?) — один из выдающихся специалистов по авиации в стране. Родился в Подольской губ., окончил Киевский Владимирский кадетский корпус (1900), Константиновское артиллерийское училище (1903), Михайловскую артиллерийскую академию (1911) и авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы. Вот его краткий послужной список: с 1912 г. служил командиром авиаотряда авиашколы в Гатчине (учениками этой школы были наши знаменитые летчики М.С. Бабушкин, М.В. Водопьянов, Ф.Б. Фарих); начальником авиационного дивизиона для охраны Петрограда, помощником начальника Управления Воздушного флота. В Первую мировую войну за храбрость награжден шестью орденами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени «за воздушную разведку исключительной трудности во время боев 09.11.1914 под Краковом, когда своевременно доставленные им важные

⁶⁵ Там же. Д. 598. Л. 49–50.

⁶⁶ Справка С.В. Волкова; информация предоставлена И.М. Петренко (Москва).

сведения способствовали успеху наших войск» и Георгиевским оружием за воздушную разведку. С 1918 г. находился на самых ответственных должностях в аэрофлоте — начальник Управления авиации и воздухоплавания штаба Северного участка обороны Петроградского района. В 1919 г. работал старшим инженером научно-технического комитета Главвоздухфлота; затем служил в Туле и Москве начальником воздушной обороны. Б.Ф. Гончаров также был заведующим кафедрой в Академии воздушного флота со дня ее основания, зав. конструкторским бюро по самолетостроению Авиационного треста при Главном управлении авиационной промышленности. Являлся автором многих научных трудов. 6.03.1928 г. был арестован и осужден на 10 лет. На Соловках работал в авиации, с острова был вывезен в Москву как обвиняемый еще по одному делу⁶⁷.

Покровский Сергей Никодимович (1895–29.10.1929) — из дворян, родился в г. Гродно, образование — высшее, летчик-наблюдатель. Прапорщик в Русской армии, первое время в Гражданскую войну воевал на стороне белых в чине штабс-капитана, затем на стороне красных — летчиком-наблюдателем. В 1921–1922 гг. отбыл наказание за службу в Белой армии, затем служил по специальности, занимался научной работой. 11.07.1927 КОГПУ по ст. 58-10 осужден на пять лет. На Соловках работал метеонаблюдателем. Расстрелян в 1929 г. в числе 36 человек по делу «о кремлевском заговоре»⁶⁸.

Гедеонов Александр Дмитриевич (1890–?) — представитель старинного дворянского рода, сын генерал-лейтенанта, начальника топографического Управления Генштаба, военный летчик, участник Первой мировой и Гражданской войн, с 1918 г. — в РККА. Был арестован в 1932 г., до 01.06.1933 находился в Кемском пересыльном пункте, затем на Соловках. (По другим сведениям, арестован в 1930 г.)⁶⁹

Славороссов Харитон Никандрович (1887–?) — человек легендарной биографии. Родился в крестьянской семье Черниговской губ. (настоящая фамилия — Семененко, Славороссов — его спортивный псевдоним). С детства проявлял невероятные способности во всем, что касалось техники. Недолго работая механиком в авиационной школе общества «Авиата» в Варшаве, навсегда полюбил аэропланы. Вернувшись в Россию, восстановил разбитый самолет, выкупил его, сдал экзамены на пилота и стал готовиться к международным соревнованиям. В Варшаве он пролетел под мостом через Вислу, на соревнованиях в Вене занял третье место и получил приглашение работать в Италии, где установил несколько рекордов. Однажды на соревнованиях в Турине его самолет загорелся в воздухе, напарник погиб, а Славороссов сильно пострадал, пришлось ампутировать ступню, но после длительного лечения, став инвалидом, вернулся к любимому делу. В Первую мировую войну Харитон Никандрович героически воевал во Французской армии, куда пошел добровольцем (Россия и Франция были союзниками). Вскоре он совершил первый подвиг: французский летчик, сенатор Реймон, был подбит, ранен и вынужден был

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 360. Л. 235–236; Д. 407.

⁶⁸ АУФСБ по Арх. обл. Д. П-13969.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 890. Л. 191; Чирков Ю. А было все так... М., 1990. С. 86.

Николай Данилевский. 1910-е гг.

сесть на нейтральную полосу. Славороссов, сильно рискуя, приземлился рядом и спас его, за что был награжден высшей боевой наградой — Военной медалью. За битву при Вердене он стал национальным героем Франции, получил Военный крест. В 1915 г. Славороссов вернулся в Россию, чтоб помогать русским авиаторам. После 1917 г. он с семьей уехал в Томск, сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил в Технологический институт, а в 1920 г. переехал в Москву и был командирован в Институт Красного воздушного флота (вскоре переименован в академию). Уже в процессе учебы Харитон Никандрович занимался серьезными научными разработками — проектами самолета, авиационного двигателя и авиационного завода.

После окончания в 1923 г. академии он до ареста работал в обществе «Добролет». В 1925 г. участвовал в уникальном по тому времени перелете шести советских самолетов по маршруту Москва – Пекин, причем был организатором и начальником самого сложного и ответственного 4-го участка пути Верхнеудинск – Пекин, — здесь впервые в истории наши самолеты пролетели над пустыней Гоби. В 1930 г. Х.Н. Славороссов был неожиданно арестован и осужден на 10 лет за «шпионаж в пользу Франции». Срок отбывал на Соловках и на Поповом острове (Кемь), где работал на воздухостанции авиатехником и на других мелких должностях, горько сожалея, что, «имея знания, опыт и энергию, видя энтузиазм всей страны, он не используется по своим возможностям»⁷⁰.

Невозможно хотя бы немного не рассказать и о Данилевском Николае Николаевиче (1885 – 21.02.1938), хотя в лагере на самих Соловках, судя по всему, он не был. Н.Н. Данилевский содержался в Кемь, возможно, на Поповом острове, как Х.Н. Славороссов, с которым они были хорошо знакомы и раньше. Н.Н. Данилевский, один из первых русских летчиков, родился в Пензе, в дворянской семье, окончил Воронежский кадетский корпус и Павловское военное училище, затем окончил по первому разряду офицерский класс Учебного воздухоплавательного парка в Петербурге и Гатчинскую авиашколу, участвовал в Первой мировой войне, имел награды. После революции Н.Н. Данилевский много сделал для военной и гражданской авиации: участвовал в разработке различных воздушных маршрутов, вместе со Славороссовым был организатором перелета Москва – Пекин, одним из первых в России занялся аэрофотосъемками, воспитал двух Героев Советского Союза — М.В. Водопьянова и М.Т. Слепнева, его авторитет среди летчиков был общепризнан. В марте 1933 г. Николай Николаевич был арестован,

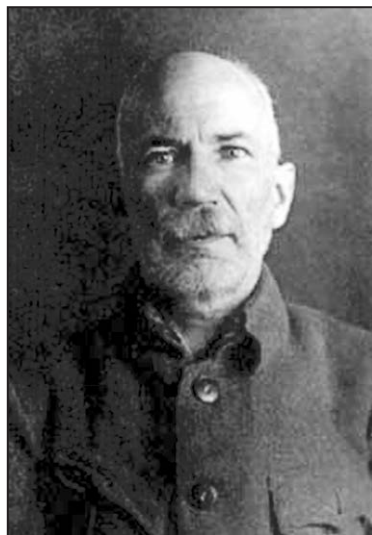
⁷⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1277. Л. 8 об.-9; см.: Гальперин Ю.М. Воздушный казак Вердена. М., 1990.

Николай Данилевский. *Тюремная фотография*

осужден по ст. 58-10 на 3 года, но через год был освобожден и поселился в Петушках, где работал начальником метеостанции. 25.01.1938 он был снова арестован, приговорен к ВМН, расстрелян в Бутово⁷¹.

Необходимо сказать о военных врачах, кому пришлось быть в заключении на Соловках.

Иванов Боян Владимирович (1880–15.02.1938) — дворянин, родился в Оренбургской губ., внук декабриста А. Фока и племянник лейб-хирурга Е.В. Павлова, окончил кадетский корпус, в 1906–1910 гг. служил библиотекарем личной библиотеки императора Николая II в Зимнем дворце, окончил Военно-медицинскую академию (1915). С первых дней революции попал

в списки лиц, «наиболее опасных для дела революции». В 1919–1921 гг. находился в лагере как заложник «на случай какого-либо выступления белогвардейцев». 09.04.1926 Б.В. Иванов был арестован в Ленинграде за то, что «поддерживал связь с зарубежными монархистами, едко критикуя Советскую власть» («связь» выражалась в том, что при обыске нашли письма из-за границы от тети, дочери декабриста А. Фока). Постановлением ОСО при КОКПУ от 17.05.1926 был на три года сослан в Сибирь. Нигде не мог получить работу, хотя был очень хорошим врачом, и на сотни верст единственным. В ссылке в Томском округе 13.02.1928 он был арестован, по ст. 58-13 осужден на 10 лет и переведен на Соловки, где сразу же стал работать врачом-терапевтом в центральном лазарете в кремле. Кроме основной работы Б.В. Иванов читал лекции по анатомии на курсах медсестер, был избран председателем научной секции врачей при СОКе. В 1936 г. с Соловков переведен в Котлас, где и был расстрелян как ярый противник советской власти, да еще, как оказалось, близкий друг генерал-майора А.В. Туркула, одного из активных участников Белого движения. У Б.В. Иванова остались жена и пятеро сыновей⁷².

Косинский Константин Михайлович (1873–?) — из дворян С.-Петербурга, его отец был известным либеральным педагогом, основателем Кирилло-Мефодиевского общества. Окончил Военно-медицинскую академию, служил флотским врачом (1898–1905), в Первую мировую войну был врачом на Черноморском флоте, затем заведующим домом отдыха для моряков в Ораниенбауме, который сам организовал и в дни революции спас от погромов. В 1917–1923 гг. служил врачом в дивизионе подводных лодок Балтийского флота. С 1923 г. работал школьным

⁷¹ Бутовский полигон. М., 2003. Вып. 7. С. 78–82.

⁷² АУФСБ по Арх. обл. Д. П-15023; АУФСБ по СПб. и Ленинградской обл. Д. П-16373, П-52273, П-93224; ГАРФ. Ф. 8409. Оп.1. Д. 789. Л. 31–32; Д. 183.

врачом, оказывал детям большую материальную помощь. Будучи прекрасным музыкантом, организовывал концерты. В конце 1928 г. был арестован вслед за скрипачом из своего оркестра, по ст. 58-2 осужден на 5 лет и 13.12.1929 отправлен на Соловки, где вскоре был назначен заведующим центральным лазаретом. В лагере находился и его брат, который и скончался на Соловках⁷³.

Лубоцкий Марк Наумович (1901–01.11.1937) родился в Борисовском уезде Минской губ., военный врач, перед арестом — начальник кафедры военно-химического дела Военно-медицинской академии им. Кирова в Ленинграде. 23.12.1936 приговорен по ст. 58-8 к 8 годам тюремного заключения. Расстрелян в Сандармохе.

Осенью 1937 – в феврале 1938 г. в числе 1820 заключенных соловецкой тюрьмы в Сандармохе (Республика Карелия) и на Соловках были расстреляно более 150 военных, — как кадровых, так и офицеров военного времени, служивших и в Красной, и в Белой армиях.

Вот их имена:

Абросимов Михаил Петрович (1897–27.10.1937) родился в Томской губ., прапорщик армии Колчака.

Аверченко Федор Андреевич (1889–17.02.1938) родился в Полтавской губ., до 1917 г. служил в лейб-гвардии полку.

Александров Владимир Александрович (1881–03.11.1937) родился в Курске, прапорщик Русской армии.

Александров Михаил Сергеевич (1891–27.10.1937) родился в Петербурге, офицер Белой армии, перед арестом работал инженером.

Александровский Михаил Васильевич (1900–08.12.1937) родился в Западной обл., офицер Белой армии.

Андронников Яссе Николаевич (1893–27.10.1937) родился в Тифлисе, князь, офицер армии Деникина, перед арестом – режиссер театра.

Бакланов Петр Изотович (1894–01.11.1937) родился в Херсонской губ., подпрапорщик Русской армии.

Балакин Михаил Иванович (1896–27.10.1937) родился в Погребищенской волости Владимирской губ., прапорщик Белой армии на Восточном фронте.

Балаш Иосиф Иванович (1894–01.11.1937) родился в Таврической губ., служил в сводно-гвардейском полку армии Врангеля.

Барг Иосиф Яковлевич (1900–03.11.1937) родился в Каменец-Подольске, военнотрудовой, начальник финотдела Военно-инженерной академии.

Бардашевский Федор Васильевич (1891–03.11.1937) родился в Галиции, офицер австрийской, галицийской и петлоровской армий (1915–1919).

Батенин Эразм Семенович (1883–04.11.1937) родился в Вязьме, дворянин, штабс-ротмистр Русской армии, помощник главкома Петроградской военной охраны при А. Керенском, перед арестом — научный работник.

Беляев Леонид Евгеньевич (1889–27.10.1937) родился в Томской губ., прапорщик Белой армии.

⁷³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 460. Л. 147 об.; АУФСБ по Арх. обл. Д. П-15364.

Памятный камень в урочище Сандармох (Республика Карелия)

Бечаснов Василий Васильевич (1883–01.11.1937) родился в Одессе, дворянин, капитан армии Врангеля.

Бойко Иван Иванович (1892–03.11.1937) родился в Черниговской губ., штабс-капитан Белой армии.

Бранденбург Рихард Гвидович (1892–01.11.1937) родился в С.-Петербурге, подпоручик Русской армии.

Бреславский Василий Митрофанович (1895–27.10.1937) родился в Таганроге, офицер Белой армии, на Соловки сослан по делу «Союз освобождения России».

Будзилович Георгий Александрович (1893–27.10.1937) родился в Польше, дворянин, штабс-капитан Русской армии.

Быстрый Яков Еремеевич (1897–03.11.1937) родился в Киевской губ., офицер Белой армии.

Важенин Константин Федорович (1896–03.11.1937) родился в Оренбургской губ., офицер армии Колчака.

Вальнин Михаил Петрович (1898–27.10.1937) родился в Сибири, поручик Белой армии.

Вальда-Фарановский Александр Казимирович (1893–01.11.1937) родился в Австрии, ротмистр в кавалерии Врангеля, затем начальник штаба отдельной кавказской бригады Красной армии.

Варберг Андрей Александрович (1890–01.11.1937) род в Юрьеве, поручик Русской армии, перед арестом — служащий «Интуриста».

Веселицкий Петр Кронидович (1896–08.12.1937) родился в Казани, офицер Русской и Белой армий.

Виноградов-Никитин Григорий Павлович (1896–27.10.1937) родился в Тифлисе, окончил Александровское военное училище, офицер Русской армии (1916–1917), Белой армии (1918–1919), Красной армии (1920–1921).

Воинов Михаил Иванович (1879–27.10.1937) — дворянин, окончил Орловский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, штабс-капитан Русской армии, в лагере на Соловках был дважды: (1926–1928) и с 1932 г.

Войтюк Яков Семенович (1894–03.11.1937) родился в Польше, прапорщик.

Волок Емельян Иванович (1886–03.11.1937) родился в Кубанской обл., полковник армии УБР, командир петлюровской армии.

Вольгрот Фердинанд Иосифович (1878–01.11.1937) родился в Одессе, прапорщик, участник русско-японской войны.

Воронцов Николай Иванович (1878–01.11.1937) родился в Калужской губ., дворянин, служил в Главном штабе.

Галиковский Кирилл Афанасьевич (1885–27.10.1937) родился в Польше, поручик Русской армии, перед арестом работал педагогом.

Ганжа Алексей Николаевич (1900–03.11.1937) родился в Подольской губ., прапорщик Белой армии.

Геннадиев Александр Николаевич (1892–27.10.1937) родился в Казани, артиллерист, штабс-капитан армии Колчака.

Герн Николай Васильевич (1885–27.10.1937) родился в Уфе, дворянин, штабс-капитан Белой армии, перед арестом — доцент пединститута в Омске.

Гольм Анатолий Георгиевич (он же Сидоров Александр Дмитриевич) (1895–01.11.1937) родился в Вязме, дворянин, подполковник Белой армии.

Горин Константин Тарасович (1889–27.10.1937) родился в Саратове, подпоручик армии Колчака.

Гревинский Яков Иванович (1891–27.10.1937) родился в Харькове, поручик Белой армии, перед арестом — преподаватель топографии.

Грязнов Павел Гаврилович (1895–27.10.1937) родился в Барнауле, поручик армии Колчака.

Дряпко Иван Михайлович (1902–01.11.1937) родился в Екатеринодаре, офицер армии Врангеля.

Дунин-Карвицкий Александр Степанович (1893–01.11.1937) родился в С.-Петербурге, дворянин, офицер.

Дьяченко Владимир Дмитриевич (1891–27.10.1937) родился в Иркутске, поручик армии Колчака.

Ефимов Борис Васильевич (1891–27.10.1937) родился в С.-Петербурге, офицер Белой армии.

Заблоцкий Александр Александрович (он же Коссов Ричард Осипович) (1881–08.12.1937) родился в Полоцке, офицер Русской армии.

Зырянов Николай Ильич (1892–03.11.1937) родился в Барнауле, прапорщик армии Колчака.

Илюкович-Страковский Михаил Антонович (1898–02.11.1937) родился в Гродненской губ., заведующий кафедрой Военно-политической академии им. Толмачева.

Исаев Тихон Иванович (1879–27.10.1937) родился в Елецком у., Орловской губ., прапорщик Белой армии.

Калинин Василий Алексеевич (1885–27.10.1937) родился в Сибири, офицер армии Колчака.

Каржавин Аркадий Иванович (1895–27.10.1937) родился в Тюмени, поручик Белой армии.

Карп Иван Антонович (1894–01.11.1937) родился в Минской губ., офицер Белой армии.

Козлов Михаил Матвеевич (1896–27.10.1937) родился в Поволжье, дворянин, потомственный военный, офицер Белой армии.

Колесников Александр Алексеевич (1894–03.11.1937) родился в Смоленской губ., офицер Белой армии.

Комягин Иван Александрович (1889–07.10.1937) родился в Барнауле, офицер Белой армии.

Конарев Матвей Яковлевич (1894–01.11.1937) родился на Кавказе, офицер Белой армии.

Коплаков Владимир Александрович (1893–27.10.1937) родился в Ярославле, офицер Белой армии.

Кранцевич Николай Михайлович (1901–27.10.1937) родился в Минске, офицер, приговорен по делу «Союз освобождения России».

Крупский Петр Иродионович (1898–08.12.1937) родился в Киевской губ., офицер.

Кудрявцев Павел Николаевич (1887–27.10.1937) родился в Омске, окончил кадетский корпус, штабс-капитан армии Колчака.

Кузнецов Михаил Николаевич (1894–04.11.1937) родился в Саратове, офицер Русской армии.

Кузнецов Семен Васильевич (1896–27.10.1937) родился в Стерлитамаке, офицер армии Колчака.

Кучев Адриан Васильевич (1892–27.10.1937) родился в Барнауле, офицер армии Колчака.

Кушниренко Павел Сильвестрович (1893–03.11.1937) родился в Херсонской губ., офицер петлюровской армии, перед арестом – декан Колхозного института в Зиновьевске Одесской обл.

Либерман Борис Петрович (1895–04.11.1937) родился в Арзамасе, преподаватель Военно-политической академии им. Толмачева.

Лозинский Константин Васильевич (1882–27.10.1937) родился в ст. Медведовская на Кубани в семье крупного помещика, окончил Николаевское кавалерийское училище, офицер Кубанского казачьего войска, полковник Белой армии, перед арестом — архитектор-чертежник.

Луканин Михаил Александрович (1887–27.10.1937) родился в Оренбургской губ., штабс-капитан Белой армии.

Нейманов (Нейман) Борис Михайлович (1903–27.10.1937) родился в Подольской губ., военнослужащий, начальник боепитания Наркомата обороны в Москве.

Никитин Михаил Владимирович (1897–08.12.1937) родился в Барнауле, офицер Русской и Белой армий.

Овезбаев Сеид Мурад (1889–27.10.1937) родился в Закаспийской обл., офицер Белой армии.

Пакшин Петр Нилович (1893–27.10.1937) родился в Красноярске, поручик армии Колчака, до ареста — председатель кооператива художников в Новосибирске.

Пежемский Виссарион Петрович (1900–27.10.1937) родился в Карднаульском у., штабс-капитан Белой армии.

Пекарский Казимир Данилович (1897–27.10.1937) родился в Тюмени, прапорщик армии Колчака.

Пинкевич Андрей Леонтьевич (1878–01.11.1937) родился в Двинске, офицер Белой армии.

Подосенов Павел Петрович (1898–27.10.1937) родился в Амурской обл., поручик армии Колчака, перед арестом работал художником, режиссером.

Поляков Дмитрий Яковлевич (1897–01.11.1937) родился в Могилевской губ., офицер Белой армии.

Попов Анатолий Иванович (1894–27.10.1937) родился в Томске, капитан Белой армии, «участник омской офицерской к/р повстанческой организации в 1918 году».

Попов Василий Васильевич (1904–27.10.1937) родился в Иркутске, поручик армии Колчака.

Прокофьев Георгий Михайлович (1895–08.12.1937) родился в Клину, офицер армии Колчака, был в эмиграции.

Пустовалов Алексей Павлович (1884–27.10.1937) родился в Акмолинске, прапорщик Белой армии.

Равич Владимир Николаевич (1897–08.12.1937) родился в Екатеринославе, офицер Белой армии.

Ребиков Василий Иванович (1892–01.11.1937) родился на Украине, служил в Русской армии (1914–1917), в Белой армии (1918), в Красной армии (1919), был в эмиграции.

Резвый Петр Петрович (1889–27.10.1937) родился в С.-Петербурге, офицер Белой армии.

Родионов Александр Александрович (1893–27.10.1937) родился в Казани, штабс-капитан армии Колчака (1917–1919), командир артдивизиона РККА (1919–1924).

Розенмейер Валериан Эдуардович (1887–27.10.1937) родился в Москве, дворянин, офицер Русской армии, арестован по делу «Российской национальной партии».

Урочище Сандармох

Романовский Николай Дмитриевич (1892–03.11.1937) родился в Тифлисе, штабс-капитан (1915–1918), комбат Красной армии (1920–1921).

Рубенс Рудольф Яковлевич (1910–04.11.1937) родился в Екатеринодаре, окончил военную школу летчиков и авиатехников в Оренбурге.

Савельев Петр Иванович (1895–27.10.1937) родился в Тобольской губ., поручик Белой армии.

Сафронов Дмитрий Иванович (1895–03.11.1937) родился в Туле, офицер Белой армии, перед арестом служил в Военно-химической академии.

Семашко Адам Яковлевич (1889–27.10.1937) родился в Риге, дворянин, прапорщик Русской армии.

Солодуб Петр Кириллович (1893–03.11.1937) родился в Волынской губ., штабс-капитан, помощник командующего галицийской армии, затем – начальник школы младших командиров Красной армии.

Сотников Константин Павлович (1890–27.10.1937) родился в Омске, штабс-капитан Белой армии.

Старков Иван Михайлович (1894–27.10.1937) родился в ст. Карагайская Оренбургской губ., офицер Белой армии.

Столыпин Дмитрий Иванович (1887–27.10.1937) родился в Пензенской губ., штабс-капитан в отряде Бакича и в армии Колчака.

Ткач Иван Григорьевич (1869–27.10.1937) родился во Владимире, капитан Белой армии.

Толмачев Леонид Иванович (1895–27.10.1937) родился в Одессе, штабс-капитан Белой армии.

Толстокулаков Алексей Степанович (1888–27.10.1937) родился в Акмолинской губ., поручик армии Колчака.

Троицкий Александр Александрович (1891–17.02.1938) родился в Костромской губ., поручик Белой армии.

Трутко-Гуль Федор Иванович (1894–02.11.1937) родился в Белоруссии, подпоручик Русской армии.

Фалин Иосиф Андреевич (1888–17.02.1938) родился в Смоленске, подпоручик Русской армии, служил в Белой армии.

Филатов Петр Алексеевич (1880–27.10.1937) родился в Вятской губ., штабс-капитан Русской армии.

Хабаров Дмитрий Арсеньевич (1889–08.12.1937) родился в С.-Петербурге (или в Псковской губ.), подпоручик Белой армии.

Цашков Иван Андреевич (1894–17.02.1938) родился в ст. Кочетковской Азово-Черноморского края, активный участник белого движения на Дону, сотник.

Чемакин Петр Иванович (1891–08.12.1937) родился в Омске, штабс-капитан Белой армии.

Шмонин Николай Евгеньевич (1893–27.10.1937) родился в Омске, штабс-капитан Белой армии.

Штоль Альфред Генрихович (1901–17.02.1938) родился в Крыму, офицер Белой армии.

Эристов Николай Леванович (1884–01.11.1937) родился в Тифлисе, князь, подполковник Русской армии, затем — комдив Красной армии.

Юламанов Фатхулла Ямалетдинович (1891 – 27.10.1937) родился в Башкирии, офицер Белой армии...

Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Сергею Владимировичу Волкову за помощь и консультации при подготовке данной главы.

Музей Соловецкого общества краеведения (1925–1937)

Наверное, лагерный музей на Соловках — это один из самых необычных музеев, когда-нибудь существовавших. История его создания и судьба сотрудников, спасших для нас многие святыни соловецкой истории, содержат в себе немало героического и трагического. Удивительно, что совершенно бесправные люди, находясь в нечеловеческих условиях лагеря, не зная, что будет с ними самими завтра, думали о спасении культурного наследия для будущей России.

Вывоз с Соловков бесценных историко-художественных коллекций начался уже в 1918 г., а после закрытия монастыря в 1920 г. этот процесс активизировался, угрожая потерей многих шедевров культуры. Только комиссия Губпомгола в 1922 г. вывезла около 85 пудов серебра, более 9 фунтов золота, 198 драгоценных камней, 9 митр, 11 крестов¹.

В 1922 г. архитектор П.Д. Барановский, сотрудник Отдела музеев и охраны памятников старины Главнауки Наркомпроса, выступил с предложением создать на Соловках музей древнерусской культуры, но тогда его никто не послушал. И всё же позиция сотрудников Отдела музеев, прилагавших героические усилия для спасения соловецких коллекций, дала свои результаты. 29 июня 1923 года на заседании президиума Отдела музеев по докладу Н.Н. Подъяпольского было принято важное решение о придании Соловецким островам статуса заповедных. В договор, подлежащий заключению с ГПУ на использование островов, было решено включить пункт, обеспечивающий охрану архитектурных памятников и природы островов и организацию там заповедников. Отделом музеев были взяты на учет как подлежащие охране некоторые памятники (хотя их набор представляется несколько случайным): Спасо-Преображенский собор (1558–1566), надвратная Благовещенская церковь (1596–1600), церковь прп. Германа (XIX в.), деревянная часовня Филипповской пустыни (XVII в.), часовня в Старой Сосновке (1627), в которой до 1923 г. сохранились слюдяные окончины, а также Воскресенская церковь (1715) и часовня прп. Елеазара (XIX в.) на о-ве Анзер и др. Все эти памятники не

¹ Тутова Т.А. История поступления Соловецкого собрания в Оружейную палату // Спасенные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001. С. 22.

подлежали никаким перестройкам и переделкам. Подлежали охране и наиболее ценные предметы старины. «Не имеющие исторической и архитектурной ценности постройки со всем имуществом по договору от 22 августа 1923 года передаются в пользование СЛОНу ввиду крайней необходимости в помещениях»².

В условиях лагеря решение об охране особо ценных памятников могло бы остаться только на бумаге, но за их спасение взялись заключенные, среди которых было немало людей, прекрасно понимавших значение Соловецкого монастыря в истории и культуре России. Их чувства хорошо выразил известный писатель О.В. Волков, дважды побывавший в заключении на Соловках: «Я ходил по острову, как по огромному музею истории моего народа, исполненной тягот, опасностей и свершений»³.

По инициативе заключенных, оформленной приказом УСЛОН от 30 июня 1924 г., создается Комиссия по изучению природы Соловков, которую возглавил А.И. Филимонов. За лето Комиссия провела несколько экскурсий по островам с целью их геологического, ботанического и зоологического обследования, а 13 марта 1925 г. на ее базе организуется Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения. (Приказ по УСЛОНу № 56). В момент организации в СОАОКе было 10 действительных членов, 10 научных сотрудников и 40 сотрудников-любителей из заключенных. Формально его председателем был зам. Начальника УСЛОНа Ф.И. Эйхманс. Целью Общества провозглашались «подготовка научной базы для рационального использования природных богатств архипелага, сбор памятников старины, изучение и забота об их сохранности». В СОАК входили отделы: геологический, ботанический, зоолого-биологический, лесоводческий, исторический, отдел местной промышленности, гидрометеорологическая станция, Биосад, имеющий в свою очередь несколько отделов. Общество проводило огромную и очень нужную работу по спасению историко-культурных и природных ценностей Соловков⁴.

12 мая 1925 г. приказом УСЛОНа северо-восточная часть Большого Соловецкого острова площадью в 60 кв. верст была объявлена заповедником. В него вошли Глубокая губа, богатые растительностью озера, большой полуостров с густым лесом и болотами, на которых росло много ягеля. На территории заповедника запрещалась вырубка леса, охота, сбор яиц и пуха. Было обращено серьезное внимание на возобновление лесов архипелага. В 1926 г. был заложен питомник лиственниц и других хвойных, которые позднее были рассажены по всему острову. Проводилась большая разъяснительная работа: читались лекции о рациональном лесопользовании монастыря, с призывами продолжить эти традиции⁵.

² Иванов А. Памятники соловецкой древности до XVII в. // Материалы Соловецкого общества краеведения (далее — МСОК). Соловки, 1927. Вып. 1. С. 44. Полностью текст первого варианта «Договора» см. в книге: Соловецкий монастырь. Из архива П.Д. Барановского. М., 2000. Т. 1. С. 29–31.

³ Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989. С. 72.

⁴ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 22. 1924–25 гг. Д. 38. 1925–26 гг.

⁵ Отчет Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения за 1924–1926 годы // МСОК. Соловки, 1927. Вып. 3. С. 28–30.

Биосад в Филипповой пустыни. 1925 г.

Большую работу по охране природы проводил Биосад, ставя своей задачей сохранить от хищнического истребления ценные виды птицы и зверя. При участии Биосада издаются два Приказа о порядке организации охоты на Соловецких островах, выдвигаются предложения о перспективах акклиматизации ондатры, о необходимости улучшения оленьего стада, устройства питомника для пушных зверей и т.д. Многие из этих предложений были реализованы. Большую роль в деле охраны и изучения природы на Соловках в 1920-е гг. сыграли заведующий Биосадам М.И. Некрасов, орнитолог Г.И. Поляков, гидрограф Г.И. Бострем, ботаники Ж.Х. Бруновская и В.В. Сахаров, заведующий Дендропитомником В.Н. Дегтярев, заведующий Метеостанцией В.И.Кривош-Неманич, гидробиолог К.П. Чуднов и другие заключенные. На деятельность соловецких краеведов обратили внимание многие научные учреждения страны, в 1926 г. 138 из них были корреспондентами Общества. Важность деятельности СОАОКа подтвердили прибывшие летом 1926 г. «из центра» профессора П.Ю. Шмидт (АН СССР), Д.Д. Руднев (Центральное Бюро Краеведения) и А.Ф. Бенкен (ЛГУ). Именно они поставили вопрос о преобразовании СОАОКа в самостоятельное Соловецкое Общество Краеведения (СОК), что и произошло в конце 1926 г. В 1926 г. вышел первый сборник материалов СОКа, а всего было выпущено 26 сборников. Многие работы, опубликованные в них, не потеряли своей актуальности и сегодня⁶.

В задачи данной публикации не входит раскрытие всей многосторонней деятельности СОКа. Это огромная тема, которая еще ждет серьезного анализа и оценки. Остановимся лишь на музее, а точнее — на деятельности его

⁶ Там же; Новые Соловки. 1926. № 1–50; Серебряков А. Исторический очерк краеведческой работы на Соловках // МСОК. Соловки, 1927. Вып. 16; Захваткин А., Сахаров Н., Юрканский В. К познанию природы Соловецких островов // Там же. Соловки, 1927. Вып. 18.

Дмитрий Голицын

историко-археологического отдела⁷, включавшего секции: христианских древностей, иконописи, старинного оружия, археологии, фольклора.

Музей — один из первых отделов СООАКа. В его основу легли коллекции, собранные заключенными во время поездок по островам в 1924 г. Главная цель музея — «собрать и сберечь для нации рассеянные восточные и быстро исчезающие памятники старины»⁸. Также, согласно Договору лагеря с Отделом музеев Главнауки от 1924 г., музей осуществлял учет и охрану зданий и сооружений, имеющих особую историческую ценность. Перед создателями музея кроме всех прочих стояли непростые нравственные проблемы.

Было понятно, что лагерное начальство не разрешит создать музей истории монастыря, и потому сотрудники музея решили определить его как «антирелигиозный». Людям верующим, каковых среди инициаторов было большинство, такое решение далось, конечно же, нелегко. Но все согласились, что дело не в названии, а в спасении ценностей, и под антирелигиозной вывеской они будут целее. «Что из того, что над ними [экспонатами. — А.С.] были вывешены пошлые и глупые надписи? Эти куски картона сгинут, а спасенные сокровища, Бог даст, останутся и снова, освященные и обновленные, послужат прославлению имени Господнего», «и за спасение, за честь хранения вековых святынь России простятся грехи многих в их нищей земной и, несомненно, страдальческой юдоли», — написал в своих воспоминаниях узник Соловков Борис Ширяев⁹, свидетель рождения музея. Пионерами музейного дела были заключенные В.П. Никольский, Н.К. Либин, С.А. Шорьгин, Н.В. Энгельгардт, А.П. Иванов, Ю.Н. Данзас, князь Д.А. Голицын, священник Н.М. Миславский, историк А.П. Приклонский, археолог Назимов и многие другие. Первым директором музея стал А.И. Филимонов, инженер по профессии, руководителем историко-археологического отдела назначили В.П. Никольского. Работа этого отдела проводилась по следующим направлениям: (1) сбор, систематизация, инвентаризация, музейных историко-археологических объектов и предметов быта и экономики островов; (2) обследование и регистрация зданий и предметов, имеющих историко-археологическую ценность

⁷ Музей состоял из отделов: естественно-исторического (подотделы — метеорологии, геологический, ботанический, лесоведения, зоологический), историко-археологического (подотделы — иконописное собрание, христианские древности, монастырский обиход, новый быт, старинное оружие, старый металл и дерево), промышленного (включавшего 17 подотделов). Кроме того, при Музее находились библиотека, архивохранилище, техническая и препаратная мастерские.

⁸ Серебряков А. Указ. соч. С.12.

⁹ Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 119–120.

В соловецкой ризнице. Нач. XX в. Фотография Я.И. Лейцингера

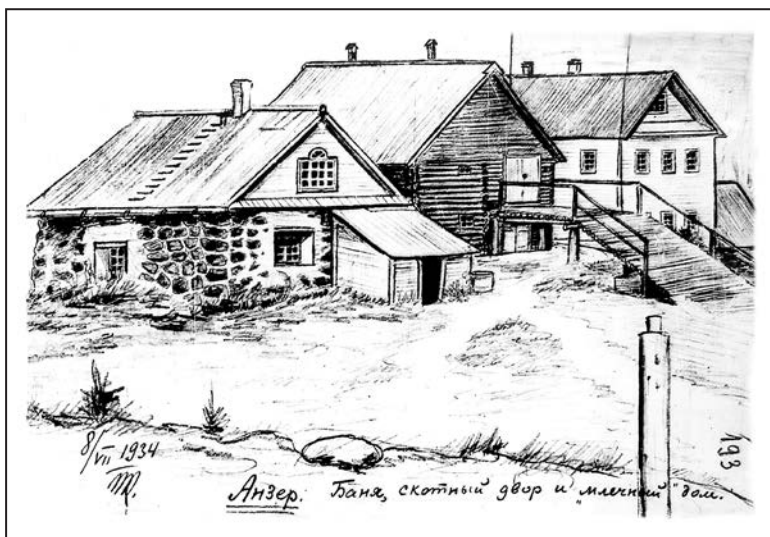
и находящихся вне музея; (3) охрана памятников старины, искусства и быта; (4) научная разработка собранного материала и его популяризация¹⁰.

Главной задачей музейных сотрудников был сбор экспонатов. Несмотря на многочисленные вывозы и пожар 1923 г., на территории монастыря и в скитах оставалось огромное количество предметов, представляющих музейную ценность. Зимой 1925–1926 гг. сотрудники историко-археологического отдела музея провели титаническую работу по розыску и сбору рассеянных повсюду и порой находившихся под угрозой уничтожения старинных икон, рукописей, книг, предметов быта и т.д. Велось обследование территории монастыря, башен, подземных ходов. Сотрудники хорошо осознавали, что после закрытия монастырь со всеми своими коллекциями успел побывать у разных хозяев, «не всегда понимавших великую историческую ценность того имущества, которое случайно оказалось в их распоряжении»¹¹, и поэтому спешили с обследованием островов и сбором экспонатов. В церквях и часовнях оставалось много икон, например, в Преображенском соборе «они были сложены целыми поленицами, как штабеля дров»¹². Медить было нельзя. На иконы уже положила глаз хозяйственная часть лагеря (из них получались отличные шкатулки), а церковные облачения шли на театральные костюмы. Из завалов после пожара отобрали остатки монастырского архива в количестве около 1500 единиц, 1126 старых книг и рукописей, более 2000 икон, 280 названий библиотечных книг. Очень интересные результаты дали раскопки в Успенской башне, где при монастыре располагалась оружейная палата, а во время

¹⁰ МСОК. Вып. 3. С. 19–23.

¹¹ Там же. Вып. 1. С. 15.

¹² Там же. Вып. 3. С. 19.

Анзер. Баня, скотный двор и млечный дом. 08.07.1934

Рисунок из материалов А. Евневича и П. Казаринова

пожара обвалились перекрытия, и древнее оружие оказалось под горами мусора. Большая коллекция очищенных от ржавчины и отреставрированных древних бердышей, копий, стрел, пущек, пицалей стала гордостью музея. Вскоре фонды музея насчитывали более 12 тысяч единиц хранения, но они не могли вместить всего, что представляло историческую и художественную ценность. Поэтому сотрудники музея решили все, что нельзя забрать в музей, регистрировать и принимать меры по сохранению на месте. С этой целью в 1925–1926 гг. были обследованы почти все острова. Так, В.П. Никольский и Н.К. Либин обследовали скиты на Анзере, Н.Н. Виноградов — церковь и неолитические лабиринты на о. Б. Заяцком, А.П. Иванов и В.П. Никольский — Фаворскую часовню на о-ве Б. Муксалма, также были разысканы и описаны землянки отшельников¹³.

Для музея была выделена надвратная Благовещенская церковь, и уже 16 апреля 1925 г. туда было перевезено основное собрание. В алтарной части разместили 500 наиболее ценных экспонатов, среди них — деревянная и оловянная посуда основателей монастыря, келейный белокаменный крест преп. Савватия, чудотворная Сосновская икона Корсунской Божией Матери в среброзлащенной ризе ручной художественной работы, образ Спаса Нерукотворного, написанный преп. Елеазаром Анзерским, рукописи, кресты, художественная парча «глубокой древности». В самой церкви и на хорах были выставлены предметы монастырского обихода и монашеского быта¹⁴.

Под музей было также занято и утешенное прясло крепостной стены от церкви до Белой башни. Здесь разместился подотдел старого металла и дерева, старинного

¹³ Новые Соловки. 1925. № 42. 1926. № 1, 4, 7, 10, 22, 23, 25, 29, 31, 34, 36, 39.

¹⁴ Иванов А. Указ. соч. С. 41–47.

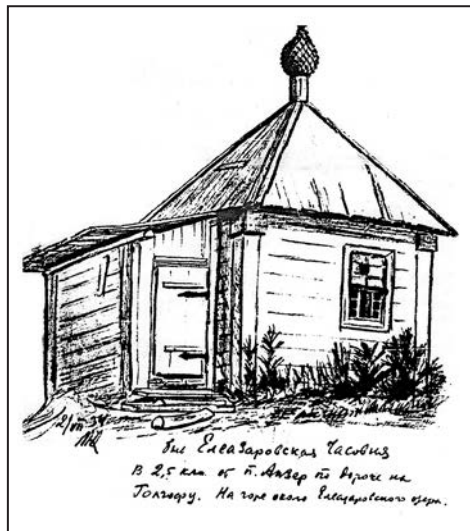
Анзер. Елеазаровская часовня. 02.07.1934

Рисунок из материалов
А. Евневича и П. Казаринова

оружия, а также природные коллекции. Отдельно в Прядильной башне разместили большие чугунные пушки на лафетах XVII–XVIII вв. Интересно, что в музее была экспозиция и по современной истории, развернутая параллельно отделу старого монастырского быта. Здесь были выставлены фотографии монастыря после пожара 1923 г., фотографии повседневной жизни заключенных, их изделия, литературные произведения, программы театра, газеты и журналы — издания УСЛОНа и многое другое, что несло на себе «специфический индивидуальный характер времени и лиц, его создававших и потреблявших»¹⁵.

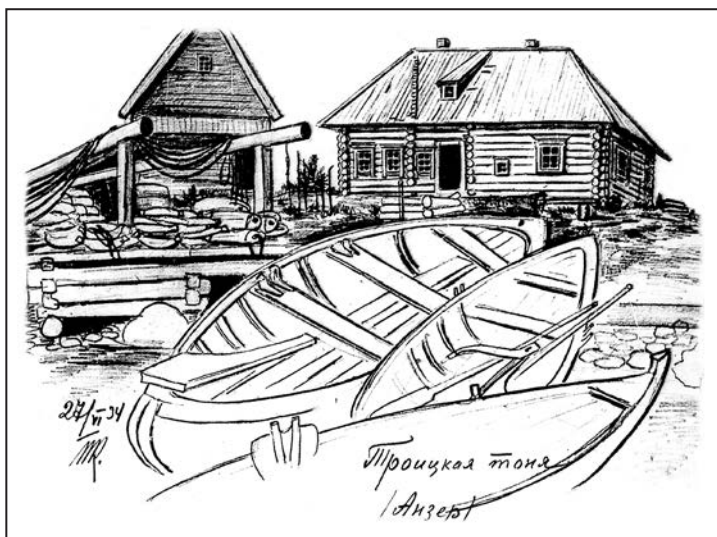
В распоряжении сотрудников музея были две рабочие комнаты, где находилась библиотека и проводились собрания. 19 июля 1925 г., по окончании организационных работ, состоялось торжественное открытие музея и Биосада, который входил в естественно-исторический отдел музея.

Сотрудники историко-археологического отдела параллельно с созданием экспозиции в Благовещенской церкви занялись организацией музея-заповедника в Спасо-Преображенском соборе, в котором почти полностью был цел иконостас. О сохранении этого уникального памятника архитектуры еще в 1923 г. поднимал вопрос в Москве Н.Н. Померанцев. В результате большой подготовительной работы 20 сентября 1925 г. собор был объявлен заповедником. В алтаре собора была открыта экспозиция по иконописи, в Архангельском приделе разместилась коллекция оригинальных гравированных медных досок XVIII–XIX вв. и оттиски с них, в самом соборе — экспозиция историко-археологической секции. Сохранилось ее описание, составленное сотрудником А.П. Ивановым: «Большинство предметов, собранных в соборе, нынешнем заповеднике, — предметы иконографического искусства, количеством до 2000 экземпляров, а также утварь, оружие и предметы домашнего обихода местного характера. Очень интересны коллекция лампадок и подсвечников, которые, согласно надписям, относятся к XVII в. В открытых серебряных раках лежат мощи Зосимы, Савватия и Германа, а в деревянных ящиках — Иринарха и Гермогена»¹⁶. (Автор ошибся: не Гермогена, а, вероятно, прп. Елеазара, мощи которого были вывезены с Анзера летом 1925 г.) Среди экспонатов отмечена и деревянная расписная напрестольная сень 1676 г., которая сейчас хранится

¹⁵ Новые Соловки. 1926. № 21.

¹⁶ МСОК. Вып. 1. С. 44.

Анзель. Троицкая тonya. 27.06.1934. Рисунок из материалов А. Евневича и П. Казаринова

в музее-заповеднике «Коломенское», являясь украшением его экспозиции. Позднее собор разгрузили, оставив в нем лишь иконы и христианские древности (церковную утварь, облачения). Экспозиции были оформлены так грамотно, что когда их осмотрел заместитель Председателя Совнаркома Карелии А.Н. Лесков, в СОК поступило письмо с просьбой помочь оформить Карельский музей¹⁷.

Одновременно со Спасо-Преображенским собором в музее появились новые отделы. Заповедником была объявлена деревянная церковь во имя апостола Андрея Первозванного на Б. Заяцком острове (1702). Как снаружи, так и внутри она к тому времени была еще сохранна, убранство было полностью Петровского времени, уцелела даже слода в окончинах. Известно, что ни одна экспедиция ничего не вывезла из этой церкви из-за ее удаленности. Кроме того, была взята на учет Успенская башня, т.к. в ней частично сохранился монастырский арсенал, отреставрирована Белая башня, под Сушилом было очищено от завалов шесть камер и открыта экспозиция по монастырской ссылке — Головленкова тюрьма¹⁸. К сожалению, в полной мере осуществить свои права на особо ценные памятники архитектуры музею не удалось, поскольку ко времени его организации часовни в Старой Сосновке и Филипповской пустыни, Воскресенская церковь и церковь во имя прп. Германа уже были использованы под нужды лагеря¹⁹.

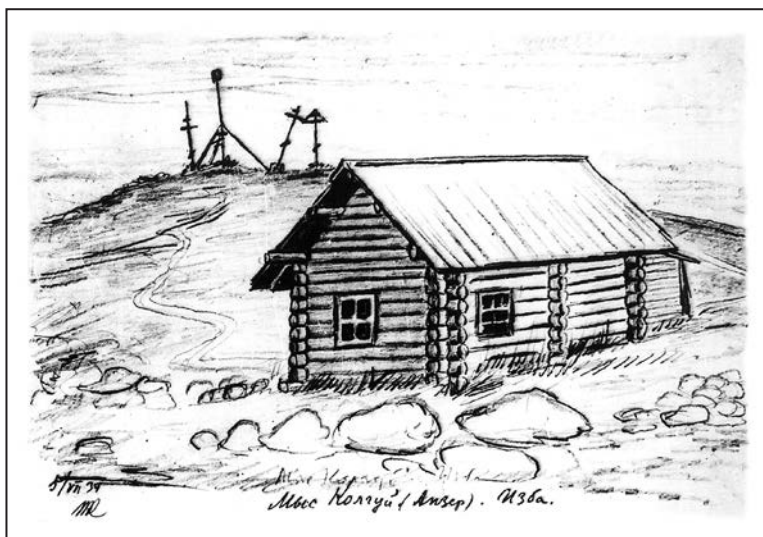
Большая роль сотрудниками музея отводилась культурно-просветительской работе. Для всех желающих проводили экскурсии. Музей посещали заключенные,

¹⁷ Серебряев А. Указ. соч. С. 11–15.

¹⁸ Долгое время считалось, что Головленкова тюрьма располагалась под Сушилом. Настоящее ее месторасположение — в районе Архангельских ворот — было недавно выявлено археологом В.А. Буровым (см.: Буров В.А. Головленкова тюрьма XVI – XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб., 2000).

¹⁹ МСОК. Вып. 3. С. 23–24.

Анзер. Мыс Колгуев. 05.07.1934. Рисунок из материалов А. Евневича и П. Казаринова

солдаты местного гарнизона, школьники, команды заходивших в Соловецкую гавань судов, на экскурсии специально приезжали группы из Кемь. Только за два первых года существования музея его посетили 16 500 человек. Большую помощь оказывали сотрудники созданной летом 1925 г. историко-археологической секции. Особенно ощутима эта помощь была в организации и проведении экскурсий и лекций, подготовке различных докладов и сообщений. Регулярно, два раза в месяц, проводились заседания секции с приглашением всех желающих. Вот только некоторые темы докладов, прозвучавших на этих заседаниях: «Соловецкий узник Петр Андреевич Толстой», «Подземелья в Соловках», «Памятники Соловецкого кладбища» (А.П. Иванов); «Голландские колокола в музее» (О.Э. Браз); «Символика в русской иконографии», «Три последних века Соловецкого некрополя» (Н.М. Миславский); «Соловецкий летописец» (В.П. Никольский); «Монастырь — приполярный промышленник» (В.И. Масальский); «Поморская свадьба» (Н.В. Энгельгардт). В периодических лагерных изданиях постоянно появлялись музейные публикации. В еженедельной газете «Новые Соловки» имелись постоянные рубрики «Старина» и «Хроника музея» и еженедельно печаталось несколько статей, информировавших о новых интересных находках и открытиях. Кроме того, велась большая и серьезная научная работа по изучению музейных коллекций и истории Соловецкого монастыря по тем документам, которые удалось спасти²⁰.

²⁰ Приклонский А. Пертоминский архив. Описание рукописей Преображенского Пертоминского монастыря. 1620–1796 // Там же. Соловки, 1927. Вып. 15; Иванов А. Соловецкая монастырская тюрьма // Там же. Соловки, 1927. Вып. 6; Старый соловецкий архив // Новые Соловки. 1926. № 45; Судьба соловецкого архива // Там же. 1926. № 13; Иванов А. Архивные богатства нашего Севера // Карело-Мурманский край. 1927. № 3; Масальский В. Монастырь — приполярный промышленник // Соловецкие острова. 1926. № 5–6, 7; и др.

Для многих заключенных работа в музее была спасением, «стопы рукописных книг в кожаных перешлехах с медными застежками отгораживали от лагерных тревог, приносили ощущение причастности большому нужному делу — где бы его ни делать»²¹. К сожалению, далеко не о всех авторах этих исследований мы можем сегодня рассказать, иногда даже их имен мы не знаем, но это не умаляет значения их трудов.

О Николае Николаевиче Виноградове (1876–08.01.1938) мы знаем достаточно много. Родом он из Костромской губернии, учился в Московском и Петербургском университетах, редактировал журнал «Живая старина», участвовал в создании академического «Словаря русского языка», четвертого издания словаря В.И. Даля, был избран секретарем Отделения этнографии и действительным членом Императорского Русского Географического общества, членом и сотрудником Общества любителей древностей и т. д. В 1926 г. за службу в канцелярии Костромского губернатора был арестован и сослан на Соловки. С самого прибытия в лагерь он стал активным сотрудником музея, с 1927 г. — его заведующим, с 1928 по 1932 г. являлся ученым секретарем СОКа, написал 4 тома (!) научных работ, 30 статей, редактировал 23 выпуска материалов Общества. Перечень работ и публикаций Н.Н. Виноградова выдает в нем разностороннего исследователя: археолога, историка, этнографа. В 1926–1927 гг. им была обследована церковь на Заяцком острове и вскоре вышла монография «Обозрение христианских древностей Музея СОК. Отдел II. Заповедник Б. Заяцкого острова. Деревянная Андреевская церковь» («Материалы» СОКа, вып. XIII). В монографии дано подробнейшее описание этого памятника: внешний вид, особенности архитектуры, интерьера, приводится полный перечень всех икон иконостаса с указанием размеров и характерных особенностей, достопримечательных вещей, рукописей и книг, приводятся тексты всех надписей на иконах, крестах и т.д. Надо ли говорить, какой это бесценный материал для современного исследователя. Предисловие, сделанное Н.Н. Виноградовым к этой монографии, заслуживает того, чтобы его здесь процитировать: «народное искусство не государственно, а национально, так же, как и народная речь, которою равно пользовались и Грозный, и Пушкин, и Ленин... Народное искусство на известной ступени развития является проявлением национального духа и нисколько не определяется случайной внешней политической окраской, не страдает приверженностью к ней... В настоящее время только люди, совершенно чуждые чувства художественности, в своем стремлении вперед готовы сжечь и вырвать с корнем все, что им хотя бы в малейшей дозе напоминает о прошлом. По странной случайности они как раз и являются единомышленниками тех борцов за старый уклад, которых следует считать наиболее злейшими врагами всего того, что уцелело лучшего от старины; которые под видом старины стремятся провести в жизнь самую гнусную подделку под нее. Кому, например, мешает старая покосившаяся деревянная церковушка? Она безмолвна. Колокола с нее, и те сняты. Было бы прямым преступлением перед будущим, если бы утерялось хотя бы одно зерно с нивы народного

²¹ Волков О.В. Указ. соч. С. 74.

творчества, возвращенной веками, ценной своей неизбывной красотой»²². В 1927 г. Николай Николаевич организует археологические работы, результатом которых было открытие более 500 разновременных искусственных каменных сооружений, в том числе трех святилищ. Уже в следующем году выходит его труд «Соловецкие лабиринты, их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников» («Материалы» СОКа, вып. IV). Это был первый серьезный труд об археологических памятниках Соловецких островов. Виноградов пытался обратить внимание и на историческую ценность бытовых предметов, опубликовав статью «Старинные металлические изделия Соловецкого монастыря в музее СОКа» («Соловецкие острова». 1926. № 7). Таков далеко не полный круг интересов этого крупного исследователя Соловков. В 1937 г. Н.Н. Виноградов был повторно арестован и расстрелян.

А вот В.П. Никольского мы даже по имени не знаем, известны только инициалы. Между тем он много сделал для будущих исследователей иконописного собрания Соловков. Его многочисленные статьи на эту тему, а также монография «Обозрение отдела христианских древностей музея СОКа» («Материалы» СОКа, вып. XI), в которой дано подробное описание икон Спасо-Преображенского собора со всеми особенностями и размерами, содержат ценнейшие данные для их атрибуции.

Историк А.П. Приклонский изучал архивные материалы. На их основе он опубликовал несколько статей: «Житие митрополита Филиппа XVII в.», «Соловецкий монастырь. Исторический очерк», «Симеон Бекбулатович» и др. А когда в 1926 г. в музей поступил архив Пертоминского монастыря, А.П. Приклонский занялся его разборкой и изучением. Результатом этой работы стала монография «Пертоминский архив. Описание рукописей Преображенского Пертоминского монастыря 1620–1796 гг.» («Материалы» СОКа, вып. XV).

Заметный след в истории музея СОКа оставил Осип Иммануилович (Эммануилович) Браз (1872–1936). Известный художник, участник «Мира искусства», автор одного из лучших портретов А.П. Чехова, в лагерь он попал в 1924 г. по ложному обвинению «за осведомление англичан о предстоящей продаже ценностей Эрмитажа»²³. На Соловках он принимал активное участие в создании музея, некоторое время был его заведующим, но в основном занимался памятниками, их зарисовками. Часть этих прекрасных рисунков сохранилась, находится в фондах музея Истории религий в Санкт-Петербурге.

Активным сотрудником музея был епископ Мануил (Лемешевский) (1884–1968), сосланный на Соловки в 1924 г. В лагере он был назначен помощником библиотекаря и архивариусом, что дало ему возможность иметь доступ к рукописям. С 1926 г. епископ стал постоянным сотрудником музея и специализировался на вопросах местной археологии и старины. Вот перечень основных трудов, созданных им в лагере только за 1927 г.: «Соловецкий некрополь (описание Соловецкого кладбища с таблицами, диаграммами по алфавитным и хронологическим спискам всех умерших из братии за последние сто лет)», «Соловецкие Синодики (описание

²² Виноградов Н. Обозрение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II. Заповедник Б. Заяцкого острова (древняя Андреевская церковь) // МСОК. Соловки, 1927. Вып. 13. Предисловие, с. 1–2.

²³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. Л. 607.

16 Соловецких древних с XVII в. и новых Синодиков, хранящихся в музее СОКа», «Соловецкое старчество», «Соловецкое пустынножителство и отшельничество», «Соловецкий Сад спасения (Новый Соловецкий патерик. Больничный и темничный Цветник. Современные соловецкие боголюбцы)», «Синодик Соловецких подвижников за 500 лет существования монастыря. С приложением родословия Соловецкого подвижничества и месяцесловы за пять веков», «Мистический элемент в истории Соловецкого монастыря», «Соловецкие церковники (опыт описания жизни соловецких церковников за период 1923–1927 гг. с полными их списками)». Большинство из этих трудов к концу года были закончены, но не все увидели свет: часть рукописей была изъята при отъезде автора с острова и уничтожена, другие, в частности, «Соловецкий цветник», опубликованы только сейчас²⁴.

Кошированием древних грамот занимался другой заключенный епископ — Аркадий (Остальский) (1888–29.12.1937), расстрелянный в Бутово и причисленный к лику святых в 2000 г. Им было скопировано 28 документов 1625–1797 гг. Большинство из них сегодня хранится в Государственном Историческом музее. Там же находится «Описание нотных рукописей Соловецкого монастыря», сделанное протоиереем Чуевым из Воронежа и священником Львом Константиновым, «Описание рукописей» составленное известным историком литературы Дмитрием Ивановичем Абрамовичем (1873–1955), сосланным на Соловки в конце 1920-х гг. Сотрудничал с музеем и Алексей Николаевич Греч (1899–07. 04.1938). Блестящий историк искусства, краевед и музеевед, в 1930 г. он был арестован и осужден на 10 лет. В лагере на Соловках работал в библиотеке. Здесь он написал свой наиболее известный труд «Венок усадьбам» (47 очерков о подмосковных усадьбах). В 1938 г. арестован повторно и расстрелян.

Реставрацией икон некоторое время занимался Александр Иванович Анисимов (1877–02.09.1937). Искусствовед, специалист по древнерусской живописи, научный сотрудник комиссии Отдела музеев Наркомпроса, в 1930 г. он был арестован и сослан на Соловки, затем переведен на материк в пос. Кузема, где, обвиненный в монархизме, был расстрелян.

Следует отметить, что Соловецкое Общество Краеведения было закрыто в начале 1930-х гг., и до 1937 г. музей оставался уже единственным научным учреждением на острове. В 1934 г. его сотрудниками Александром Афанасьевичем Евневичем (1881–08.12.1937) и Пантелеймоном Константиновичем Казариновым (1885–27.10.1937) были проведены завершающие обследования всех памятников островов. К счастью, этот огромный труд, хотя и в неполном виде, дошел до нас и представляет особую ценность (особенно если учесть, что часть этих памятников погибла). Сохранились материалы обследования и регистрации с описанием и зарисовками 274 памятников («Сводный обзор материалам обследования, учета и описаний памятников

²⁴ Иоанн, митроп. С.-Петербургский и Ладожский. Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1993. С. 84–92; Мануил (Лемешевский), митроп. Соловецкий цветник. // Духовный собеседник. 2000. № 1. С. 73–98. № 2. С. 38–76.

Пантелеймон Казаринов

старины, искусства и культуры на Соловецких островах»)²⁵. Известно, что было проведено такое же полное описание памятников и экспонатов на территории монастыря, но нахождение этих двух томов с описанием 11 261 экспоната пока не выявлено.

Об А.А. Евневиче мы знаем только, что он родился в селе Михайловка Екатеринославской губ., дворянин, имел имения в Полтавской губернии, образование — высшее, перед арестом — заведовал лабораторией каучука и гуттаперча. Осужден 11 марта 1933 г. по ст. 58-4, 6, 7 на 10 лет. Расстрелян. О П.К. Казаринове мы знаем гораздо больше, отыскались его родственники. Он родился в Иркутске, окончил

юридический факультет Петербургского университета, вернулся на родину, увлекся краеведением, в 1922 г. стал председателем Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества — старейшей научной организации Сибири. В 1927 г. переехал в Новосибирск, где был утвержден в должности ученого секретаря редакции «Сибирской советской энциклопедии», — фундаментального справочника по Сибири. Вскоре он стал директором краевой научной библиотеки, одновременно преподавал в институте, но 21 января 1933 г. был арестован, осужден на 10 лет и отправлен на Соловки. Здесь, работая сторожем, подсобным рабочим, дворником, перевел на русский язык карело-финский эпос «Калевала» и передал его в музей. Затем был сотрудником музея. Расстрелян.

Последним директором музея был Иван Иванович Ваняг (1877–27.10.1937). Лагшц, родился в Вольмарском уезде, образование — высшее, до революции — почтовый чиновник, перед арестом — управляющий московской таможней. Осужден 4 августа 1933 г. по ст. 58-9 на 5 лет. Расстрелян.

А из числа последних сотрудников музея можно назвать украинцев Ковальчука, Синчука, харьковского писателя Николая Константиновича Стрельцова, а также известного лингвиста, членкора АН СССР Николая Николаевича Дурново (1876–27.10.1937). В лагере на Соловках Николай Николаевич закончил большой труд «Сербохорватская грамматика», до самого конца занимался описанием монастырского архива, рукописных и старопечатных книг, которые доставлялись ему в тюремную камеру. Расстрелян²⁶. Еще следует упомянуть имя Алексея Феодосьевича

²⁵ Фотокопия этой рукописи имеется в научном архиве Архангельского областного краеведческого музея под № 24698.

²⁶ Архив УФСБ по Архангельской области — Протоколы заседания тройки УНКВД по Ленинградской области, № 81 от 09.10.1937, № 198–199 от 25.11.1937; Потапов В. Профессор А.Ф. Вангенгейм. Курск, 2001; Неберекутино Е. Обзор фонда «Соловецкий музей» // Труды ГИМа. М., 1993. Вып. 84. С. 56–74.

Алексей Вангенгейм

Вангенгейма (1881–03.11.1937). Дворянин, профессор, организатор и начальник Гидрометеокомитета при Совнарком, он был осужден в марте 1934 г. по ст. 58-7, 10, 11 на 10 лет и отправлен на Соловки. Расстрелян. Сохранились его письма семье с Соловков, которые автору любезно предоставила дочь Алексея Феодосьевича Элеонора Алексеевна. Читая их, вспоминаешь слова из воспоминаний одного из Соловецких узников: «Как велик дух человека! Несмотря на жестокие условия, лучшие представители заключенных не падали духом, не деградировали, как ни давила на них система. Насколько хватало

сил, они пытались расправить плечи, жить полной жизнью — хотя бы в своем творчестве». Считаю уместным поместить ниже отрывки из писем А.Ф. Вангенгейма²⁷, из которых видно, в каких условиях работали сотрудники лагерного музея.

Музей на Соловках был закрыт в 1937 г., когда СЛОН был реорганизован и осенью прошли массовые расстрелы заключенных. В августе 1939 г. перед закрытием тюрьмы на Соловки приезжали представители музейного отдела Наркомпроса Ф.Я. Селезнев и М.Н. Кузнецов. Ими было вывезено около 700 предметов музейного значения. Среди вывезенного были мощи прпш. Зосимы, Савватия и Германа, 63 иконы XVI–XVII вв., 70 рукописных книг. Были потом еще и другие вывозы. Многие из этих экспонатов сегодня занимают достойное место в центральных музеях страны. Их спасли для нас люди, оказавшиеся на Соловках не по своей воле...

Из писем А.Ф. Вангенгейма с Соловков (1936–1937 гг.)

16.10.36

Я пишу из новой квартиры. Временно переселился в музей, чтобы исполнять обязанности дневального и сторожа, пока товарищ — новый заведующий не осмотрится и не обеспечит себя необходимым персоналом. Работы в библиотеке не бросил.

3.11.36

Поздравляю с великим праздником. Третий по счету провожу без вас и вдали от вас. Проведу его среди жаркой работы, так как в эти дни у нас в музее будут массовые экскурсии. Со своим новым ампула освоился. Теперь по роду своей работы должен разобраться в эпохах картин, в древности рукописей. Правда. Мне

²⁷ Письма хранятся у Элеоноры Алексеевны Вангенгейм, проживающей в Москве.

приятели помогают своими знаниями, но приходится штудировать и литературу. Конечно, все это урывками, т.к. к нагрузке сторожа, истопника, уборщика сверх моей официальной должности научного сотрудника, отнимает много времени. Но я чувствую, как в понимании вещей я расту, предполагаю даже скоро прочитать лекции музейному активу об униках Соловецкого музея.

...до 1 ноября пришлось работать по инвентаризации библиотеки, в которой я все же продолжаю работать, а с 1-го спешно готовимся к праздникам.

11.11.36

Вот и праздники прошли: прошли в горячей работе, суете.

Я должен был к празднику прибрать 1110 кв. м помещения, да около 10 000 экспонатов освободить от пыли. Должен был изучить отделы музея, чтобы проводить экскурсии... С материалом в общем ознакомился, хотя он оказался не таким простым. Дело в том, что на мою долю пришлось историко-художественные отделы, а их-то мне пришлось изучать основательно, не то, что естественно-исторические, для ознакомления с которыми оказалось достаточным обтереть пыль со всех экспонатов. Кроме того, пришлось устраивать монтаж на выставку в театр от музея и оформлять сам музей.

Я, кажется, писал тебе, что я здесь немного специализировался на рисовании портретов на стекле тушью. Вещь сравнительно простая, но качество портретов получается очень высокое. К настоящей годовщине в самом начале музея поместил такой портрет Сталина.

...немного практикуюсь в разговорном немецком, один товарищ приходит ко мне со своим обедом, разогревает его у меня на плите и это время обучает меня оборотам речи.

17.11.36

Последние дни кроме выходных пришлось проводить чуть ли не ежедневно экскурсии. Пока объяснения удовлетворяют слушателей, но приходится варьировать в форме и содержании объяснений в зависимости от публики. Когда попадаетесь знакомый с вопросами искусства, — с удовольствием углубляешь эту сторону вопроса. Экспонатов достаточно, начиная с иконописи XVI века и резьбы по дереву даже XV века. Изучаю сейчас историю военного дела, чтобы открыть специальный отдел в отведенной нам кремлевской башне.

3.02.37

Я сейчас специализируюсь на лекциях тем, кто не хочет слушать. Так встретила меня одна камера, над которой я взял своего рода шефство в отношении лекций. Но с самого начала лекции отношение аудитории изменилось, и теперь я при каждой лекции получаю заказ по крайней мере на две следующих. Мне как педагогу интересно проводить такие чисто методические опыты.

3.03.37

Как помогают мне зимой твои валенки! Проводить экскурсии по холодному музею, по казематам и заповеднику в валенках очень хорошо. Ноги не мерзнут.

А то ведь слушатели меняются, а мне без перерыва с 11 до 5 ч. каждый выходной день. Работы по-прежнему много, вожусь с библиотекой, разрабатываю отдел монастырской экономики, и все это вперемежку с чисткой снега, уборкой помещения, рубкой дров, топкой печей и выдачей книг абонентам. В работе время проходит незаметно, ближе к сроку. Но как-то и ближе к смерти. Но что же делать?

1.04.37

Работы в музее идут своим чередом. Перевожу все на настоящие марксистские рельсы, не без интереса вожусь с историческими документами, книгами, в поисках экспонатов. Отыскиваю интересные вещи, вычерчиваю карты для экспозиции. Мы собрали специальное совещание высококвалифицированных историков и искусствоведов для рассмотрения планов развертывания исторического отдела. Рассмотрены два плана, один из них — мой, по идеологической установке диаметрально противоположный другому, автором которого был дипломированный историк. Принципиальных возражений мой план не встретил.

1.05.37

К 1 мая закончил в основном развертывание всех отделов. Развернул и экономисту монастыря XV–XIX веков, как раз то, что все специалисты на совещании признали весьма желательным, но совершенно невыполнимым. Пришлось отыскивать экспонаты, рисовать карты, раздобывать документы.

23.05.37

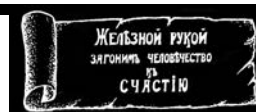
Экспозиция разрослась настолько, что вместо 1 ч. 20 мин обхода с экскурсией сейчас приходится тратить 3,5–4 часа, максимально сокращая объяснения, а одна группа, правда квалифицированная, за четыре раза по 2 часа каждый еще не кончила осмотра. В таких случаях я несколько увлекаюсь и даю более подробные объяснения, особенно по истории искусства. На днях разверну «Соловецкую медицину» с ее чудесами.

14.04.37

Я, кажется, писал тебе о своих хлопотах о выяснении пункта, по которому я осужден. Три года понадобилось для того, чтобы окончательно добиться правильного ответа, а именно, что у меня 58 ст. п. 7, т. е. «вредительство» (экономич. контррев.), но нет п. 10 (агитация против Советской власти). До сих пор все время сообщали, что есть и тот, и другой пункт, и только на днях я добился ответа — 10 п. нет. Правда, это мало меняет дело, но само по себе характерно, что только на 4-й год сидения узнаешь, за что осужден.

А.Ф. Вангенгейм был расстрелян на Соловках в ноябре 1937 г.

«На Вас вся надежда...»

ПИСЬМА ЗАКЛЮЧЕННЫХ Е.П. ПЕШКОВОЙ

В Государственном архиве Российской Федерации есть фонд № 8409 «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным», включающий около 1800 дел, в каждом из которых находится множество — иногда сотни — документов. Это письма и заявления родственников арестованных, а также самих заключенных и ссыльных с самыми разными просьбами: облегчить участь, помочь материально, узнать о судьбе близкого человека.

История этого фонда такова. В 1918 г. в Москве было создано Московское Общество Красного Креста для помощи политическим заключенным во главе с В.Н. Фигнер. В работе Общества принимали участие А.А. Кизеветтер, Е.Д. Кускова, С.П. Мельгунов, А.Л. Толстая, Д.И. Шаховской, Н.К. Муравьев и другие. Вскоре председателем Общества стала Екатерина Павловна Пешкова (первая жена А.М. Горького), оставшаяся в этом качестве до самого его закрытия, а ее заместителем с 1924 г. стал Михаил Львович Винавер. В 1922 г. Общество в соответствии с Постановлением ВЦИК от 12 июня 1922 г. было перерегистрировано и получило название «Помощь политическим заключенным». В задачу Общества входило оказание помощи лицам, лишенным свободы по политическим мотивам, без различия их партийной принадлежности. Е.П. Пешковой разрешалось посещать все тюрьмы и другие места заключения арестантов и задержанных и в присутствии администрации вести с ними беседу, оказывать помощь одеждой, продуктами и медикаментами, вести переписку с государственными учреждениями с целью облегчения условий содержания. Источником финансирования Общества были пожертвования от организаций и частных лиц, в том числе — и из-за границы. В штате Общества числилось всего несколько человек, но первые годы его работы были очень плодотворными, десятки тысяч несчастных людей получили моральную и материальную поддержку, а в конце 1920-х годов Общество помогло уехать в Палестину многим евреям, в том числе — из ссылок и лагерей. Но с конца этого десятилетия осуществлять свою деятельность Обществу становилось все труднее, его ходатайства удовлетворялись редко, возникли сложности с финансированием, и уже к началу 1930-х годов вся деятельность свелась к наведению справок об арестованных и оказанию консультаций родственникам. В середине 1937 г. Общество было закрыто по распоряжению наркома внутренних дел Н.И. Ежова.

Богатый архив Общества и составил вышеуказанную документальную коллекцию ГАРФ. В частности, в фонде Е.П. Пешковой очень много материалов,

связанных с Соловками: это и списки политзаключенных за 1924–1926 гг., и материалы обследования условий их содержания, и кассовые книги с перечнем всех посылок и денежных переводов, и прошения в государственные органы, и, конечно, обращения за помощью, в каждом из которых — своя история, своя трагедия. Все материалы объединяет одно — безвинные страдания арестованных и страстное желание их близких хоть как-то облегчить эти страдания.

Здесь публикуется лишь очень небольшая часть этих документов. Но и они дают ясное представление о той эпохе. Читая представляемые документы, можно понять, какие разные люди оказывались под катком репрессий. Среди авторов обращений — священномученик Сергей Знаменский, мать священномученика Игнатия (Садковского), жена священноисповедника Петра Чельцова, поэт Максимилиан Волошин и многие другие...

При издании документов сохраняется орфография подлинников.

I. ПРОШЕНИЕ Е.И. САДКОВСКОЙ (1923 г.)

Наркомюст
Помощнику Прокурора Республики Каганьяну
Елизаветы Ивановны Садковской

Прошение

Сын мой Игнатий Садковский, епископ Белевский, был арестован в половине января текущего года в связи с вопросом о Живой Церкви. С ним арестован и другой мой сын Лев (в монашестве Георгий) Садковский. Они находятся в Тульской тюрьме и обвиняются в контрреволюции. В настоящее время они осуждены в ссылку на Соловецкий остров на Белом море. Сын мой Игнатий очень больной: он перенес три раза острый сочлененный ревматизм, последствием чего у него явился порок сердца; он страдает хроническим катаром желудка, с выпадением прямой кишки, временами у него появлялось кровохаркание, правая нога не правильна. В последнее время, по полученным известиям, он расстроился нервами.

Посему усердно прошу облегчить его положение и выдать его мне на поруки. Если это невозможно, то назначить ему отбывание наказания в Москве. Усердно прошу также в случае отбывания тюремного наказания не отделять от него его брата Льва Садковского, так как сын мой Игнатий человек весьма непрактичный в жизни и по состоянию своего здоровья постоянно нуждается в присмотре и поддержке. Это последнее, а также его болезненность, я думаю, подтвердят и администрация Тульской тюрьмы и доктора. Прошу Вас подвергнуть его медицинскому осмотру и обратить внимание на мою просьбу.

Мать Игнатия и Льва Садковских Елизавета Садковская. Адрес: Москва, Софийка, д. 13, кв. 3. 1923 года 4 сентября.

В дополнение к моему прошению считаю нужным обратить Ваше внимание на то, что сын мой Игнатий обвиняется в контрреволюции, но он по своему настроению и характеру не может быть контрреволюционером. Он и до революции

Епископ Игнатий (стоит) с матерью
и братом, иеромонахом Георгием

не принадлежал ни к какой партии. Человек совершенно вне политики. Если он отказался от повиновения Живой Церкви, то только по религиозным побуждениям. Ни к каким активным действиям против Гражданской власти, уверена, он не способен как человек очень религиозный, скромный, неискательный и никогда политикой не занимавшийся.

Елизавета Садковская.

1923 года 4 сентября¹.

Примечание: Игнатий (Садковский) (02.10.1887–09.02.1938) — с 1920 г. епископ Белевский, с 1933 г. — Скопинский, священномученик. Родился в семье священника.

С 1918 г. — духовник московского Данилова монастыря. Вместе с братом иеромонахом Георгием был в лагере на Соловках дважды, после еще неоднократно арестовывался. В 1937 г. приговорен к 10 годам заключения и сослан в Кулойлаг Архангельской области, где и скончался. Память 27 января / 9 февраля.

Георгий (Садковский) (1896–04.03.1948) — иеромонах, затем архимандрит. В 1934 г. хиротонисан во епископа Камышинского викария Саратовской епархии. В 1947 г. назначен епископом Порховским Псковской епархии. Скончался в Псково-Печерском монастыре по одним источникам — 4 марта, по другим — 4 мая.

II. ОБРАЩЕНИЕ А.П. РЮМИНА (1924 г.)

От политзаключенного Савватьевского скита Соловецкого Концлагеря
А.П. Рюмина

Заявление

После моего ареста в феврале 1922 года я был лишен возможности помогать своей семье, жене с малолетним ребенком. Непосильная работа за это время подорвала ее здоровье, и в настоящее время она тяжело больна и лежит в больнице, надежд на выздоровление нет. Сын, 4 года, остался в крайне тяжелом положении без надзора и без средств к существованию. Поэтому обращаюсь в ОГПУ с просьбой разрешить мне взять его к себе в лагерь. Прошу Вас поддержать мое заявление и способствовать переправке сына ко мне. А. Рюмин 8 августа 1924 г.²

¹ 1923 г. Д. 28. Л. 47–48 об.

² 1924 г. Д. 42. Л. 253.

III. ОБРАЩЕНИЯ Т.А. ПОПОВОЙ (1924 г.) И С. ГЕССЕНА (1925 г.)

Уважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что обращаюсь к Вам и беспокою, но мой жених Гессен Сергей так много говорил о Вас, что я решила написать и просить Вас походатайствовать о пересмотре моего дела.

Я студентка ЛГУ была арестована в ночь на 11 апреля 1924 г., по истечении следствия мне предъявили обвинение по ст. 62, 68, 72 УК, а потом приговор — заключение в концлагерь на три года. Считаю долгом заявить, что у меня ничего не было найдено при обыске и в университете, я все свое время посвящала для науки. Объясняя свой арест массовым студенческим арестом, происшедшим в эту ночь и такой приговор по отношению ко мне безусловной ошибкой, так как ни в какой контрреволюционной организации никогда не состояла и к политике вообще не имела никакого отношения — считаю себя невинно осужденной. Только потому и решилась обратиться с вышеуказанной просьбой. Здесь я состою в студенческой беспартийной группе.

Попова Таисия Александровна. Соловки. 21 августа 1924 года³.

† † †

Ленинград 1 февраля 1925.

Глубоко уважаемая Екатерина Павловна!

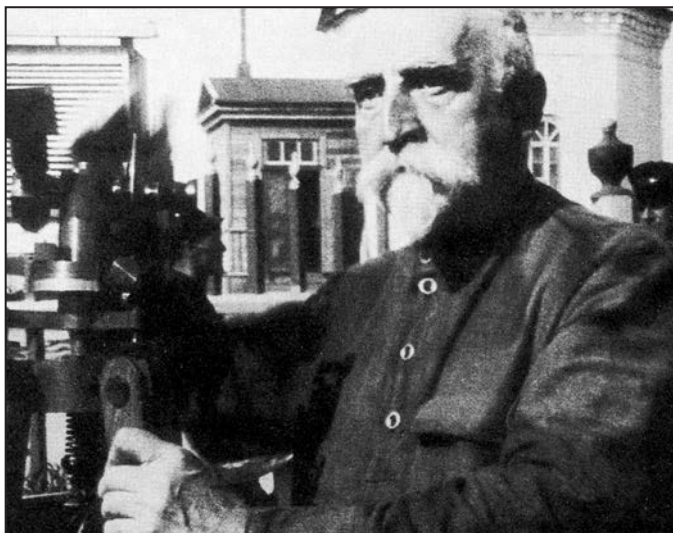
Спешу уведомить Вас, что моя невеста Таисия Александровна Попова, находящаяся в Соловках на Кондострове, известила меня об отправке ею 2 января форменных заявлений в Комиссию ОГПУ и Верховный Суд и просит сообщить об этом Вам. Не знаю только, пошли ли они непосредственно в Москву или предварительно еще в Соловки в Управление. Послать же заявление на адрес «Помощи» ей не было разрешено.

Если помните, летом Вы в ответ на просьбу Любови Васильевны Красиной были так бесконечно добры, что обещали мне ходатайствовать за мою невесту, коль скоро она пошлет требуемое заявление, и мы получим письмо от нее. В свое время я переслал Вам такое письмо от Николая Александровича Морозова и одновременно удостоверение о состоянии здоровья Т.А. Поповой от пользовавшего ее профессора. Кроме того, мы получили заручительство от самого Леонида Борисовича Красина, что он в июне минувшего года дал тов. Ягоде поручительство за мою невесту и рекомендовал во всех сношениях с тов. Ягодой ссылаться на это его поручительство. Совершенно недоумеваю, почему оно до сих пор не возымело действия.

Может быть теперь, с отправкой заявления моей невесты Вы найдете возможным, уважаемая Екатерина Павловна, принять зависящие от Вас меры к завершению начатого Вами дела, такого доброго и такого справедливого! В случае если понадобится, мы не замедлим переслать Вам заявление и от матери Т.А. Поповой, которую, я уверен, не откажутся поддержать кое-кто из близко знающих мою

³ 1924 г. Д. 42. Л. 92.

Владимир Иванович Кривош-Неманич. Кадр из к/ф «Соловки», 1928 г.

невесту коммунистов и старых революционеров. Не откажите в любезности поставить меня в известность о Вашем мнении насчет всего этого.

Екатерина Павловна! Вам уже приходилось, вероятно, слышать столько благодарности за доброту Вашу и неизменную отзывчивость к людскому горю, что моя скромная благодарность за Ваше желание помочь нам уже не может принести Вам удовлетворения, но мне все-таки хочется и за себя, и, исполняя желание моей невесты, без конца благодарить Вас и выразить нашу общую надежду на то, что Ваше содействие поможет выяснить эту несчастную ошибку и тем самым вернуть свободу и счастье моей невесте, 19-летней жертве случайности, которая уже в течение года несет незаслуженно тяжелую кошмарную долю.

Искренне всегда преданный Сергей Гессен. Ленинград, Пушкинская ул. 19–24⁴.

Примечание: Несмотря на многочисленные ходатайства жениха и родственников, после полного отбытия срока на Соловках Т.А. Попова получила еще два года ссылки.

IV. ОБРАЩЕНИЕ В.И. КРИВОШ-НЕМАНИЧА (1924 г.)

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Только что я получил от Вас посылку от 25 февраля 1924 г. и спешу принести Вам свою глубокую душевную благодарность. Посылка эта была для меня совершенной неожиданностью, поэтому она была тем приятней, не говоря уж о том, как она пришлась кстати, как все ее содержимое мне пригодилось!

Я не знаю, кому я обязан сообщением Вам моего адреса и посылаю и ему свое искреннее спасибо. Я теперь, благодаря Вам, обеспечен теплым бельем и не боюсь

⁴ 1925 г. Д. 67. Л. 95–95 об.

здешних морозов и постоянных ветров, которые здесь продержатся еще месяца два с половиной.

Я не знаю, смею ли я еще рассчитывать на Вашу помощь, но если да, то на всякий случай разрешите сообщить Вам свою нужду. Мне крайне необходимы самые простые дешевые брюки (или галифе или рейтузы) так как моя единственная пара вся в заплатках и разваливается совсем.

Вторая моя нужда: кальсоны. К несчастью, я большого роста и значительной толщины. Очень вам благодарен и за сахар, масло, сало. Круп мне хватает тех, что получаю в виде пайка.

Будучи гражданином Чехо-Словацкой Республики, где у меня брат, у которого бы я мог дожить свой век (мне седьмой десяток лет), моя мечта, чтобы меня обменяли на арестованного там и дали возможность уехать на родину. Может быть, Красный Крест сумеет оказать мне в этом помощь? Я осужден Коллегией ОГПУ на 10 лет по ст. 66 несмотря на то, что я шпионом никогда не был и, конечно, не буду. Я был 30 лет профессором в Петрограде, беспартийный, служил в Государственном совете, а последнее время — в Наркомате иностранных дел в Москве.

Еще раз благодарен за все. С совершенным почтением Владимир Иванович Кривош-Неманич. 12 марта 1924 г.⁵

Примечание: Кривош-Неманич Владимир Иванович (1862-?). Профессор, автор универсальной стенографической системы — двоюродный брат врача Л.Н. Толстого — Д.П. Маковецкого. По обвинению в шпионаже был приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет заключения и сослан на Соловки. В лагере пользовался большим уважением. За знание более десяти языков имел прозвище «язычный дедушка». Был заведующим гидрометеорологической станцией, печатался в журнале «Соловецкие острова». По некоторым данным, в конце 1920-х гг. с Соловков вывезен в Москву. Дальнейшая судьба неизвестна.

V. ОБРАЩЕНИЕ Г. ПЕРОЗИО (1925 г.)

В Общество помощи политическим заключенным
Политического этапного заключенного Перозио Георгия

Заявление

Я итальянец, родственник духовного композитора Перозио и журналистов Джиовани и Джулио Перозио. Крайне нуждаюсь в одежде (костюм совершенно истрепался), в белье, в продуктах питания, в лимонной кислоте, как противоцинготном средстве. Следую в Соловки на три года и, совершенно не имея денег, прошу не отказать ходатайствовать перед итальянским консульством об оказании мне возможной помощи и об уведомлении поименованных моих родственников в Италии, они или в Риме, или в Генуе.

⁵ 1924 г. Д. 40. Л. 356–357.

Осужден я по ст. 60 УК за службу в 1919 году в телеграфном агентстве печати при Деникине. По профессии я журналист. 23 февраля 1925 г. К сему Георгий Перозио⁶.

VI. ОБРАЩЕНИЕ А. АДОВОЙ (1925 г.)

Комитету помощи политическим заключенным. Е.П. Пешковой
г. Москва, Кузнецкий Мост, 16.

В апреле месяце 1924 года сын мой, студент Ленинградского географического института, Сергей Адов был арестован и сослан в Соловки. Вот сидит уже больше года, страшно, как видно, изнурился и по всей вероятности всего заключения 3 года сын из-за своего плохого здоровья не вынесет, у него туберкулез верхушек легких, и я, мать, страдаю также. У меня это последний сын, другой сын умер от голода в 1919 году. О причинах его высылки я нигде добиться не могла, но могу только догадываться, что он анархист, зачитывался Кропоткиным, и вся его вина в этом. Умоляю Вас, облегчите участь моего сына, он не преступник, но только не признает никакой власти и никому никогда никакого зла сделать не может. Прошу Вас исходатайствовать для меня свидание с ним, где следует, средств у меня, чтобы самой ехать в Москву и хлопотать, нет никаких, да и здоровье мое становится очень плохое, по-видимому, может быть, если и придется, то это будет в последний раз.

Прошу в просьбе моей не отказать. Надежда вся на Вас, иначе кто же позаботится об участи несчастных. А. Адова. 20 мая 1925 г.

г. Белый Смоленской обл. ул. Ширяева, 9⁷.

VII. ОБРАЩЕНИЕ Т.Г. ПОЛИВЦЕВА, В.П. КУЗЬМИНА, П.И. УСACHEВА, П.И. ШИХОБАЛОВА, Б. ИШМУХАМЕТОВА, Г.М. ВОЛЕГОВА (1925 г.)

Соловки, 22 июня 1925 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Находясь третий год в заключении по делу бывшего генерала Пепеляева и имея ниоткуда никакой помощи, мы испытываем большую нужду во всем, в особенности в нижнем и верхнем белье. Зная Вашу отзывчивость к нуждающимся, мы осмеливаемся просить Вас помочь нам в нашей нужде чем возможно, за что благодарно приносим Вам глубокую благодарность. Посылку благоволиите адресовать так: Соловки, концлагерь, 8 рота, з/к Поливцеву Трофиму Григорьевичу.

Заключенные пепеляевцы Поливцев Т.Г., Кузьмин В.П., Усачев П.И., Шихобалов П.И., Ишмухаметов Б., Волегов Г.М.⁸

⁶ 1925 г. Д. 87. Л. 49.

⁷ 1924 г. Д. 64. Л. 52.

⁸ 1925 г. Д. 81. Л. 169–169 об.

VIII. ОБРАЩЕНИЯ М.П. ГУМИЛЕВСКОЙ (1925 г.)

Е.П. Пешковой

Препровождая при сем заявление о заключенном брате моем Гумилевском Георгии Петровиче (епископе Рафаиле), усердно прошу Вас обратить внимание на тяжелое состояние его здоровья, которое быстро ухудшается вследствие условий тюремной жизни, так, например, ему пришлось за чужую вину кого-то из заключенных понести общее наказание, состоявшее в снятии коек, вследствие чего больной, страдающий туберкулезом легких во второй стадии принужден был несколько ночей пролежать на холодном асфальтовом полу даже без всякой подстилки. Хлопоты затягиваются, а болезнь развивается. Возможно, что по рассмотрении дела, а также ввиду болезни он будет освобожден, но, возможно, что это освобождение будет уже поздно, ввиду чего усердно прошу Вас помочь мне в хлопотах об освобождении моего брата, если же невозможно будет получить полного освобождения, то в смягчении его участи.

К. Гумилевская. 29 июля 1925 г. Москва, Б. Ордынка, 34⁹.

† † †

В ОГПУ
Гр-ки Марии Петровны Гумилевской
Б. Ордынка, 34

Заявление

В виду того, что ни мне, ни моей сестре не было дано обычное свидание с нашим братом Георгием Петровичем Гумилевским в день его высылки на 3 года в Соловки 11-го сего декабря, прошу разрешить таковое в городе Кеми моей сестре Клеопатре Петровне Гумилевской, выехавшей за ним для передачи ему необходимых теплых вещей.

М. Гумилевская. 14 декабря 1925¹⁰.

Примечание: Рафаил (Гумилевский) 1871 г.р. — епископ Александровский, викарий Ставропольской епархии. Рукоположен во священника с обетом безбрачия. В 1925–1926 гг. был в заключении на Соловках. Расстрелян в 1937 в г. Семипалатинске.

IX. ОБРАЩЕНИЯ М.А. ВОЛОШИНА (1924 г.) И В.В. ША... (1925 г.)

г. Москва, Кузнецкий Мост, 24.
Красный Крест, Пешковой Екатерине Павловне

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я вчера получил письмо об отчаянном положении художника Браза. Это один из лучших русских портретистов, член «Мира искусства» и после А. Бенуа

⁹ 1925 г. Д. 67. Л. 307.

¹⁰ Там же. Л. 308.

Осип Браз. Из кн. «225 лет Академии Художеств СССР. Каталог выставки (1757–1919)». М., 1983

лучший знаток старой живописи в России. Уже восемь месяцев, как он арестован. По слухам, ему предъявили обвинение в экономическом шпионаже (?!). У него открылась чахотка в обоих легких. Сейчас его перевезли в Москву. Дознание и следствие вел тов. Азовский, и его заключение дано товарищу прокурора СССР Катаньяну на утверждение.

Не можете ли Вы чего-нибудь сделать для него, Екатерина Павловна? Погибает большая художественная величина. На днях Вы получите все сведения по его делу с ссылкой на меня. Максимилиан Волошин. 19 ноября 1924 года¹¹.

† † †

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Здесь распространилось известие, что художник Браз по ошибке выслан на Соловки. Но ввиду большого семейного горя (у него умер старший сын, о чем он не знает) и крупных художественных заслуг заключенного, быть может, можно как-то выхлопотать для него или принудительную работу по художественной части или полное освобождение. Я понимаю, что если его до сих пор не отпустили, то что-либо за ним числится, но ввиду его прошлых заслуг в художественной деятельности и готовности работать на пользу государства — быть может что-либо сделать можно. Простите, что даже издалека беспокою Вас.

Глубоко уважающий Вас В. Ша... Берлин, 8 августа 1925 г.¹²

Примечание: Браз Осип Эммануилович (1872–1936). Родился и вырос в Одессе. Окончил Петербургскую Академию Художеств, в 1914 г. — избран академиком Академии Художеств. В 1918 г. — назначен хранителем Эрмитажа. Известный художник, был прекрасным знатоком живописи и коллекционером. В лагере на Соловках находился в 1924–1926 гг. В 1928 г. выехал в Германию, где тогда находилась его семья. Впоследствии поселился в Париже. Умер в эмиграции.

Х. ОБРАЩЕНИЕ М. КУРОЧКИНОЙ (1925 г.)

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Вашу телеграмму, извещающую о высылке мужа в лагерь, я своевременно получила, и хотя известие это меня сильно ошеломило, однако я Вам приношу мою глубокую благодарность за предупредительность.

¹¹ 1924 г. Д. 38. Л. 207.

¹² 1925 г. Д. 65. Л. 357.

Сейчас отправила Вам телеграмму с просьбой исходатайствовать мне разрешение следовать в Соловки за мужем. Зная, что Вам доступно переговорить в надлежащей инстанции, я Вас умоляю, Екатерина Павловна, приложить все возможное, мотивировать болезнью сердца мужа, моим крайне стесненным материальным положением, лишь бы получить право разделить на все время высылки судьбу мужа. Согласна следовать за ним через две недели на свой счет и, в крайнем случае, как арестованная. Все условия которые могут быть предъявлены прошу принять, и что бы Вы ни сделали — на все согласна. Поверьте, что я не действую под влиянием аффекта и первого горя, мое решение вполне обдуманно. По образованию я математик, владею языками, пишу на машинке и там не буду государству в тягость.

Соблаговолите мне ответить по получении какого-либо ответа. Извините, что, может быть, моя просьба Вам покажется неуместной — Ваше содействие в таком деле необходимо, и я прошу Вас во имя всего святого мне помочь.

Заранее благодарна, Мария Курочкина. Если нужно просить Совнарком — главным образом М.И. Калинина об этой милости, — сообщите, и я буду телеграфировать.

Ленинград, Мойка, д. 62, кв. 24¹³.

Примечание: Инженер из Ленинграда Курочкин Герман Гаврилович постановлением КОГПУ от 6.02.1925 был сослан на Соловки на 3 года. Курочкина Мария, чтобы быть поближе к мужу, переехала жить в Кемь.

XI. ОБРАЩЕНИЕ Л.А. ЕРОФЕЕВОЙ (1925 г.)

Ерофеевой Людмилы Александровны,
Проживающей в м.¹⁴ Острошицкий городок Минского округа

Заявление

Прошу оказать мне помощь в освобождении моих родителей Александра Михайловича Пятлицкого и матери моей Ольги Павловны Пятлицкой, совершенно безобидных стариков, больных и беспомощных. Отцу моему около 70 лет, а матери — 65. Высылка их на Соловецкий остров равносильна убийству их, так как не только жить там, но и доехать туда будет для них невозможно. Умоляю Вас войти в положение этих несчастных стариков и освободить их как совершенно безвредных отживших людей. В крайнем случае, я, дочь их, прошу в случае отказа заменить мною моих родителей, так как я молодая и, следовательно, переживу этот срок, а для них, безусловно, высылка в Соловки сроком на три года является смертельной. Людмила¹⁵.

¹³ 1925 г. Д. 71. Л. 157–157 об.

¹⁴ Место, местечко — территориальная единица.

¹⁵ 1925 г. Д. 68. Л. 230–230 об.

ХII. ОБРАЩЕНИЕ А.А. ЕВДОКИМОВОЙ (1925 г.)

Крестьянки д. Новосеверская Анны А. Евдокимовой

Заявление

Покорнейше прошу Вас походатайствовать о пересмотре дела моего брата гражданина Евдокимова Василия Андреевича, арестованного 12 апреля 1924 года и высланного на три года на Соловки по постановлению Коллегии ОГПУ от 25 июля 1924 г. за № 26945.

Мой брат В.А. Евдокимов, сын крестьянина Ленинградской губернии деревни Новосеверской, окончил Охтинское механико-техническое училище и в военную службу поступил в 1912 году на Николаевскую железную дорогу на должность техника в мобилизационный отдел, где и прослужил 12 лет, постепенно получая повышения до звания зам. начальника мобилизационного отдела. В 1923 году в ноябре месяце к брату на службу пришел гражданин Касьянов с письмом от гр. Дудзинского, в котором последний просил брата устроить Касьянова, так как тот страшно нуждался.

Прочитав письмо и узнав, что податель его бывший офицер, брат отказал в содействии вышеупомянутому Касьянову, ссылаясь на существующий Приказ. Весь вышеуказанный разговор продолжался не более 10 минут в присутствии приятеля брата М. Дукстульского и больше никогда и нигде мой брат не встречал гр. Касьянова. 12 апреля брат был арестован и препровожден в Дом предварительного заключения, где и просидел 5 месяцев, в течение которых его 2 раза допросил следователь Полубинский, где и как он познакомился с Касьяновым. Сидя 5 месяцев в одиночном заключении, что очень подействовало на его душевное состояние, брат писал заявление Ленинградскому прокурору, просил следователя навести более точную справку у гр. Дудзинского, который подтвердит, до того рокового момента не знал совершенно гр. Касьянова, все было напрасно, и 25 июля КОГПУ вынесла неожиданно тяжелый приговор ни в чем не виновному и выслала на 3 года в Соловки, оторвав от семьи, где осталась мать 70 лет, которая не хочет верить, что не увидит сына 3 года. Умоляю Вас и прошу Вашего ходатайства о пересмотре вновь дела моего брата и верю в то, что в нашей республике не может быть несправедливости. Ссылка моего брата — это недоразумение, которое, безусловно, выяснится, я верю в это, как и в то, что дело его вновь рассмотрится, и он будет на свободе. Подпись¹⁶.

ХIII. ОБРАЩЕНИЕ БАРАНОВСКОЙ (1925 г.)

Е.П. Пешковой

Мой муж Андрей Андреевич Барановский, профессор Агрономического института и заведующий в течение 15 лет отделом машиноведения был в сентябре месяце сослан административным порядком в Соловецкий концлагерь. Там его сразу сделали помощником заведующего всеми мастерскими и сельхозом. Получила

¹⁶ 1925 г. Д. 68. Л. 171–171 об.

письмо и теперь вот уже около трех месяцев ничего не получаю. Узнала от его сосланных товарищей, что его увезли в середине октября из Соловков, по слухам, в Москву и больше ничего не знаю. Прошу убедительно найти его, где он, и оказать ему посильную помощь, так как он, если в Москве, совсем один. Арестован он был по делу Костякова. Мне выехать нельзя, у меня двое детей, отец старый, бьюсь из последнего, чтобы не умереть с голоду, не имея денег жить.

Умоляю Вас, примите участие в нашем горе. Барановская¹⁷.

XIV. ОБРАЩЕНИЕ П.Л. ФРЕНФЕЛЬД-ПРЕВО (1925 г.)

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Обращаюсь к Вам с просьбой поддержать меня. Я больна серьезной нервной болезнью, оторвана от трех малолетних детей, нуждаюсь во всем. Я жила в Феодосии, арестована 4 октября 1925 г. и присуждена к трем годам высылки на Соловки, как к/р (была беспартийной). Прошу помочь мне советом, навестив меня. Я учительница, дочь рабочего Леопольда Френфельда, жена художника Альфреда Прево, умершего в 1922 году в Феодосии от сыпного тифа. Средств у меня нет никаких, дети могут погибнуть в мое отсутствие, их трое: Нелли, Ирен, Клер. Очень прошу Вас помочь мне. Я русская подданная. Полина Леопольдовна Френфельд-Прево. Пересыльная тюрьма¹⁸.

XV. ОБРАЩЕНИЯ А. ПОЛОЗОВОЙ (1925 г.)

И А.М. ШИЛЬДЕР (1928 г.)

Глубокоуважаемый товарищ!

Есть случаи в жизни, когда человек бывает смелым, не желая быть докучливым, утруждает людей, не имея на это права. В таком положении стою я, незнакомая Вам 75-летняя старуха. Я умоляю Вас помочь мне в большом, большом горе: мой единственный близкий родственник Владимир Александрович Шильдер, бывший директор лицея, и его единственный сын Михаил Владимирович, бывший лицеист, арестованы в ночь с 14 на 15 февраля, а жена старика Анна Михайловна Шильдер и ее племянница Елизавета Николаевна Клингенберг взяты в ночь с 24 на 25 февраля сего года. Оба старика и племянница заключены в ДПЗ в общих камерах, Михаил же Владимирович содержится в особом ярусе. Обвинения предъявлены тяжкие, и им грозит суровая кара. Следствие закончено, отослано в Москву и ожидается скорый приговор.

Нет у них никого, кто принял бы участие в их тяжелом положении. Мне указали на Вас как на человека сердечного, доброго, отзывчивого и сильного.

Шильдеры люди честные, корректные, и я ручаюсь головой, что бесчестного поступка они совершить не могли. Молодой Шильдер — отличный работник, с большим научным запасом, и безукоризненно честен. Ради всего, что Вам дорого,

¹⁷ 1925 г. Д. 65. Л. 11.

¹⁸ 1925 г. Д. 97. Л. 151.

молю, помогите! На Вас только надеюсь, не откажите, помогите, тут нет ни слова лжи. Я стою у гроба и во всю тяжкую жизнь боролась за правду и благо честных людей. Простите меня, но Вы поймите, какое отчаяние в душе дряхлой, бесприютной, совершенно одинокой и бедной старухи.

Последнее мое слово — помогите!

С полным уважением Александра Полозова. Ленинград, Люблинский пер., д. 2/5, кв.6¹⁹.

† † †

Уважаемая Екатерина Павловна!

После долгого колебания решаюсь Вас беспокоить, обращаясь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне советом или указанием, что мне предпринять для того, чтобы узнать о судьбе моего единственного сына Михаила Владимировича Шильдера.

В 1925 году по делу лицеистов я была приговорена к 5 годам Соловков. Муж мой скончался на Шпалерной до окончания дела. О судьбе сына я ничего не знаю четвертый год. После двух лет пребывания в Соловках (все время была в лазарете) я была переведена на минус 6 и вследствие полной конфискации имущества лишена всяких средств к существованию, выбрала Свердловск, где служит моя племянница, единственная оставшаяся в живых близкая родственница; должна пробыть здесь еще около двух лет.

Мне 73 года, осталось жить недолго и день и ночь у меня одна мысль, одно желание — узнать, жив ли сын и где он находится. Если Вы были матерью, Вы поймете, как я жестоко страдаю и изнемогаю от непосильного горя.

Простите великодушно тоскующей старухе причиняемое Вам беспокойство, и если найдете возможным что либо мне посоветовать, будьте так добры сообщить по прилагаемому адресу.

С полным уважением А. Шильдер. Свердловск, Верхне-Исетская больница. Анне Михайловне Шильдер. 10 августа 1928²⁰.

† † †

6 сентября 1928 г.

Шильдер Анне Михайловне
Свердловск, Верхне-Исетский завод, больница

В ответ на Ваш запрос согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что Ваш сын Шильдер М.В. был приговорен к высшей мере наказания, которая приведена в исполнение²¹.

Примечание: В 1925 г. в Ленинграде по «делу бывших лицеистов» была осуждена большая группа военных, в разное время окончивших Александровский лицей, и их родственников, обвиненных в монархизме; часть их была сослана на Соловки.

¹⁹ 1925 г. Д. 82. Л. 68–69 об.

²⁰ 1928 г. Д. 233. Л. 52–53.

²¹ Там же. Л. 51.

Военный священник Сергей Знаменский

Среди арестованных был и директор Александровского лицея генерал Владимир Александрович Шильдер, тогда уже очень большой старый человек, его сын Михаил и жена Анна Михайловна. 22 июня 1925 г. на заседании Коллегии ОГПУ был утвержден список приговоренных к высшей мере наказания — расстрелу. Но имя 70-летнего Владимира Александровича Шильдера пришлось изъять — он скончался в тюрьме, видимо, потрясенный известием, что смертельный приговор вынесен не

только ему, но и жене, и сыну. Михаил Шильдер был расстрелян, а 69-летней Анне Михайловне Шильдер высшая мера наказания была заменена ссылкой на Соловки. Среди сосланных на Соловки также были священномученик Владимир Лозино-Лозинский, А.А. Сиверс, А.А. Калери, А.А. Арнольди, А.П. Вейнер, Л.Е. Кондратьев, Н.В. Верховский, Я.М. Савицкий и др.

XVI. ОБРАЩЕНИЕ Е.В. ПРОЗОРОВСКОЙ (1926 г.)

15/І 1926

гр. Елены Васильевны Прозоровой,
проживающей в Ленинграде по ул. Плеханова, д. 4, кв. 4.

Заявление

Мой отец Василий Аникивич Прозоров арестован по делу «Церковников» 2-го февраля 1924 года, а 22 октября 1924 г. сослан в Соловецкий к/л. Он осужден лишению свободы на 2 года. Ввиду того, что до срока осталось всего 2 месяца и принимая во внимание годы моего отца (ему 69 лет) и болезненное состояние, прошу о зачете предварительного заключения и освобождении из заключения ко 2-му февраля 1926 г. Е. Прозорова²².

XVII. ОБРАЩЕНИЯ СВЩМЧ. СЕРГИЯ ЗНАМЕНСКОГО (1926 г.)

17/VI 1926

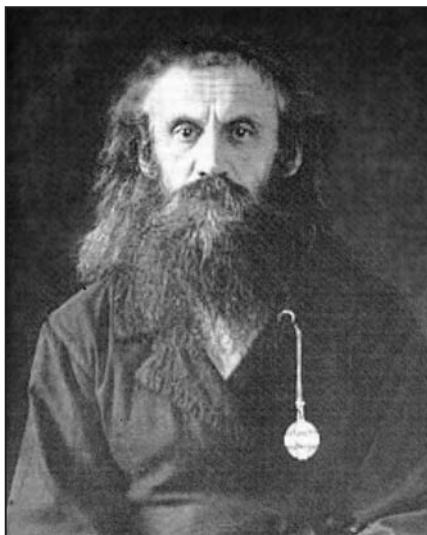
Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Великодушно простите что, находясь в ужасном положении и зная Вашу доброту и филантропическую деятельность, осмеливаюсь Вас беспокоить своею просьбою.

²² 1926 г. Д. 128. Л. 374.

Протоиерей Сергей Знаменский
Тюрьма ОГПУ. 1925 г.

Дело в следующем: я высылаюсь на 2 года на Соловки. Уезжая из дому (г. Яранск Вятская обл.) я там без гроша и без куска оставил свою семью (ибо мое место уже занял обновленец), которая к тому же увеличилась рождением дочери. А в моем пути и со мною случилась еще неприятная история: в Вологде у меня украли валеные сапоги, все белье, все деньги, рясу и подрясник. Теперь я очутился в самом критическом положении и исправить такое свое положение собственными силами не могу, главным образом, по той причине, что я еще не успел улучшить свои дела после первой ссылки в область Коми, так как после четырех месяцев возвращения из этой ссылки я был снова арестован и отправляюсь теперь уже вторично.

Думаю, что Вы и поймете меня и войдете в мое положение и не откажетесь помочь мне, как это делаете многим другим. Будьте же так добры и великодушны не оставьте без внимания этого моего к Вам обращения!

Мой адрес: Соловецкий остров, Концлагерь. Заключенному протоиерею Сергию Ивановичу Знаменскому.

Еще раз глубоко извините за беспокойство. С искренним уважением к Вам протоиерей Сергей Знаменский²³.

† † †

1/XI 1926

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Великодушно простите меня, что я опять осмеливаюсь беспокоить Вас своею просьбой. Извините меня за назойливость! Еще по пути в Соловки из Петроградской тюрьмы я обращался к Вам со своей нуждой, и Вы 19 июня за № 8366, о чем я своевременно Вас и уведомил, выслали мне 10 рублей, каковыми оказали большую помощь. В настоящее время я опять нуждаюсь. Предстоящая зима, когда мы «от Николы до Николы» будем отрезаны от материка, ужасает меня, так как запаса питания у меня нет никакого, а приобретенная у меня здесь местная климатическая болезнь — лимфодеминс, по словам врачей, для успешного ее лечения требует прежде всего больше жиров и молока.

Врачи хлопотали о выдаче мне ежедневно 1 ф. белого хлеба и по 1 ф. молока, но мне отказано, и я остаюсь на обычном пайке. Получить какую-либо поддержку

²³ Ф. 8409. Оп. 1. 1926 г. Д. 108. Л. 84–84 об. (далее везде: Ф. 8409. Оп. 1).

из дома я не могу, так как моя семья жена с двумя дочерьми (одна перешла во вторую ступень школы, а другая без меня родилась) сами находятся в ужасном критическом положении. Все это, хотя с краской на лице, заставляет меня просить Вас: будьте добры и не откажите мне в материальной помощи или деньгами, или лучше продовольственной посылкой.

Еще раз извиняюсь за беспокойство, сообщаю свой адрес. Соловки, 1 отделение, 6 рота. Заключенному Сергию Ивановичу Знаменскому.

С искренним к Вам уважением С. Знаменский²⁴.

Примечание: Знаменский Сергей Иванович (10.04.1873–27.11.1937) — священник, священномученик. Родился в г. Чите в семье священника. С 1913 г. — священник кафедрального собора г. Читы. Во время Первой мировой войны — полковой священник, с 1917 г. — протоиерей. В 1921 г. был арестован, два года провел в лагере и затем два года в ссылке в Зырянском крае. С ноября 1924 г. — настоятель Успенского собора в г. Яранске Вятской области. С 1925 г. — секретарь епископа Нектария (Трезвинского). В 1925 г. арестован и на два года сослан на Соловки, по окончании срока снова арестован и на три года сослан в Узбекистан. По возвращении из заключения служил в г. Кашире Московской области. 17 ноября 1937 г. арестован. Расстрелян в Бутове под Москвой. Память 14/27 ноября.

XVIII. ЗАЯВЛЕНИЕ А. КУРЕНОГО, Ф. ЗЫГАРЯ, Ф., К. И И. ЖУРБЫ (1926 г.)

Прокурору по наблюдению за органами ОГПУ
Копия: председателю Красного Креста тов. Пешковой
От осужденных А. Куреного, Федора Зыгаря, Журбы Федора, Карпа и Ивана,
крестьян села Покровка

Заявление

Постановлением Коллегии ОГПУ от 20 октября 1926 года дело № 27891 и 27892 мы приговорены: Алексей Куреной к 3 годам в Соловки, а остальные 4 крестьянина на высылку в Зырянский край сроком на 3 года. Приговор сам по себе очень суровый, и если принять во внимание нашу невиновность, то и кошмарный. Все дело по обвинению нас возникло на ложных доносах лиц далеко не пролетарского происхождения. Вызван же этот донос исключительно из материальных соображений, дабы удалить нас из села, не иметь в нашем лице вполне здоровых и трезвых работников.

Во время ведения следствия следователь тов. Поярков допустил не только ряд нарушений процессуального кодекса, но и применял грубые приемы ведения дела: записал нас кулаками, в то время, как по сельсовету мы числимся середняками, не допрашивал наших свидетелей, не давал очных ставок с доносчиками, запугивал нас расстрелами, доводил во время допросов до обмороков, после чего заботливо приводил нас в чувство и отменял статьи, а одному из нас предложил

²⁴ Там же. Л. 81–81 об.

подтвердить весь донос на остальных, за что он, следовательно, отпустит домой на свободу. Все просьбы и обращения как наши, так и наших жен к прокурору тов. Марцынковскому оставались гласом вопиющего в пустыне. Свое нежелание допросить наших свидетелей, товарищи следовательно и прокурор неизменно говорили, что когда дело перейдет в гласный суд, тогда и допросят всех свидетелей. Когда жены узнали, что дело отправлено в ОГПУ, и наши жены пошли к прокурору с жалобой, то последний просто предложил им выйти вон.

Не будучи до сего времени судимы, не зная всех правил обращения в соответствующие инстанции с жалобами, просидевши в тюрьме 4 месяца, нам много стало известно, а потому, невзирая на вынесение приговора, осмеливаемся обратиться с настоящей просьбой к Вам пересмотреть наше дело и сказать нам свое последнее слово. При нашем деле должны были быть приговоры нашего села, где были подписи также и доносчиков. Кроме этих приговоров должны были быть отзывы действительно пролетарского элемента деревни и красноармейцев, также должны были быть отзывы из соседней деревни — татар.

Выезжая в неведомую нам даль, мы покидаем наши семьи в количестве 31 души на верную гибель, ибо совершеннолетних работников среди них нет, кроме того еще осталось 10 семейств в количестве 40 детей пролетариев, село которых мы безвозмездно засевали, молотили, косили, давали корм, хлеб, солону. От них тоже есть отзыв у нас. Все общественные работы по сельскому Совету почти всегда не по назначению и добровольно выполняли мы. Будучи уроженцами Крыма и занимаясь исключительно только хлебопашеством, климат Зырянского края губителен для нас, как для здоровья, так и для существования. И если добавить состояние нашего здоровья по медицинским освидетельствованиям: у одного потеря трудоспособности на 70%, у другого — порок сердца, ужас охватывает нас.

Доведя вышеизложенное до Вашего сведения, мы надеемся, что вы обратите Ваше внимание на эти несправедливости и примете соответствующие меры.

11 октября мы выезжаем этапом на Москву, убедительно просим Вас вызвать хотя бы одного из нас для более детального освещения дела.

Крымизолятор. 3.X.1926 г. Подписи²⁵.

XIX. ОБРАЩЕНИЕ П.И. ПАЛАМАРЧУКА (1926 г.)

От политзаключенного Паламарчука Павла Игнатьевича,
следующего в концлагерь на Соловки

Заявление

Ввиду того, что я прибыл из-за границы в летнее время, а потому сейчас совершенно раздетым направляюсь в Соловецкий концлагерь сроком на 5 лет. Крайне нуждаюсь в теплом пальто (на себе имею одну толстовку), шапке, варежках, валенках, паре белья постельного и паре теплого. Паламарчук. 10 декабря 1926 г.²⁶

²⁵ 1926 г. Д. 109. Л. 172–172 об.

²⁶ 1926 г. Д. 111. Л. 149.

XX. ОБРАЩЕНИЕ П.Н. КОФАНОВОЙ И ДР. (1926 г.)

Уважаемая гражданка Пешкова!

Прошу не отказать в просьбе дать совет нам бабам неграмотным, темным, не знающим, к кому обратиться. Наши мужья, хлеборобы станицы Архангельской, осуждены и высланы 11 душ: некоторые на Мурман на Соловки и четверо из них — на Урал. Всех их обвиняют в контрреволюции. Не будем оправдывать своих мужей, но ничего они серьезного кроме как пьяная их компания что и высказала, а некоторые из осужденных и не были в этой компании, а просто развитые люди, которые могли бы попасть на ответственный пост, что кое-кому из станичных властей и не нравилось. Так вот наша к Вам горячая просьба — помогите, чем можете, хотя советом, можно ли хлопотать и к кому обратиться, потом, применяется ли досрочный выпуск или нет?

Наш адрес: станция Малороссийская, станица Архангельская, Полине Никитишне Кофановой²⁷.

XXI. ОБРАЩЕНИЕ Ю.В. ЧУДОТВОРЦЕВОЙ (1929 г.)

25 декабря 1929, г. Лисичанск

Уважаемая тов. Пешкова!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой, если можно, то прошу Вас убедительно, не откажите моей просьбе.

Мой муж Алексей Витальевич Чудотворцев был арестован 25 марта 1928 года. Он служил на руднике Рухимовича заведующим рудником и исполнял должность инженера, хотя и был только техником. Находился он в Бутырской тюрьме в Москве, а теперь выслан на Соловки 26 сентября 1929 года. Мы же все, — то есть семья, состоит из шести душ: я, четверо детей и моя мать больная — находимся в очень тяжелом положении. Никто нигде не работает и не учится. Я очень убедительно прошу Вас, помогите мне восстановить детей и снять с них это позорное клеймо (они страдают за отца) чтоб могли бы взять их на какую-нибудь работу, чтобы избежать голодной смерти. Трое детей моих исключены из школы, как дети осужденного отца не должны быть в школах. Дочь моя кончала горную профшколу и была исключена с третьего курса, ей осталось до окончания пробыть только три месяца, могла бы потом служить и кормить всю семью, сын 16 лет учился в первом классе торгово-промышленной профессиональной школы, тоже исключен. Это было в прошлом году в конце декабря, и теперь дочь 15 лет, училась в семилетке и теперь тоже исключена при переходе в пятый класс, все тоже за отца. Если им нельзя учиться, то не дают и работы, хотя бы какой угодно, и кроме того две дочери кончили курсы машинописи и с прошлого года 1928, с июня, состоят на бирже, и мы не лишены права голоса, могли бы все работать, и это было бы лучшим выходом для моей семьи, которая таким образом может быть спасена от голода.

²⁷ 1926 г. Д. 109. Л. 308.

Мужа моего обвиняют во вредительстве, но говорю Вам от всего сердца, что он не мог быть каким либо злостным или сознательным преступником. Это верно настолько, что я не остановилась бы перед смертью, если б можно было этим убедить его очернивших оклеветами, и теперь страдает без вины вся семья.

Убедительно прошу Вас, сделайте что можно, — помогите нам, чем только найдете возможным, чтобы перестать голодать нам, мы все так жестоко наказаны, совершенно не заслуживая этого.

Адрес наш я пишу Вам: г. Лисичанск Артемовского окр., Володарская улица № 45. Юлии Васильевне Чудотворцевой²⁸.

XXII. ОБРАЩЕНИЕ Л. ПРОКОПОВИЧ (1928 г.)

Помощь политическим заключенным. Е. Пешковой.
Жены священника Ивана Стефановича Прокопович
Лидии Прокопович

Многоуважаемая товарищ Пешкова!

Я послала Вам телеграмму 31 мая за № 104 из Пятигорска, где мы, жены ссылаемых священников, наших мужей Ивана Прокопович, Ивана Мемопкина и Николая Лаврова просим Вас хлопотать о ссылке этапа в Соловки на свой счет ввиду того, что в первую ссылку в Бухаре, где жара доходит до 70, наши мужья подорвали свое здоровье, в особенности от природы мой болезненный муж. На другой день из Кисловодска, где я живу, послала Вам письмо спешной почтой, в котором просила Вас оказать содействие в моем горе. Я не хочу верить, что Вы оставили наши просьбы без внимания и объясняю, что может быть не точен был адрес, так как я по рассеянности не указала номер дома. Еще раз умоляю Вас милая, дорогая как родную мать, сделайте все возможное в участи моего несчастного мужа, он совершенно ни в чем не виноват, и я объясняю все случившееся недоразумением и злым роком, которые преследуют его. Вы сами так много пережили, перечувствовали, а потому и хорошо понимаете людское горе, вот почему я обратилась только к Вам и с такой настойчивостью, что верю, что в Вашем сердце я найду отклик и своему горю. Через два дня идет этап, который унесет моего совершенно больного мужа в суровый климат Белого моря в Соловки и с этим этапом уносит мое временно гибнущее еще молодое семейное счастье. Болезненный и надломленный организм моего мужа не выдержит всех трудностей этапного передвижения, и я не увижу больше своего любимого мужа. Впереди мрак ночи и могилы, нет больше света, нет больше жизни, все кончено. Отныне я, как одинокая чайка, буду влачить свое жалкое существование, и одни только стоны будет издавать мое бедное сердце, обливающееся кровью от вонзенных в него стрел суровой разлуки с мужем и злой судьбы. Остатки гаснущего разума шепчут: «Хлопочи, проси», но где, у кого искать — я не знаю. Одна надежда на Вас была. Я искала сочувствия у Вас как женщина от женщины и прихожу в отчаяние от Вашего молчания. Неужели все кончено, неужели нельзя освободить моего мужа или заменить вольным поселением.

²⁸ 1929 г. Д. 37. Л. 246–247 об.

До сих пор я нигде не могу даже узнать, в чем обвиняется мой муж и по каким статьям, а это незнание прямо-таки доводит до отчаяния. Бедная 67-летняя старуха моего мужа стала плохо видеть от непрестанно льющихся слез, крошки дети, как испуганные зверьки, выглядывают из своих углов, еще не вполне сознавая силу горя, но видя кругом страдание, стоны и слезы.

Еще раз прошу Вас, сделайте все возможное для нас.

Я живу в Кисловодске, ул. 25 октября, № 13, Лидия Прокопович. А мой муж находится в Пятигорске в исправдоме в ожидании отправки этапа вместе с двумя священниками Иваном Мемошкиным и Николаем Лавровым. 6 июня 1928²⁹.

XXIII. ОБРАЩЕНИЯ Е.Н. ИЗМАЙЛОВОЙ (1928 г.)

15/VI 1928

В Общество помощи политическим заключенным

Мужа моего Василия Васильевича Измайлова, священника г. Борисова сослали на три года в концлагерь в Соловки. В настоящее время он находится в больнице перпункта ст. Кемь Мурманской ж/д, УСЛОН, разбитый суставным ревматизмом, который у него повторяется уже третий раз. Не говоря уже о тех страданиях, которые он переносит, благодаря болезни у него случилась еще другая беда: в то время, когда он был кладовщиком на 201 пикете Кемско-Ухтинского тракта, у него из кладовой украли 75 рублей товару, взята расписка, что он обязуется выплачивать ежемесячно 5 рублей в погашении этих 75 р.

Будьте добры, походатайствуйте об освобождении моего мужа от погашения этих 75 рублей, потому что я, хотя и высылаю ему ежемесячно 10 р. для улучшения его питания при таком его болезненном состоянии (геморроидальные кровотечения, отек ног и ревматизм), но я не служу, несмотря на все мои хлопоты, чтобы поступить на службу и вынуждена продавать последние вещи, отказывая себе во всем для его поддержки. Кроме того прошу походатайствовать о смягчении для него наказания, ввиду его болезненного состояния.

14 июня 1928. Е. Измайлова. Адрес мой: Минск, 2-я Сергеевская ул. д. 13, кв. 1. Александре Петровне Исполатовской для Е.Н. Измайловой³⁰.

Примечание: Василий Васильевич Измайлов (1885–1930) родился в г. Вышний Волочок Тверской губернии. С 1914 г. преподавал в Минской духовной семинарии. С 1927 г. — настоятель Свято-Воскресенского собора г. Борисова Минской области. Отец Василий часто открыто высказывался о гонениях на Церковь, выступал против обновленцев. В том же 1927 г. был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде и как социально-опасный элемент во внесудебном порядке был сослан в Соловецкий лагерь ОГПУ, где и умер в 22.02.1930. Реабилитирован в 1992 г. Прославлен в лике местночтимых новомучеников Белорусским Экзархатом Русской Православной Церкви в 1999 г.

²⁹ 1926 г. Д. 128. Л. 251–251 об.

³⁰ 1928 г. Д. 236. Л. 141.об.–142.

Протоиерей Петр Чельцов. Соловки, 1928 г.

XXIV. ОБРАЩЕНИЕ М.И. ЧЕЛЬЦОВОЙ (1928 г.)

3 августа 1928 г.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Приношу Вам сердечную благодарность за Ваши хлопоты и за присланный мне пропуск к мужу. Но меня смущает, почему в пропуске написано на свидание с П.А. Чельцовым за № 8029 в Кемперпункте, а муж ведь находится не в Кеми, а на Соловках, пропустят ли меня в Соловки и дадут ли мне с ним свидание, имея такой пропуск?

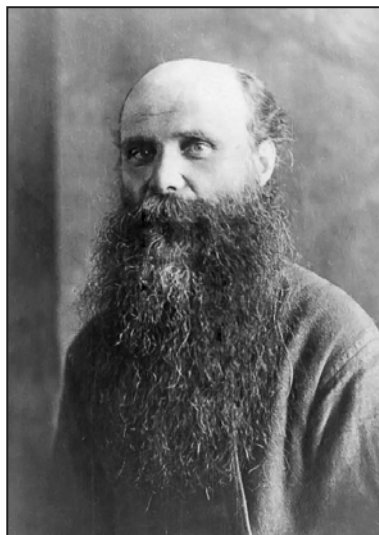
Екатерина Павловна, прошу Вас, не откажите моей просьбе, выхлопочите мне второй пропуск на свидание с моим мужем на сентябрь месяц. А первый был на август. Я поеду в Соловки и буду его, то есть пропуск на свидание ждать там, и будьте добры выслать пропуск, если таковой получен по следующему адресу: Соловки на Белом море через Кемь Мурманской ж/д. СЛОН, 1 отделение 13 рота Петру Алексеевичу Чельцову для М.И. Чельцовой.

Многоуважаемая Екатерина Павловна, будьте добры ответьте мне на вопрос, можно ли мне ехать с первым пропуском смело, что в нем написано в Кемперпункте свидание. Я выехать из Смоленска предполагала в субботу 4 августа, буду ждать ответа от Вас.

Прилагаю марки на ответ. Искренне благодарю Вас. Мария Ивановна Чельцова г. Смоленск, ул. Октябрьской революции, д. 7/12, кв. 1.

Нумер Вашей бумаги № 4405. Почему только на 2 часа дают свидание, так мало? На заявлении своем я не поставила число, не знаю, когда Вы его будете передавать³¹.

Примечание: Петр Чельцов (20.08.1888–12.09.1972) — протоиерей, священноисповедник. Служил в Смоленской и Владимирской епархиях. Кандидат богословия. С 1917 по 1945 г. арестовывался пять раз. В 1927 г. арестован по обвинению в грушовой антисоветской деятельности и распространении контрреволюционной монархической литературы и на три года сослан на Соловки. В октябре 1929 г. досрочно освобожден из лагеря и сослан на три года в г. Кадников Вологодской области, где работал сапожником. Из шестидесятилетнего пастырского служения более пятнадцати лет провел в заключении и ссылках. С 1956 г. и до своей кончины служил в селе Пятница (Великодворье) Владимирской епархии. Канонизирован в 2000 г. Память 30 августа / 12 сентября.

³¹ 1928 г. Д. 235. Л. 74–74 об.

XXV. ОБРАЩЕНИЕ А.А. ЗБОРОВСКОЙ (1928 г.)

6 августа 1928

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, пожалуйста, за беспокойство: я осмеливаюсь обратиться опять к Вам с великой просьбой нижеследующего содержания. Вот уже два с половиной месяца, как я не имею никаких вестей от своего мужа, находящегося в ссылке в Соловках Николая Васильевича Зборовского (отправлен из Симферополя 14 сентября 1926 года). Он священник села Марьино Джанкойского района. Послала я ему деньги в первых числах мая, затем 8 июня посылку и 4 июля опять деньги, а ответа до сих пор не имею. Сколько я ни писала и как ни писала, ответа все нет. Я уже послала запрос администрации Соловков, а 30 июля телеграмму с оплаченным ответом, и опять же никаких вестей. Что это значит, что думать, я даже не знаю. Сказать бы, что нет сообщения с островом, так другие получают письма оттуда. Что случилось с ним, я конечно не могу дать себе ответа и нахожусь в неведении. Затрачиваю деньги, и все бесполезно. Убедительно прошу: наведите, пожалуйста, справки и ответьте мне, причем прошу писать мне всю правду, какова бы она ни была. Может быть, его нет в живых, тогда я не буду каждый день писать и тратиться, а так, Вы же понимаете меня, я стучусь во все двери, чтобы что-нибудь узнать. Может быть, он болен или переведен куда, или нет в живых, что бы ни было напишите мне по следующему адресу: г. Симферополь, Инженерная, 13. кв. 1. Агафии А. Зборовской. В Соловках муж находился во 2 роте 2 отделения.

Уважающая Вас А.Зборовская. Прилагаю марку для ответа³².

XXVI. ОБРАЩЕНИЕ К. ШУЛЬЦ (1932 г.)

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Со слезами обращаюсь к Вам за помощью, облегчите нашу тяжелую участь. В 1927 году мой сын Борис Шульц за переход границы в Польшу был сослан на три года в Соловки, а по отбытии срока — в Коми область в Троице-Печерск на три года, а я, его мать, за что, не знаю, верно, за поступок сына была сослана в Сибирь, в город Барнаул на три года. По окончании трех лет дали мне минус шесть, выехала в Архангельск, куда вначале послали сына, но его там не застала, он был уже в Коми области, а навигация кончилась. Я проработала на заводе № 5–6 до открытия навигации и с разрешения ОГПУ переехала в Троице-Печерск в 31 году к сыну, которого не видела четыре года. По прибытии явилась в ГПУ, предъявила свой документ коменданту Семяшкину, он его оставил у себя, говоря, что у них такое правило, теперь он переведен отсюда, уполномоченный Марсуля умер, а документ мой пропал. Новое начальство сделали меня административно ссыльной из Калужской губернии на три года в Троице-Печорск. В июне 1933 года мне кончается срок, а 10 июня — сыну ссылка. Но здесь обыкновенно по году и более, кому кончается срок, сидят и ждут бумаги. Умоляю Вас, помогите нам, мне и сыну по окончании срока получить разрешение уехать. Сын мой от всего пережитого (голода и побоев

³² 1928 г. Д. 228. Л. 2–3.

на лесозаготовках) стал почти невменяемый, я уже старуха, мне 65 лет и хотелось бы, промучившись шесть лет, не умереть здесь на диком севере. Еще раз умоляю Вас, пожалейте нас, обездоленных и несчастных.

С почтением К. Шульц. 14 декабря 1932 г.³³

XXVII. ОБРАЩЕНИЕ А.М. БЕНЕМАНСКОЙ (1932 г.)

Председательнице Политического Красного Креста Пешковой

Несколько раз порывалась я обратиться к Вам, но воздерживалась утруждать Вас. Причиной тому было то, что я возлагала большие надежды на пятнадцатилетие Октябрьской революции и, как многие, ожидала к этому времени амнистии, которая, возможно, коснулась бы и моего мужа. Теперь, когда ожидания мои не сбылись, я прошу Вашего внимания, совета, а если можно и помощи.

Мой муж, священник города Твери, Илья Ильич Бенеманский, 50 лет, был арестован в 1930 году 15 августа и приговором Особого Совецания ОГПУ по ст.т. 59/12 и 58/10 осужден к трем годам Соловецкого концлагеря. Там он находился девять месяцев, после чего был в числе некоторых других активирован³⁴ как инвалид 2-й категории (двухсторонняя грыжа, склероз и больные ноги) и отправлен в Сев-край, как административно высланный до окончания срока. Несмотря на состояние его здоровья, все время пребывания в административной высылке он непрерывно работает: драл кору для смолокурного завода, чистил уборные в школе, пилил и пилит дрова для той же школы и в настоящее время, так как тяжелые материальные условия не позволяют ему не работать. За это время здоровье его еще больше пошатнулось, особенно усилились приступы грыжи, да и сердце от физического напряжения дает себя знать. Я живу сейчас возле него, вижу, как он выбивается из сил, и это меня приводит в отчаяние. Потому я и прошу Вас оказать мне помощь своим ходатайством о досрочном освобождении моего мужа (до срока остается семь месяцев, т.е. до 16 августа 1933 г.) как отбывшего более 2/3 срока.

Я сильно верю в Вашу отзывчивость, а потому надеюсь, что Вы не откажете мне в ответе по адресу: село Красноборск Северо-Двинского р-на, ул. Первомайская, д. 42. Анне Матвеевне Бенеманской. 27 декабря 1932 г.³⁵

Примечание: Илья Ильич Бенеманский (14.12.1883–31.12.1937) — священник, священномученик. Родился в Твери в семье священника. В 1908 г. рукоположен в сан священника. После окончания духовной семинарии служил в храмах Тверской епархии. С 1920 г. несколько раз арестовывался. В 1930 г. приговорен к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Хотя о. Илье было тогда всего 47 лет, здоровье его было основательно подорвано многократными заключениями в тюрьму, и на следующий день после ареста врач вынужден был, осмотрев его, дать справку, что заключенный «страдает правосторонней грыжей, неврозом, расширением границ

³³ 1933 г. Д. 920. Л. 23–23 об.

³⁴ Активирование — перевод в другую категорию заключенных (обычно — по болезни).

³⁵ 1933 г. Д. 920. Л. 122–123 об.

сердца, значительным расширением вен голени». Через три года о. Илья вернулся в Тверь. В 1937 г. тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Расстрелян 31 декабря 1937 года. Причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года. Память 18/31 декабря.

XXVIII. ОБРАЩЕНИЕ В.Э. КОХА (1937 г.)

1 февраля 1937 г.

Уважаемая Екатерина Павловна!

На днях отправил Вам открытку с благодарностью за полученную посылку. Она оказала мне очень большую поддержку, благодаря ей я смог ликвидировать начавшееся у меня цинготное заболевание, так как смог приобрести в дополнение к присланным Вами продуктам лук и чеснок. Я не знаю, как и благодарить Вас за оказанную помощь. Очень-очень прошу Вас не забывать меня и иногда при возможности оказывать мне небольшую поддержку посылкой или деньгами.

У меня к Вам еще одна очень, очень большая просьба: не могли бы вы обратиться в Управление ГПУ, или куда там следует, с просьбой о переводе меня как инвалида, по состоянию здоровья в лагеря, находящиеся в Средней Азии, под Ташкентом или Карагандой. Холод и зима для меня трудно переносимы, и, наконец, еще просьба о разрешении использования меня по специальности, то есть либо в библиотечной работе, либо по санитарно-просветительной или лечебной работе в аппаратах санчасти. Я был очень ослабевшим, и как инвалид пользовался правом отдыха. Сейчас значительно окреп и работаю дневальным в финчасти. К работе по специальности меня не допускают по статье. Хотя в Соловках я работал три года в должности зав. Центральной библиотекой и полтора года в санчасти санинспектором и зав дезостанцией. Я полагаю, что за свое долгое время пребывания в лагерях я заслуживаю большего доверия, так как за все семь лет не имею ни одного замечания, ни штрафов, ни административного взыскания. Правда, поводом к непредоставлению мне в Водораздельском отделении лучших должностей служила и моя слабость и страшно обношенный вид и плохое обмундирование, так как я имел несчастье бесчисленное количество раз подвергаться кражам всех своих вещей.

Сейчас в этом отношении положение мое улучшается, я снова кое-как экономя на пайках хлеба, иногда прирабатывая частными уроками, смог приобрести себе самое необходимое и более чистое платное обмундирование. Простите, что я Вам пишу о таких мелочах, для Вас совершенно не интересных, но поймите психологию оставшегося в совершенном одиночестве арестанта, растерявшего и лишившегося всех своих родных и знакомых и думающего лишь о том, как бы сохранить силы и здоровье и дожить до дня своего освобождения, ибо слишком обидно было бы все напрасное усилие, напряжение, страдания и лишения семилетней борьбы.

Мой адрес: АК СССР, ст. Мед. Гора Кировской ж/д, 3-е Водораздельское ЛПХ ББК НКВД, Северный городок.

С большой благодарностью Владимир Эм. Кох³⁶.

³⁶ 1937 г. Д. 1602. Л. 280–281.

«Мутный призрак свободы»

О ПОБЕГАХ С СОЛОВКОВ В 1923–1939 гг.

Из тюрем, ссылок и лагерей бежали во все времена и во всех странах. Много было побегов и из лагерей ГУЛАГа. Вот, например, сведения по Беломоро-Балтийскому комбинату (ББК). За июль-август 1936 г. из 43232 заключенных бежало 424 человека, задержано 334. В следующем 1937 г. состояло в бегах 6720 человек, что составляло 10,42 % по отношению к лагерному населению, из них остались незадержанными 840 человек¹. Не был исключением в этом отношении и Соловецкий лагерь особого назначения. Бежали не только с материковых командировок, но и с самих Соловков, окруженных холодным морем. Бежали чаще профессиональные преступники, имеющие большие сроки, но не только они. Бежали от невыносимых условий лагеря, от несправедливости, которая сваливалась на человека, бежали, получив плохие вести из дома и просто решив, что лучше умереть в море, чем терпеть лагерные ужасы. Заманчивым казалось то, что стоит выбраться на материк, а там — бескрайние леса, в которых можно затеряться, недалеко и финская граница. Чаще бежали в августе-сентябре, когда ночи становились темными, и в лесу появлялись грибы и ягоды.

Но вековая карельская тайга, тонкие непроходимые болота, лабиринты бесконечных озер часто оказывались губительными для беглецов. Сколько их стинуло от холода и голода, утонуло в трясинах, мы не узнаем никогда. Бывали случаи, когда люди, потеряв надежду, обезумев от голода и усталости, добирались до какой-нибудь деревни и сдавались властям.

Чаще всего беглецам не удавалось долго скрываться от погони, даже достигнув материка. Без документов, в плохой лагерной одежде, не умея ориентироваться на местности, они становились скорой добычей пикетов ВОХРа и нарядов милиции.

Местное население было настроено к беглецам чаще всего тоже недружелюбно. Сказывалась и постоянная «разъяснительная работа» органов, которые убеждали, что в лагере содержатся только уголовники, и то, что за поимку или сообщение о них полагалась награда: выдавали муку, патроны, оружие, что для карелов-охотников было очень важно. При этом укрывательство жестоко наказывалось.

¹ ГУЛАГ в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1992. С. 161.

Кроме того, жители Поморья и Карелии много терпели от беглецов, которые их нередко обворовывали, разоряли припасы в охотничьих избушках. Местных жителей часто отрывали от работ, привлекая их для облав на бежавших, иногда среди них были убитые в перестрелках. Времена изменились! А ведь раньше, в царские времена, в деревнях Сибири были специальные окошки в домах, где на ночь выставляли еду для беглых...

Сведения о побегах с Соловков мы находим с первых времен существования лагеря. Так, в журнале «СЛОН» за 1924 г. читаем: «Постановлением Коллегии ОГПУ 5 декабря 1924 г. заключенный Соллагерей Григор Владимир Иванович за неоднократные побеги из лагеря приговорен к расстрелу. Означенное Постановление КОГПУ приведено в исполнение 21/ХІІ-24 г. на Соловках»². О побегах упоминается почти во всех воспоминаниях бывших заключенных Соловков.

Так, Борис Ширияев рассказывает о побеге морских офицеров под руководством Шаховского на моторном катере. Катер был сконструирован по заданию лагерного начальства талантливым инженером Л.В. Курчевским, находившимся в то время в заключении на Соловках (расстрелян в 1937 г.). На Соловках был самолет, который в случае обнаружения побега мог легко обнаружить беглецов. Но им пришел на помощь ухаживавший за самолетом заключенный Силин (по некоторым сведениям — известный морской летчик, носивший на самом деле другую фамилию). Ко времени побега он вывел самолет из строя, разобрав мотор якобы для генеральной чистки. Силин был расстрелян, положив «живот свой за други своя». О дальнейшей судьбе беглецов сведений у Ширияева не было, но он сомневается, что они достигли материка³.

Возможно, об этом же побеге сообщает и Олег Волков. Правда, у него несколько иная версия произошедшего: «Среди соловчан долго ходили слухи о группе морских офицеров, бежавших с острова на катере и будто бы счастливо достигших берегов Норвегии. Работа в гавани дала им возможность тайно подготовить суденышко, и в один из непроницаемых осенних туманов, часто закрывающих Соловки, они вышли из бухты Благополучия в открытое море... Говорили, что сначала они ушли неподалеку — высадились на крохотном, поросшем лесом островке близ Соловецкого архипелага и, загрузив катер камнями, утопили его на мелководье. Потом подняли свою посудину, сняли двигатель и уже на парусе в подходящую лихую погоду уплыли к горлу Белого моря и дальше — на свободу»... О побегах мечтали многие. Даже такой трезвый человек, как Олег Васильевич, одно время сам разрабатывал варианты побега, объясняя что «эти, может быть, несбыточные планы занимали воображение, давали пищу для мечтаний, облегчали существование»⁴.

О том же пишет в своих воспоминаниях еще один бывший соловчанин — Геннадий Андреевич Хомяков, в 18 лет сосланный на Соловки по 58 статье на 10 лет (это было в 1927 г.). С первых дней его не оставляла его мысль о побеге. Найдя

² СЛОН. 1924. № 11–12. С. 171–172.

³ Ширияев Б. Неугасимая лампада. М., 1991. С. 293–301.

⁴ Волков О. Погружение во тьму. М., 1989. С. 171–172.

единомышленников, он строил самые отчаянные, порой даже безумные планы. Например, — побег зимой, хотя Белое море полностью не замерзает и без лодки добраться до материка в это время невозможно. По разным причинам планы срывались. Наконец, он встретился с художником Владимиром Роговым, пытавшимся бежать еще из Кеми и за это отправленным на Соловки. Товарищи начали тщательно разрабатывать план: бежать решили с Муксалмы, в проолифленных костюмах, не пропускающих воду, намазав тело тюленьим жиром, без лодок — на железных банках-кубышках, которые держали бы их на воде, а с воздуха были бы невидимы. Не пугало их и то, что от Муксалмы до Летнего берега, ближайшей точки на материке, — 20 километров, а вода в Белом море не бывает выше 10–12 градусов, и человек в ней погибает очень быстро. «А замерзнем — в море пропадем, а не в этой мышеловке», — решили смельчаки... Достали олифу, новое крепкое белье, все за зиму подготовили, но побег не состоялся, так как... костюмы украли. А вскоре Хомякова перевели на материк... Интересна дальнейшая судьба этого незаурядного и талантливого человека. Отсидев срок, он в 1942 г. в Крыму попал в плен, а затем остался на Западе. До конца жизни он занимался литературной деятельностью (под псевдонимом Андреев), работал в «Гранях», в «Посеве», опубликовал документальные повести «Соловецкие острова» и «Трудные дороги» (в последней он и описывает попытку побега из лагеря). Его статья «Помилуй Бог, мы — русские» считается одной из лучших характеристик мировоззрения русской эмиграции второй волны.

В архиве УФСБ г. Архангельска хранится дело о групповом побеге в августе 1927 г.⁵ Суть его такова: в ночь на 27-е был обнаружен побег пяти человек на карбасе, похищенном на Сельдяном мысу за домом зам. начальника УСЛОНА (старостой тони на Сельдяном мысу был тогда соловецкий монах Ювеналий (Мошников)). Возглавлял побег Федор Петрович Рисов (он же — Рисьев Степан Ильич), 34 лет, из крестьян Самарской губернии, Бутурусланского уезда, Карабаевской волости, села Коренкова. До ареста он жил в Ленинграде, работал машинистом, осужден 22 июня 1927 г. по ст. 58-11 на 10 лет за добровольную службу у Колчака. Вместе с ним бежали: Василий Сергеевич Морозов, 33 лет, из костромских крестьян, до ареста живший в г. Верхний Волочок и осужденный 30 мая 1927 г. по ст. 58-7 на 10 лет; Дмитрий Иванович Насилов, 20 лет, из крестьян Рязанской губернии, Зарайского уезда, киномеханик, осужденный 20 июня 1927 г. по ст. 58-4, 59-4 на 10 лет; Федор Дмитриевич Быков, 28 лет, уроженец Владимирской губернии, Муромского уезда, до ареста работавший на Дальнем Востоке и осужденный 7 марта 1927 г. по ст. 59-9, 82, 182 на 10 лет; Иван Васильевич Бочаров-Борисов (он же — Николай Иванович), 23 лет, из мещан Рязанской губернии, Зарайского уезда, Кариновской волости, до ареста работавший слесарем в Москве и осужденный как СВЭ (социально-вредный элемент) 5 сентября 1924 г. на 3 года (7 марта 1927 г. срок ему был увеличен еще на один год). Добравшись до материка, беглецы бросили карбас около Сороки (ныне — г. Беломорск), намереваясь добраться до Петрозаводска и, воспользовавшись железной дорогой, уехать на Дальний Восток. За ними была организована

⁵ Архив УФСБ г. Архангельска. Д. П-17794.

погоня, и 5 сентября в районе ст. Тунгуда на тракте Сорока – Петрозаводск облавой красноармейцев был задержан Ф.П. Рисов, а вскоре — и все остальные. Поскольку Рисов был организатором побега, к тому же — задержан был далеко от железной дороги в сторону финской границы (впрочем, сам он отрицал намерение бежать в Финляндию), ему был вынесен внесудебный приговор, приведенный в исполнение 18 апреля 1928 г. на Секирной горе «за попытку измены Родине». Как сказано в акте, «расстрелян лично врид комдива IV полка Данилиным Н.В., в присутствии начальника 2 отделения СЛОНа Вейса и легкома Голубева. Труп зарыт на законную глубину вдали от жилых помещений». Остальные участники побега получили дополнительные сроки и были помещены в штрафной изолятор.

В отчете о деятельности Управления Соловецких лагерей ОГПУ за 1926/27 г. о побегах мы находим следующее:

«Движение и рост побегов заключенных из Соллагерей по месяцам отчетного года характеризуется нижеследующей таблицей:

Месяцы	Бежало			Задержано			Состоит [в бегах]		
	Кем/пп	Ост-ров	Всего	Кем/пп	Ост-ров	Всего	Кем/пп	Ост-ров	Всего
Октябрь	5	—	5	4	—	4	1	—	1
Ноябрь	4	1	5	3	—	3	1	1	2
Декабрь	9	—	9	3	—	3	6	—	6
Январь	7	—	7	5	—	5	2	—	2
Февраль	3	—	3	1	—	1	2	—	2
Март	5	—	5	5	—	5	—	—	—
Апрель	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	11	—	11	9	—	9	2	—	2
Июнь	33	—	33	27	—	27	6	—	6
Июль	33	3	36	24	—	24	9	3	12
Август	43	8	51	39	—	39	4	8	12
Сентябрь	35	—	35	25	—	25	10	—	10
Итого	188	12	200	145	—	145	43	12	55

Примечание: В эту таблицу не вошли беглецы, находившиеся в бегах не более 7 суток (самовольные отлучки).

В процентном отношении состав заключенных, находящихся в бегах, по-прежнему выражается: социально вредные элементы — 82 %, каэры — 12 %, бандиты — 4 %, фальшивомонетчики — 2 %.

Из первой таблицы видно, что за первую половину отчетного года, в связи с зимним периодом, побеги развивались слабо и в среднем исчислялись 5–6 побегами за месяц. С наступлением весны и в течение всего лета количество побегов сильно возрастает.

Катер «Часовой»

Побеги совершались почти исключительно с командировок с наиболее тяжелым физическим трудом (Кемь-Ухтинский тракт и лесоразработки) и главным образом протекали за счет уголовного элемента (соц. вредный) в целях избавления от работ. Побег государственных преступников отмечается как редкие случаи. Побег организованного характера не носят, за исключением нескольких случаев групповых побегов в составе 2–5 человек. В большинстве случаев беглецы сопротивления не оказывали, и при преследовании из 145 случаев убито было как оказавших сопротивление 26 человек.

Главная масса побегов, как видно из вышеприведенной таблицы, падает на материк. Это вполне естественно, так как разбросанные отдаленные командировки, расположенные среди вольного населения, окружающий лес и пути сообщения, а также малочисленность надзора благоприятствуют совершению побега. На островах же побег являлись редким исключением, так как остров окружен водой как естественной преградой и, кроме того, заключенные находятся в более благоприятной для надзора за ними обстановке. Эти обстоятельства почти исключают возможность благоприятного исхода побега и заставляют желающих совершить таковой отказаться от мысли бежать, за очень небольшим исключением»⁶.

Хотя в «Отчете» подчеркивается, что с острова бегут редко, мы видим, что за год было совершено двенадцать побегов, причем, никто не был пойман. Да и групповые побег были не таким уж и редким исключением. Так, в 1928 г. групповой побег был совершен с острова Муксалма. Ему посвящена статья В.В. Иофе «Большой

⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 2818. Л. 18, 19.

побег 1928 года», написанная на основе следственного дела, хранящегося в ИЦ МВД Карелии⁷.

История этого побега началась 31 августа 1928 г. По хорошо продуманному плану, захватив лодку, с Муксалмы бежали шесть человек. Утром 6 сентября участники побега высадились на Летнем берегу, решив передохнуть и дальше плыть в Архангельск, но, обнаруженные высланным в погоню пароходом «Нева», были вынуждены скрываться в лесу. Двое — И.Т. Гилярский и А.Г. Мельник — были задержаны сразу, другие — в районе деревни Луды. Ф.В. Слепов был убит у Мурканского озера, и лишь Ф.Н. Варивода оторвался от преследователей, но все равно был схвачен недалеко от Архангельска (следует отметить, что на Соловки он был переведен за попытку побега с материковой командировки Мяс-остров после получения из дома письма с известием, что тяжело заболела жена при трех маленьких детях).

Одновременно с этим побегом совершились еще два. Из командировки «Белужье» бежали трое. Инициатором побега был Ф.Д. Быков, который в 1927 г. участвовал в побеге Рисова. Все трое были задержаны уже на материке в районе станции Энгозеро.

И еще один побег трех человек, под руководством Л.К. Гинеско был совершен 10 сентября на лодке, похищенной на Заяцком острове. Все тоже были задержаны на Летнем берегу у деревни Пушлахты.

Началось следствие. Все три побега были объединены в одно «Дело», которое представлялось едва ли не как международный заговор, так как среди бежавших были молдаванин, румын, болгары, польский еврей, мадьяр. Постановлением судебной коллегии ОГПУ от 30 января 1929 г. 11 человек — И.Т. Гилярский, С.А. Михайлов, Ф.Д. Быков, Л.К. Гинеско, Ф.Н. Варивода, А.Г. Мельник, С.Д. Великов, Г.Г. Чинчик, К.К. Контранжиев, Горелов-Арсентьев-Хохлов и Фризер — были приговорены к высшей мере наказания и 4 февраля расстреляны и захоронены в районе Савватьева.

Самое известное дело из истории побегов с Соловков — это «Дело о Кремлевском заговоре» 1929 г. О нем есть упоминания в воспоминаниях многих соловчан, правда, очень различные и расплывчатые. В литературе прочно утвердилось и число расстрелянных по этому эпизоду — 300 человек. Но обратимся к «Делу», которое хранится в архиве ФСБ г. Архангельска⁸. Из него следует, что в июне 1929 г. поступили сведения о том, что на Соловках существует организация заключенных, которая ставит себе целью разоружение охраны, захват оружия, связи и плавучих средств, затем — массовый побег на материк и далее — в Финляндию.

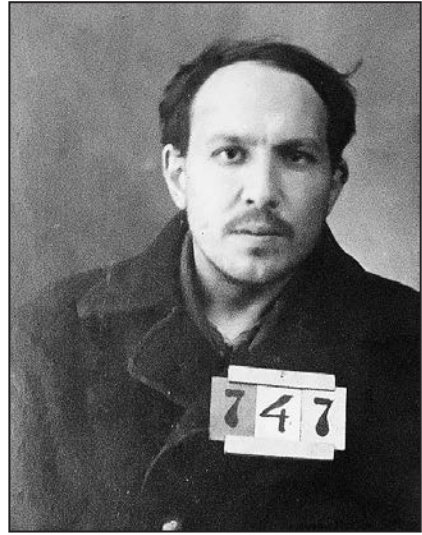
Начались аресты, и допросы подтвердили, что еще весной на Соловках организовалась инициативная группа заключенных, в которую вошли: Сергей Николаевич Покровский, 34 лет, дворянин, образование высшее, летчик-наблюдатель и научный работник, сосланный на Соловки на 5 лет по ст. 58-10 (он взял на себя

⁷ Иофе В. Соловки. Большой побег 1928 года // Соловецкие острова. Большая Муксалма. М., 1996. С. 214–216.

⁸ Архив УФСБ г. Архангельска. Дело П–13969.

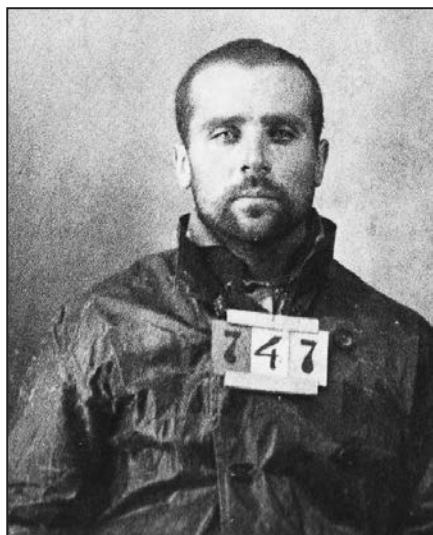
Сергей Покровский

разработку оперативного плана восстания и побега и обязанности начальника «штаба повстанцев»); Вадим Карлович Чеховской, 27 лет, дворянин, образование высшее, по специальности гидрометеоролог и химик, сосланный по ст. 58-4 на 5 лет (на него было возложено решение технических вопросов, в частности — связанных с передвижением по железной дороге); Сергей Александрович Грабовский (Гробовский), 33 лет, из чиновников, образование среднее, преподаватель физкультуры, служивший в старой и Белой армии в чине штаб-ротмистра и осужденный по ст. 58-5 и 10 на 10 лет (ему было предоставлено решение тактических вопросов,

а также командование всеми силами повстанцев, позже на эту должность определили представителя украинской группы Михаила Иосифовича Вербицкого); и, наконец, Степан Иосифович Петрашко, 34 лет, из крестьян, образование высшее, агроном, служивший в старой и Пепеляевской армии в чине поручика, на Соловки сосланный второй раз. Эта четверка решила создать организацию с целью массового побега за границу. Летом их деятельность сильно активизировалась, появились сообщники не только на острове, но и на материке. Инициаторы строили свою работу по принципу организации отдельных групп, причем каждый из руководителей групп знал только одного члена четверки, с которым он был связан, и один руководитель не знал другого. К началу августа на островах было несколько групп с большим числом участников: украинская группа 30–40 человек во главе с заключенным М.Ф. Цимбалюком, сибирская — до 100 человек во главе с заключенным И. Шалаевым, группа белогвардейцев из командировки Городки с невыявленным числом участников во главе с С.А. Грабовским, кабардинская группа — до 15 человек, кавказская — до 20 человек во главе с заключенным Ду, который в качестве обвиняемого по делу не проходил, так как выбыл в другой лагерь. Был еще целый ряд других мелких групп. Восстание предполагалось совершить осенью 1929 г.

План заключался в следующем: группой примерно в 40 человек захватить оружие отряда, у которого было до 80 винтовок и два пулемета, а затем приступить к захвату прочего оружия, радиостанции, самолета и пароходов. Захватив посты, спешно вывести заключенных из Кремля, провести набор желающих следовать с повстанцами (за исключением уголовников!), произвести посадку на пароходы и отплыть в зависимости от обстоятельств по направлению к Кандалакше или Попову острову (Кемский пересыльный пункт). В последнем случае высадить десант и захватить пересыльный пункт, а затем и город Кемь. Из Кеми передвигаться

Сергей Грабовский

на север по железной дороге, взрывая за собой мосты, и, доехав до Кандалакши, двигаться к границе.

В августе член четверки В. Чеховской был переброшен с Соловков на материк, и ему было поручено собрать сведения о ситуации в Кемии, что он и исполнил, передав сведения на Соловки.

Вскоре наметили дату побега — 13 августа. Но утром 13 августа к уполномоченному информационно-следственной части Торвинну явился заключенный из «социально-близкой» среды, дважды судимый за убийство и контрабанду С. Брылев и заявил, что в лагере готовится массовый побег, назвал руководителей «десяток» в Сельхозе и Городках.

Тут же начались аресты и допросы. По «делу» в качестве активных участников был привлечен 51 человек. Это были совершенно разные люди, как по национальности, так и по происхождению и образованию. Среди них был даже турецкий подданный, сын генерала, служивший в турецкой армии в чине полковника и посланный на Соловки, конечно же, за шпионаж, — 59-летний Ахмет-Бек-Мухамед-Бек Оглы, он же Шейх Ахмед Ибрагимов.

Сохранились подробные показания обвиняемых, из которых видно, с каким мужеством держались арестованные: бывший штабс-капитан царской армии и адъютант Второго корпуса армии Колчака Николай Николаевич Александров на допросе сказал, что не верил в успех дела и понимал, что как бывший офицер будет расстрелян первым, что у него даже мелькала мысль пойти и все рассказать, но сознание, что «я на крови других строю свое благополучие не допускала этого и снова решал: нет, пусть будет, что будет, от судьбы не уйдешь...». С.А. Грабовский от дачи показаний категорически отказался. Крестьянин-якут П.А. Елахов ограничился фразой: «Моя твоя не панимаит». Следственное дело № 747/1 было представлено на рассмотрение Коллегии ОГПУ для вынесения приговора во внесудебном порядке. 24 октября 1929 г. КОГПУ вынесла решение: 36 обвиняемых, которые «состояли членами организации вооруженного восстания и массового побега заключенных за границу», приговорить к высшей мере наказания — расстрелу, 15 обвиняемых, которые «будучи осведомлены о существовании в лагере организации вооруженного восстания и массового побега заключенных за границу, не донесли об указанной организации», приговорить к высшей мере наказания с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет. 29 октября 1929 г. приговор в отношении 36 приговоренных к расстрелу приведен в исполнение. (В 1989 г. по протесту прокурора

Иван Соболев

настоящее дело было пересмотрено судом и прекращено за отсутствием в действиях заключенных состава преступления.)

Кроме организаторов побега С.Н. Покровского, В.К. Чеховского, С.А. Грабовского и С.И. Петрашко были расстреляны: Осоргин Георгий Михайлович, 36 лет, дворянин, образование среднее, лесовод, штаб-ротмистр старой армии; Арбенев Николай Александрович, 48 лет, дворянин, образование высшее, военное, капитан первого ранга старой армии; Вербицкий Михаил Иосифович, 42 лет, образование среднее, конторщик, в старой армии служил поручиком; Дерещук Петр Кузьмич, 43 лет, из крестьян, учитель,

служил в старой армии штабс-капитаном; Александров Николай Николаевич, 38 лет, из мещан, учитель, штабс-капитан старой и Белой армии; Олейников Василий Васильевич, 41 год, образование высшее, инженер-технолог; Олейников Георгий Александрович, 32 года, из мещан, образование низшее, железнодорожный служащий; Шалаев Иван Юльевич, 39 лет, из крестьян, образование низшее, телеграфист; Барахтин Прокопий Иванович, 49 лет, из крестьян, плотник; Трухин Михаил Михайлович, 25 лет, из крестьян, плотник; Крамный Антон Нестерович, 32 лет, казак, образование среднее, счетовод; Брылев Семен Иванович, 29 лет, из крестьян, малограмотный, токарь, сослан по уголовной статье; Намоканов Василий Федорович, 28 лет, из крестьян, бондарь; Соболев Иван Ефимович, 34 лет, из крестьян, плотник; Попов Александр Павлович, 29 лет, из мещан, плотник; Шушунов Федор Иванович, 30 лет, из крестьян, столяр; Правосудович Михаил Елевферьевич, 64 лет, дворянин, образование высшее, бывший Председатель научно-технического комитета Народного Комиссариата Судостроительной Промышленности (его дочь Наталья Михайловна в эмиграции стала известным композитором, писала церковную музыку); Саволайнен Иван Павлович, 50 лет, финн, столяр; Рийман Владимир Андреевич, 33 лет, эстонец, сапожник; Гапон Семен Степанович, 29 лет, из крестьян, малограмотный; Ванифатьев Кирилл Николаевич, 68 лет, дворянин, образование высшее, инженер-технолог; Буканов Николай Дмитриевич, 26 лет, из крестьян, образование высшее, фармацевт и химик; Волощук Иван Аверкиевич, 23 лет, из крестьян, образование неоконченное высшее; Соколов Василий Николаевич, 59 лет, из крестьян, малограмотный; Ахмет-Бек-Мухамед-Бек-Оглы Корпашев, он же Шейх Ахмед Ибрагимов, 59 лет, турецкий подданный, сын генерала, полковник турецкой армии; Иваненко Федор Никитич, 34 лет, из крестьян, электромонтер; Сиверс Александр Александрович, 34 лет, дворянин, образование высшее, сын известного историка-генеалога А.А. Сиверса, на Соловки сослан в 1925 г.

по «Делу лицеистов», Воропаев Николай Федорович, 21 года, из крестьян, сослан по уголовной статье; Соом Карл Филиппович, 32 лет, эстонец, из крестьян, кузнец; Романов Николай Васильевич, 29 лет, рабочий, образование среднее, служил в армии Пепеляева; Дягилев Валентин Павлович, 54 лет, дворянин, образование высшее, окончил Академию генерального штаба, военный, брат Сергея Дягилева; Шишкин Иннокентий Степанович, 33 лет, из мещан, образование среднее, учитель.

В дополнение к вышесказанному об этих трагических событиях хочется привести свидетельства очевидца, каковым был Михаил Захарович Никонов-Сморозин, землемер, сосланный на Соловки в 1928 г. на 10 лет за участие в крестьянском восстании. Работая на Соловках на кирпичном заводе и в пушном питомнике, он был знаком с некоторыми заговорщиками и знал о заговоре. Вывезенный с Соловков на ББК, он в 1933 г. бежал из-под Повенца в Финляндию. В 1938 г. вышли его воспоминания «Красная каторга. Записки соловчанина», и в них Михаил Захарович неоднократно возвращается к тем потрясшим его дням. Вот что он пишет: «В одно ясное, но отнюдь не веселое июньское утро, возвращаясь из кремля на кирпичный завод, тотчас за Святым озером я встретил Петрашко. Мы добрались до маленькой солнечной полянки.

— Зайдемте сюда, за кусты, — сказал Петрашко. — Я имею кое-что вам сказать.

Я с любопытством ожидал услышать одну из волнующих соловчан новостей, вроде перемены лагерной политики... но Петрашко сказал:

— Будем добывать себе свободу сами, вот что я хотел сказать.

Видя мое недоумение, Петрашко подробно рассказал мне об обширном заговоре среди заключенных каэров. Цель заговора — захват островов, средств передвижения и отступление, в случае нужды, в Финляндию. Заговор охватывал весь лагерь, включая Кемь.

— Так вот, — закончил он, — активным участником я вас не приглашаю — нас уже достаточно, чтобы захватить этот курятник. Но не удивляйтесь, когда наступят решительные часы и мы придем снимать охрану и у вас на кирпичном...

В конце лета грянул неожиданный гром: организация провалилась, как всегда бывает в таких случаях, от оплошности одного из заговорщиков... Выступление должно было произойти по прибытии «Новых Соловков» и «Глеба Бокия»... И как раз начались за несколько часов до выступления аресты. Цвет заговора, запертый в особый изолятор, оказался настоящим героем. Арестованные заговорщики держались мужественно. Они не выдали никого. Петрашко во время следственного периода издевался над следователем и умер героем». Когда уже начались аресты, он успел сказать автору этих воспоминаний: «Вы не беспокойтесь, про нашу связь знаем только я да Попов. Умереть мы сумеем. Цену признаний мы ведь знаем»⁹.

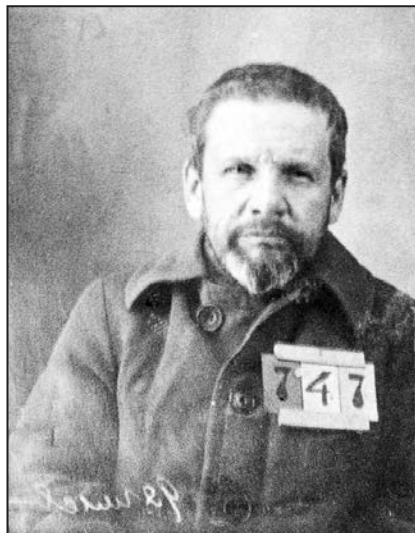
Известно и место расстрела заговорщиков — это произошло с южной стороны старого монастырского кладбища. Около места расстрела в 1989 г. был установлен камень, к которому ведет аллея памяти.

⁹ Никонов-Сморозин М. Красная каторга. (Записки соловчанина). Изд. И.Т.С.Н.П., 1938. С. 24, 183, 194, 195–199.

Валентин Дягилев

Побеги с Соловков случались и в 1930-е гг., когда Соловки стали Восьмым, штрафным, отделением ББК. 13 июля 1933 г., убив начальника поста и разоружив охрану, с о-ва Анзер бежало восемь человек. Добравшись на лодке до Летнего берега, они решили уходить в сторону Онеги, так как видели, что к берегу подходит лагерный пароход с солдатами. В лесу встретили стрелка-оперативника и местного проводника, которые несли продукты и оперраспоряжения красноармейцам, находящимся в засаде. Забрав у них оружие, бинокли, продукты и документы, беглецы продолжили путь по намеченному маршруту, но 24 июля напо-

ролись на заставу кемской милиции и рыбаков. Началась перестрелка, случайно была убита девушка из д. Яреньги, носившая рыбакам еду. Избежав потерь, беглецы разделились на две группы, но неудачи преследовали их. В Яреньге был схвачен Николай Харитонов (сослан по ст. 58-б, шпионаж), зашедший попросить хлеба, застрелен Николай Кайгородцев (сослан за причастность к троцкизму, бежал второй раз), затем наткнулся на засаду и был пойман Александр Щанников и убиты Александр Зирин (сослан за бандитизм) и Куклин. За несколько дней до этого они убили в рыбацкой избушке двух рыбаков. Вскоре был задержан Мельник-Радкевич, бывший офицер, летчик.

Через 33 дня с начала побега, в 26 километрах от Лямцы был пойман эстонец Артур Инго (сослан по ст. 58-б). Не был найден только Хайсконен, финн, сосланный на Соловки на 10 лет за шпионаж. Так закончилась история и этого, редкого по длительности и трагизму, побега с Соловков¹⁰.

Вот еще один интересный документ — Приказ Главного Управления лагерями и трудпоселениями НКВД № 84 от 17 октября 1934 г. «О побегах заключенных (спецограниченцев) из Соловецкого Отделения Белбалтлага НКВД и о наложении на виновных взысканий»¹¹. В документе говорится:

«В конце июня и в начале июля с/г начальником 3-го отделения ГУЛАГа тов. Евгеньевым... было проведено специальное обследование Соловецкого Отделения, в результате которого им были даны исчерпывающие указания руководству Соловецкого Отделения и начальнику 3 отдела ББК тов. Попову по вопросу поддержания должного режима среди заключенных (спецограниченцев), содержащихся на островах, а также по вопросу обеспечения надежной изоляции их.

¹⁰ Сухановский А. По следу волчьей стаи // Северный комсомолец. 27.05.1994.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 8. Л. 83об., 84.

Несмотря на все эти указания, существующий режим среди заключенных в Соловецком Отделении, а также организация борьбы с побегами находятся в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем свидетельствуют исключительно нетерпимые факты групповых побегов заключенных (спецограниченцев) с островов.

1 сентября с.г. с Соловецкого острова группой шпионов в составе 4 человек, из которых трое приговорены к ВМН [высшей мере наказания. — А.С.] с заменой десятию годами, и один осужденный на 10 лет, был осуществлен побег при помощи сооруженной самими беглецами лодки. Побег совершен по заранее обдуманному плану, и как это видно из предварительных материалов, готовился в течение сравнительно продолжительного времени.

Казалось бы, имевший место побег 1 сентября должен был мобилизовать внимание руководства Соловецкого Отделения и 3 Отдела ББК на борьбу с побегами заключенных с островов, но ни начальник отделения тов. Пономарев, ни начальник 3 части тов. Макаев, ни начальник 3 отдела тов. Попов и его помощник по В / охране тов. Назаров надлежащих выводов для себя не сделали.

15 сентября с Соловецкого острова, т.е. всего лишь через 10 дней после первого побега, группой заключенных в три человека, из которых один шпион и двое бандитов, имеющие срока по 10 лет каждый, с помощью лодки осуществляется второй побег.

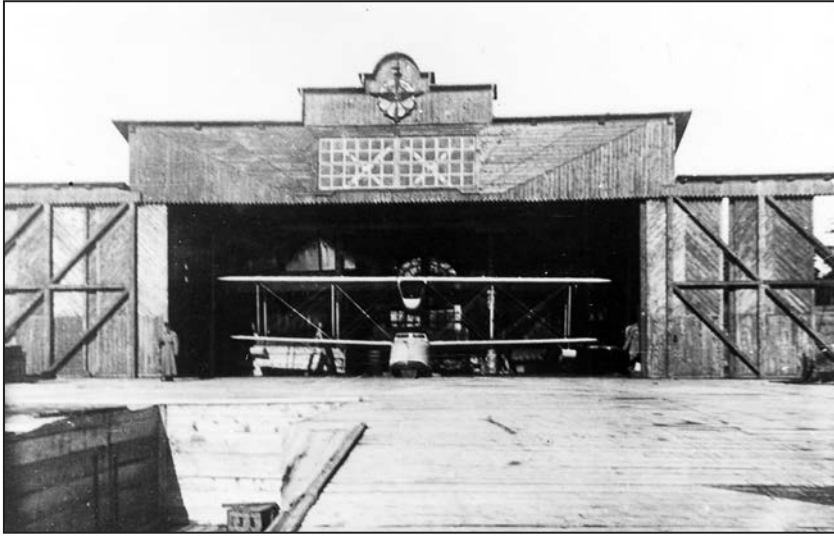
Указанные побегии требовали от участников длительной подготовки. Несмотря на это, 3-я часть Соловецкого Отделения никаких сведений о готовящихся побегах не имела».

Далее следует приказ о наказаниях виновных и об ужесточении режима содержания заключенных, в том числе — запрет использования заключенных на работах, связанных с выходом в море. Подписан приказ Начальником ГУЛАГа НКВД Берманом.

Кое-что известно о побеге 1 сентября 1934 г. Его участниками были: Степан Ефимович Севастеенко, 1899 г.р., из Орпанского уезда Могилевской губернии, зоотехник Самарского краевого земельного управления, в 1932 г. по ст. 58-6 был на 10 лет сослан в Сиблаг, за побег получил еще 10 лет и сослан на Соловки; Тамминен Арвид Еремеевич, 1904 г.р., финн, родился в Петербурге, в 1924 г. на лыжах через Финский залив пришел в СССР, до ареста преподавал бомбометание в школе летчиков в Оренбурге, арестован и приговорен по ст. 58-6 к ВМН с заменой на 10 лет. Еще о двух участниках побега — Цишковском Н.В. и Лайтало — пока ничего не известно. На лодке, сделанной из досок, 31 августа названного года они бежали, но 1 сентября были пойманы на острове Ромбаке, близ Кеми. С.Е. Севастеенко и А.Е. Тамминен были расстреляны 1 ноября 1937 г. в Сандармохе, в Карелии, в числе 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы, расстрелянных там в конце октября — начале ноября¹².

Еще об одной попытке побега пишет в своих воспоминаниях Ю.И. Чирков: «Это был знаменитый побег 1 сентября 1935 г. Павла Борейши, о котором потом

¹² Архив УФСБ по Архангельской обл. Протокол № 85 от 14 октября 1937 г.

Ангар для гидросамолетов на Соловках. 1928 г.

говорили долгое время». Павел Борейша, молодой рабкор, свой срок, 8 лет, получил за статью о голоде на Украине, которая властям показалась крамольной. Вначале он был на материке, но в 1934 г. бежал, был пойман и, получив добавку к сроку, отправлен на Соловки. Летом 1935 г. он написал заявление на имя Сталина, описав свою историю, за что был переведен на тюремный режим. «Бежал он во время прогулки, сумев из узкого прогулочного дворика на территории монастыря, расположенного вдоль крепостной стены, перелезть через забор, влезть на стену, спуститься со стороны Святого озера и уйти в лес. В море ни самолет, ни катера не обнаружили беглеца, а ночью начался шторм, бушевавший двое суток. Борейшу нашли неделю спустя в маленькой бухточке на западном берегу острова рыбаки, разбиравшие выброшенный бурей лес. Павел был привязан к большому бревну. Штормом, шедшим с запада, его выбросило на берег и завалило плавником. Рассказывали, что у него был разбит череп и переломаны все кости».¹³

Мы не знаем побегов с Соловков со счастливым концом. Только С. Мальсагов вспоминает о некоем студенте-медики Николаеве, который, попав на Соловках работать в канцелярию, подделал себе все необходимые документы на вымышленное имя и при удобном случае, выехав по делам в Кемь, бежал в Москву, откуда потом прислал привет¹⁴. Возможно, такие случаи и были, но люди после этого вынуждены были скрываться, жить под чужим именем, боясь проговориться о своем прошлом даже во сне.

При этом довольно много известно о благополучных побегах соловчан с материковых командировок в Финляндию и другие страны. Оказавшись за границей,

¹³ Ю. Чирков. «А было все так...». М., 1991. С. 15–17.

¹⁴ Мальсагов С. Адские острова. Лондон, 1926 (переиздание: Алма-Ата, 1990). С. 95.

они нередко издавали свои воспоминания. Так, 18 мая 1925 г. из-под Кеми бежала группа 5 человек — С.А. Мальсагов, Ю.А. Бессонов, Мальбродский, Сазонов, Василий Приблудин. Через месяц невероятных трудностей, страданий и мучений они перешли финскую границу. Уже в 1926 г. в Англии вышла книга С.А. Мальсагова «Адский остров». (С.А. Мальсагов прожил очень трудную и честную жизнь и умер в Англии в 1976 г.) Позднее и Ю.А. Бессонов написал книгу «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков», в которой мы найдем много интересных подробностей этого тяжелого, полного опасностей «путешествия» — на протяжении всего побега он вел дневниковые записи.

В том же 1925 г. побег из Кеми совершил бывший офицер Антон Клиндер, пробывший на Соловках почти три года. Он тоже написал воспоминания «Соловецкая каторга. Записка бежавшего», напечатанные в 19-м томе Архива Русской революции (Берлин, 1928).

Иван Михайлович Зайцев, генерал царской и Белой армии, начальник штаба армии Дутова, вернувшись по персональной амнистии в Россию, на пять лет попал на Соловки. Вывезенный в конце 1927 г. с Соловков в ссылку, он вскоре бежал, добрался до Китая и в 1931 г. издал там свои воспоминания «Соловки. Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти».

Профессор-ихтиолог В.В. Чернавин, осужденный на пять лет за вредительство и работающий в лагере в рыбпроме, летом 1932 г., пользуясь пропуском для бесконвойного передвижения в районе лагерных рыболовных артелей, вызвал из Ленинграда освобожденную из-под ареста жену с ребенком и они втроем на лодке по Кандалакшскому заливу и речке, впадающей в него с запада, а дальше пешком добрались до Финляндии.

В 1934 г. беспрецедентный побег совершили Солоневичи. Иван Лукьянович с сыном Юрием находились в Медвежьегорске, а его брат Борис — в Свирьлаге, в Лодейном Поле. Но они сумели договориться, бежали в один день, и почти одновременно пересекли финскую границу. В 1938 г. вышла книга И.Л. Солоневича «Россия в концлагере». (И.Л. Солоневич — известный историк, автор пятитомного труда «Народная монархия», человек удивительной и трагической судьбы). Борис Солоневич, некоторое время находившийся в лагере на Соловках, написал книгу «Тайна Соловков» (Брюссель, 1942). Многие из этих книг сейчас изданы и у нас.

Материалы к истории лагеря и тюрьмы на Соловках (1923–1939 гг.)

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, СТАТИСТИКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ,
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ ИСТОРИИ

1920, май — закрыт Соловецкий монастырь. Имущество монастыря принято на баланс советских организаций, насельники монастыря лишены всякой власти¹.

1920, конец мая — на островах созданы две организации: лагерь принудительных работ для заключения военнопленных Гражданской войны и лиц, осужденных на принудительные работы, и совхоз «Соловки». В 1920 г. в лагере принудительных работ вместе с конвоем было до 350 человек. Комендантом островов назначен сотрудник Архгубчека С.А. Абакумов². По другим данным, совхоз на Соловках был создан в марте 1921 г., а 12 апреля 1921 г. было утверждено Положение о совхозе «Соловки»³.

1922, 16 июня — уполномоченный секретно-оперативного отдела Архгубчека Ж. Ракстин направлен в командировку на Соловецкие острова, в г. Онегу и Пертоминский монастырь для выбора места для организации лагеря особого назначения. Выбор был сделан в пользу Соловков. На Соловки отправлен начальник Отдела ГПУ Архангельской губернии для изучения обстановки на Соловках и возможности использования имеющегося там лагеря принудительных работ в качестве базы для создания лагеря особого назначения⁴.

1923, 25 мая — в ночь с 25 на 26 мая на территории монастыря начался сильный пожар, продолжавшийся трое суток⁵.

¹ Шубин А. Закрытие, изъятие, сокрытие (ликвидация Соловецкого монастыря и национализация его имущества) // Соловецкий сборник. Архангельск, 2006. Вып. 3. С. 188.

² Там же; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 352. Оп. 1. Д. 135. Л. 88 об.

³ Волков О.Г. Историческая справка по истории Соловецкого монастыря. Архив СГИАПМЗ.

⁴ Соловецкий сборник. Архангельск, 2006. Вып. 3. С. 66.

⁵ Соловецкие острова. 1926. № 7. С. 39–51.

1923, 7 июня — на судне «Семен Буденный» на Соловки прибыла первая партия заключенных СЛОНа⁶. В начале июня на островах работала спецкомиссия по приему хозяйства. 16 июня все служащие совхоза были рассчитаны⁷.

1923, 18 июня — в СЛОНе организовано лесничество. Прорублена просека от Савватьевской дороги до Белужьей губы в 3,5 версты, начались работы по лесоразработкам⁸.

1923, 10 июля — в Ленинграде формируется 95-й особый дивизион для охраны заключенных на Соловках. В начале августа он прибывает на Соловки⁹.

1923, август — по инициативе архитектора П.Д. Барановского заключен договор Отдела музеев Главнауки Народного Комиссариата Просвещения с Управлением СЛОНа, регламентирующий использование зданий монастыря лагерем и обеспечивающий проведение восстановительных работ после пожара¹⁰.

1923, 23 сентября — в помещении монастырской ризницы открылся театр на 250 мест пьесой Мясницкого «Сокровище». В 1926 г. театр переведен в помещение общей трапезной для паломников¹¹.

1923, 2 октября — Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ и двух пересыльных пунктов: в городах Архангельске и Кемь. Постановление подписал зам. Председателя СНК Рыков¹². Согласно приказу зам. председателя ОГПУ Г. Ягоды № 527, «к 15 декабря Северные лагеря принудительных работ и Управление лагерями г. Архангельска, Холмогор и Пертоминского лагеря переведены на о. Соловки. Общее руководство СЛОНОм осуществляет один из членов Коллегии ОГПУ. Ему непосредственно подчиняется начальник Управления СЛОНа»¹³.

1923, ноябрь — на острове пущена первая узкоколейка Пристань – озеро Энергии – район Кремля. Вначале на локомотиве был установлен автомобильный двигатель. 13 августа 1924 г. появился паровоз¹⁴.

1923, 19 декабря — в Савватьеве были убиты шесть «политиков»: эсеры Елизавета Котова (25 лет), Георгий Кочаровский (28 лет), Меер Горелик (26 лет),

⁶ В 1923–1928 гг. встречаются разные названия лагеря: 1. Лагеря принудительных работ ГПУ на Соловецких островах. 2. Соловецкие лагеря Особого назначения ГПУ. 3. Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ГПУ. 4. Соловецкий лагерь особого назначения ГПУ. 5. Соловецкие концентрационные лагеря ОГПУ.

⁷ Новые Соловки. 1925. 7 июня. С. 3.

⁸ СЛОН. 1924. Кн. 4. Л. 78.

⁹ Новые Соловки. 1925. 22 июня. С. 1.

¹⁰ Соловецкий монастырь: Из архива П.Д. Барановского. М., 2000. Т. 1. С. 13.

¹¹ Соловецкие острова. 1926. № 1. С. 95.

¹² Справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР» (М., 1998. С. 394) сообщает, что лагерь был организован 23 октября 1923 г.; Ю.Н. Моруков указывает дату 13 октября 1923 г. (Моруков Ю.Н. Соловецкий лагерь Особого Назначения // Соловецкое море. Архангельск; М., 2004. Вып. 3. С. 123).

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 2. Л. 43; ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 1. Д. 4, Л. 53; Социокультурное пространство: инновации, глобальное и региональное измерение // Материалы Десятого Соловецкого форума. Архангельск; Соловецкие острова, 2001. С. 67.

¹⁴ Чихачев Ф. Соловецкая железная дорога // Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 27–29.

Парад 1 мая. Б/г. Из коллекции А.И. Сидорова

Гаврила Белима-Пастернак (27 лет), Наталья Бауэр-Цейтлдин (32 года), Всеволод Попов (28 лет); погребены в Савватье¹⁵.

1923 — на о-ве Жижгин¹⁶ начал работу йодный завод, в первый же год получено 260 кг йода¹⁷.

1923 — на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке скота СЛОН за выставленные 10 голов скота холмогорской породы получил семь премий¹⁸.

1924, март — вышел первый номер журнала «СЛОН». Тираж — 15 экземпляров, напечатан на «Ундервуде». Номера 9–10 напечатаны уже на «Американке» тиражом 200 экземпляров. В этом же месяце начала работать литография. С 1925 г. журнал называется «Соловецкие острова»¹⁹.

1924 — в Ленинграде 2–3 февраля по «церковному делу» арестована большая группа священников и мирян. По Постановлению ОСО КОГПУ от 24 сентября 35 человек были сосланы на Соловки. В их числе священнослужители: епископ Мануил (Лемешевский), священники Иоанн Чоккой, Николай Вертоградский, Михаил Прозоров, Иоанн Стеблин-Каменский, миряне Анна Лыкопина, Наталия Фредерикс, Варвара Фукс, Андрей Лемешевский и др.²⁰

¹⁵ Соловецкая трагедия // Север. 1990. № 9. С. 93–98.

¹⁶ Жижгин — остров недалеко от Соловков, где лагерь занимался добычей и переработкой водорослей.

¹⁷ Соловецкие острова. 1929. № 3–4. С. 31–34.

¹⁸ СЛОН. 1924. Кн. 4.

¹⁹ Материалы СОКа. Соловки, 1926. Вып. 2. С. 177.

²⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 162. Л. 203.; Д. 159. Л. 267 об.

1924 — в апреле в Ленинграде была арестована большая группа студентов университета и Географического института, 4 июня 50 человек были сосланы на Соловки²¹.

1924, 30 июня — приказом УСЛОН № 110 создана комиссия по изучению природы Соловков под руководством заключенного инженера-геолога А.И. Филимонова. Летом проведено несколько экспедиций по островам с целью их геологического, зоологического и ботанического обследования²².

1924, 25 сентября — организационное собрание по образованию Соловецкого отделения Архангельского Общества Краеведения (СОАОК)²³.

1924, 2 октября — принято Положение о Соловецких лагерях Особого Назначения ОГПУ²⁴.

1924, 7 октября — в «Известиях ВЦИК СССР» № 229 появилась статья помощника прокурора Верховного Суда СССР Катаньяна о положении политзаключенных на Соловках²⁵.

1924, 2–17 октября — началась голодовка эсеров и анархистов в Савватьево, на Муксалме и на Анзере, в которой участвовало 165 человек. Голодовка длилась 15 дней²⁶.

1924 — на Соловках открылась трудовая школа «Полярная Звезда» для детей-заключенных²⁷.

1924 — Разгрузочная комиссия ОГПУ в составе Бокия (член Коллегии ОГПУ), Красикова (прокурор Верховного Суда) и Катаньяна досрочно освободила 350 человек, в том числе 16 матросов — участников Кронштадтского мятежа²⁸.

1925, 11 января — вышел первый номер газеты «Новые Соловки». Ее первым выпускающим стал заключенный Николай Литвин²⁹.

1925, 10 марта — постановление СНК СССР о переводе политзаключенных с Соловков в политизоляторы на материке. 17 июня все политические заключенные вывезены на материк и распределены по политизоляторам и ссылкам³⁰. По другим источникам, со ссылкой на «Известия ЦИК Союза СССР» № 135 от 17 июля 1925 г. Постановление СНК «О прекращении содержания в Соловецком концлагере особого назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий и о переводе их не позднее 1 августа в места лишения свободы на

²¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 307. Л. 101 об.

²² Материалы СОКа. Соловки, 1927. Вып. 16. С. 9.

²³ ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

²⁴ Поморский Мемориал. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 758–778.

²⁵ СЛОН. 1924. № 9–10.

²⁶ Вайнштейн (Ланде) В.М., Мельникова (Бабина) Ц.М. Голодовка политзаключенных на Соловках 1924 г. // Вестник «Мемориала». СПб., 2001. № 6. С. 219–243.

²⁷ СЛОН. 1924. № 4.

²⁸ СЛОН. 1924. № 7–8; Красилов П. Соловки. // Родина. 1993. № 11. С. 55–57.

²⁹ Новые Соловки. 1926. № 19.

³⁰ Материалы Десятого Соловецкого форума. Архангельск; Соловецкие острова, 2001. С. 75; Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 257.

Железная дорога. Б/г. Из коллекции А.И. Сидорова

материке» датируется 25 июня 1925 г. У Ю.Н. Морукова постановление датируется 10 июня 1925 г.³¹

1925, 13 марта — приказ УСЛОНа № 56 об образовании Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения (СОАОКа) — «комиссию по изучению природы Соловецких островов влить со всем имуществом, музеем и биосадам в СОАОК, с подчинением Архангельскому Обществу Краеведения. Зав. музеем и техническое руководство работой возлагается на з/к А.И. Филимонова, зав. Биосадам — на з/к М.И. Некрасова»³².

1925, 12 мая — приказом УСЛОНа № 103 Глубокая (Долгая) губа объявлена заказником³³.

1925, 7 июля — начала действовать ветка железной дороги Кремль – кирпичный завод³⁴.

1925 — начата постройка кирпичного завода на 10 000 кирпичей в один обжиг; построено новое здание электростанции; сделаны новые ворота в доке; закончена кладка здания кожевенного завода; приступили к капитальному ремонту всех грунтовых дорог на острове³⁵.

1925, 10 июня — приступили к расширению электростанции. Прибыли две паровые машины по 120 л. с.³⁶

³¹ Моруков Ю.Н. Указ. соч. С. 126.

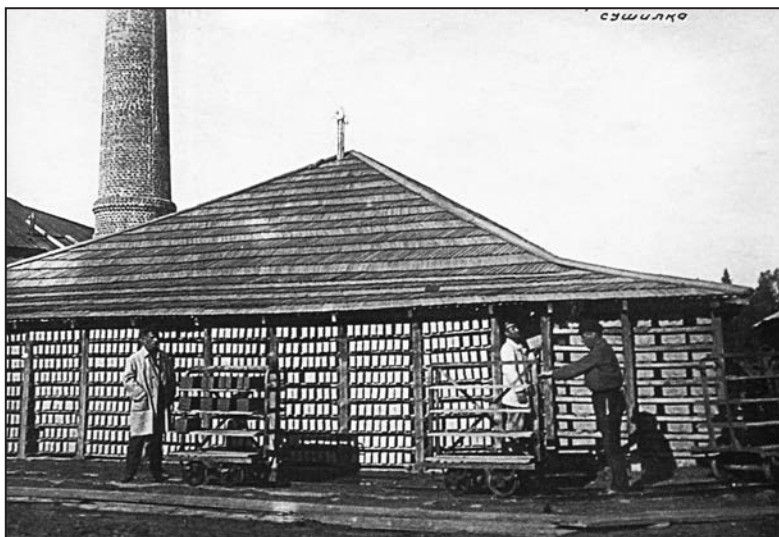
³² Материалы СОАОКа. Соловки, 1927. Вып. 1. С. 11.

³³ ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

³⁴ Новые Соловки. 1925. № 28.

³⁵ Новые Соловки. 1925. № 17, 23, 34, 42.

³⁶ Новые Соловки. 1925. № 28.

Сушка кирпичей на кирпичном заводе. 1920-е гг.

1925, июнь — сотрудники СОАОКа участвовали в областном съезде краеведов в Архангельске, большой интерес вызвала привезенная ими выставка, на которой было представлено более 4500 экспонатов³⁷.

1925, июль — на Соловки из Ленинграда сослана большая группа арестованных по «Делу лицеистов», бывших выпускников Императорского Александровского лицея и Императорского училища Правоведения. Среди них были: священник Владимир Лозина-Лозинский, Александр Сиверс, Наталия Путилова, князь Николай Голицын, Анна, Карл и Александр Шильдеры, барон Николай Штромберг, Лев Кондратьев, Алексей Арнольди, Михаил Фроловский, Александр Викторов и др.³⁸

1925, лето — мощи преподобного Елеазара вскрыты и вывезены с о-ва Анзер³⁹.

1925, 20 сентября — открылся заповедник в Спасо-Преображенском соборе. Вскоре заповедником была объявлена и деревянная церковь во имя апостола Андрея Первозванного на Заяцком острове⁴⁰.

1925, 21–22 сентября — историко-археологическим отделом музея СОАОКа в присутствии заключенных епископов Иувенналия (Масловского) и Мануила (Лемешевского), чекиста Когана было произведено вскрытие мощей преподобных Иринарха и Германа, Зосимы и Савватия⁴¹.

³⁷ ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 33. Л. 1; Материалы СОАОКа. Соловки, 1927. Вып. 1. С. 12–13.

³⁸ Телетова Н.К. «Дело лицеистов» 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.

³⁹ Новые Соловки. 1925. № 35.

⁴⁰ Новые Соловки. 1925. № 37.

⁴¹ Карело-Мурманский край. 1927. № 4. С. 7–9.

1925, 13 ноября — начальник УСЛОНа А.П. Ногтев⁴² уезжает с Соловков, «его преемником остается старый революционный работник и старый чекист Ф.И. Эйхманс»⁴³.

1925, осень — на Соловки прибыли высланные из Москвы 1744 злостных нищих, в составе лагеря была организована их колония⁴⁴.

1925 — по Реболдской дороге в лесу отыскана могила стрельцов, убитых в 1666 г.⁴⁵

1925 — УСЛОН заключает договора на ведение работ на материке. Силами заключенных там начались лесоразработки, строительство тракта Кемь – Ухта. Начало распространения УСЛОНа на материке⁴⁶.

1926, 4 апреля — митинг по случаю прилета на Соловки первого гидроплана (летчик Л. Ковалевский, летчик-наблюдатель И. Полозов, механик А. Выэля). В декабре открыта воздушная линия Кемь – Соловки с двумя воздушными станциями в Кеми и на Соловках⁴⁷.

1926, апрель — приступила к работе комиссия по переименованию озер⁴⁸.

1926, 9 июня — в день отдания Пасхи заключенными епископами на Соловках была составлена «Памятная записка», представленная на усмотрение правительства. Это один из выдающихся документов ГУЛАГа⁴⁹.

1926, сентябрь — международный комитет Красного Креста в лице председателя Густава Адора обратился с просьбой предоставить возможность его уполномоченным представителям в Москве осмотреть СЛОИ. Просьба рассматривалась на заседании совещания при Исполнительном Комитете Союза обществ Красного Креста. А.С. Енукидзе написал Г. Адору: «Что касается Соловков, то там в настоящее время находятся только уголовные преступники»⁵⁰.

1926, 23 октября — создана и приступила к работе криминологическая секция СОКа, цель которой — изучение преступного мира⁵¹.

1926 — велись переговоры с Казанским университетом о возвращении в музей СОКа рукописей, вывезенных из монастыря в 1854 г. За радиостанцией найдены три лабиринта и груды, городки. Построен новый скотный двор на 44 стойла. Закончен конкурс на проект типового барака. (Победили заключенные инженер Калмыков, техник Борисов, чертежник Варгасов.) Началось массовое

⁴² Ногтев Александр Петрович (1892–1947) — в ВЧК с 1921 г., первый начальник УСЛОНа (1923–1925). В 1938 г. был арестован, на 15 лет сослан в Норильлаг, в 1945 г. освобожден.

⁴³ Новые Соловки. 1925. № 46.

⁴⁴ Моруков Ю.Н. Указ. соч. С. 126.

⁴⁵ Соловецкие острова. 1925. № 9–10. С. 53–54.

⁴⁶ Новые Соловки. 1926. № 3; Государственный архив общественно-политических движений и формирований (ГАОПДФ). Ф. 5715. Оп. 1. Д. 9а.

⁴⁷ Соловецкие острова. 1926. № 5–6. С. 211–212; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2818. Л. 22–23.

⁴⁸ Новые Соловки. 1926. № 17.

⁴⁹ Север. 1990. № 9. С. 99–107.

⁵⁰ Отечественные архивы. 1992. № 6. Со ссылкой на ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁵¹ Новые Соловки. 1926. № 42.

Пароход «Глеб Бокий». 1920-е гг. Из коллекции А.И. Сидорова

строительство бараков. СОАОК реорганизовано в самостоятельное Соловецкое Общество Краеведения (СОК)⁵².

1927 — в начале года в Кемском пересыльном пункте начала развиваться эпидемия сыпного тифа, с наступлением навигации перекинувшись и на острова. В начале она дала о себе знать в Кремле, а затем и в других отделениях, приняв к концу года угрожающий характер. Эпидемия закончилась только к 1931 г.⁵³

1927 — журнал «Соловецкие острова» сливается с журналом «Карело-Мурманский край» (с августа 1929 г. начал выходить снова)⁵⁴.

1927 — группа политзаключенных была отправлена с Соловков на Мягостров, где терпели постоянные издевательства, жестокие побои и непосильные нормы на лесозаготовках⁵⁵.

1928 — на экраны страны вышел документальный фильм «Соловки» (съемки 1927–1928 гг.). Режиссер А.А. Черкасов, оператор Г.С. Савенко (хранится в архиве кино-фото-документов г. Красногорска).

1928, осень — началось строительство Филимоновской ветки ж/д протяженностью 10 км для вывоза торфа и леса⁵⁶.

1928, конец года — в Ленинграде была арестована большая группа участников религиозно-философского кружка «Воскресение», руководимого философом А.А. Мейером. 70 человек были приговорены к различным срокам заключения.

⁵² Новые Соловки. 1926. 30 мая; 22 августа; Материалы СОКа. Соловки, 1927. Вып. 3. С. 2.

⁵³ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2818.

⁵⁴ Карело-Мурманский край. 1927. № 2; Север. № 9. 1990. С. 128–137.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 205. Л. 101.

⁵⁶ Карело-Мурманский край. 1927. № 9. С. 27–29.

В 1929 г. большая группа была сослана в СЛОН. На Соловках отбывали заключение: А.А. Мейер, К.А. Половцева, Н.П. Андиферов, Т.Н. Гиппиус, П.Ф. Смотрицкий, О.В. Второва-Яфа, Г.Г. Тайбалин, М.М. и С.М. Таубе, Н.В. Пигулевская и др.⁵⁷

1929, 20 июня — визит на Соловки А.М. Горького с членами семьи и в сопровождении чекистов Г. Бокия, М. Погребинского⁵⁸.

1929, 6 июля — из Кеми на пароходе «Глеб Бокий» на р. Чебью отправлена экспедиция из заключенных СЛОНа в количестве 139 человек, в основном геологов. 21 августа экспедиция прибыла к месту назначения. Это дата основания города Ухты⁵⁹.

1929, 8 августа — из Москвы на Соловки за религиозные убеждения выслана группа в количестве сорок человек⁶⁰.

1929, 7 декабря — постановление Совнаркома Союза СССР о переводе Соловецкого, Вишерского и Северного (район Ухты) лагерей на самокупаемость⁶¹.

1929, 29 октября — На Соловках по «Кремлевскому заговору» расстреляно 36 человек, в том числе: А. Сиверс, Г. Осоргин, Н. Арбенин, С. Покровский, В. Чеховской, С. Петрашко. Еще 15 человекам высшую меру наказания заменили десятью годами заключения⁶².

1929 — Управление СЛОНа переехало с острова в Кемь⁶³.

1929 — в Красный Крест поступило заявление от членов семей заключенных Соловков о том, что в марте – апреле заключенных заставляли перевозить на себе тяжелый груз от кирпичного завода до Филимонова, расстоянием около десяти километров, запрягая в сани по пять заключенных⁶⁴.

1929 — началась осушка 500 га Куликова болота⁶⁵.

1929 — первый выпуск расчетных квитанций для лагерей особого назначения с номиналом 2, 5, 20, 50 копеек; 1, 3 и 5 рублей за подписью члена Коллегии ОГПУ Г. Бокия⁶⁶.

1929–1930 — за 8 месяцев в лазарете в Голгофо-Распятском скиту на о-ве Анзер умерли 979 человек⁶⁷.

1929–1932 — на командировке Троицкая (Троицкая спасательная станция на о-ве Анзер), где в это время содержалось много католических священников,

⁵⁷ Вестник «Мемориала». СПб, 1994. № 3(9). С. 19–22; Яковлева А.П. Кружок «Воскресение» — историческая справка. Архив СГИАПМЗ.

⁵⁸ Горький А.М. Соловки // Наши достижения. 1929. Сентябрь.

⁵⁹ Звенья. Вып. 1. С. 333.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 468. Л. 281об.

⁶¹ Моруков М. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 176.

⁶² Архив УФСБ по Архангельской обл. № П-13969.

⁶³ Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 гг. Факты – домыслы – «параша». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Б/м, 1979. Кн.1. С. 74.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 406. Л. 79.

⁶⁵ Соловецкие острова. 1929. № 3–4. С. 34–39.

⁶⁶ Родина. 1997. № 9. С. 86–90; Север. 1990. № 9. С. 121–122.

⁶⁷ Звенья. Вып. 1. С. 366.

Красноармейцы в СЛОНе. Б/г. Из коллекции А.И. Сидорова

по инициативе епископа Болеслава Слоскана для организации тайных богослужений и поддержки друг друга материально была организована коммуна, в которую вошли 32 ксендза. В 1932 г. по «Делу коммуны» проводилось следствие, по которому ее участникам были увеличены сроки, многие расстреляны в 1937 г.⁶⁸

1930, 3 апреля — Постановление Коллегии ОГПУ об обязательном выезде специальной комиссии в Соловецкие лагеря для их обследования. В 1930–1932 гг. работала комиссия под руководством члена Коллегии ОГПУ А.М. Шанина, был расследован целый ряд уголовных дел по преступлениям администрации лагеря и надзорсостава, наиболее крупные из них: дело по Кемперпункту,

дело по Кремлю, дело по командировке Голгофо-Распятский скит на Анзере⁶⁹.

1930, 7 апреля — Совнаркомом утверждено первое Положение об исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ)⁷⁰.

1930, весна — СЛОН реорганизован в Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (УСИКМИТЛ), Соловки стали одним из двенадцати его отделений — Четвертым, а все шесть отделений на архипелаге переименованы в лагпункты. Осенью 1931 г. Управление СИКМИТЛа переведено из Кемпи в Медвежьегорск⁷¹.

1930, 1 июня — Йодпром г. Архангельска заключил с УСЛОНОм договор на добычу и пережог водорослей на Соловках. С этого времени на Соловках началась добыча водорослей в промышленных масштабах. План на 1932 г.: сбор штормовых выбросов — 15500 т, драгирование — 4500 т, пережог — 15500 т. Были устроены печи для сжигания водорослей: на Пичугах — 3, на Толстяках — 2, на Овсянке — 3, на Березовой тоне — 1, на Троицкой спасательной станции (о-в Анзер) — 1, а также сараи, склады⁷².

1930 — проведен ремонт в храме в честь иконы Божией Матери Живоносный Источник в Филипповской пустыни, в ней разместилась биологическая лаборатория. Закончено описание всех надгробных плит на монастырском кладбище вокруг Онуфриевской церкви⁷³.

⁶⁸ Архив УФСБ по Архангельской обл. № П-13721.

⁶⁹ Звенья. Вып. 1. С. 359–385.

⁷⁰ Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990. С.27.

⁷¹ Север. 1990. № 9. С. 137; Розанов М. Указ. соч. Кн. 2. С. 40–47.

⁷² ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 15; Д. 17. Л. 17.

⁷³ Новые Соловки. 1930. № 25, 32.

1930 — принято Решение Политбюро о промышленном освоении Вайгачского рудного месторождения. Была сформирована Вайгачская экспедиция, в основном из заключенных СЛОНА, горных специалистов — геологов, инженеров, топографов. Начальником ее назначен Ф.И. Эйхманс. Работы на Вайгаче продолжались до 1935 г.⁷⁴

1931 — на Соловки сослана большая группа военнослужащих, осужденных по делу «Весна» (Е. Искрицкий, Д. Максutow, А. Снесарев и др.)⁷⁵.

1931, осень — на базе Соловецких и Карело-Мурманских лагерей (УСИКМИТЛ) был сформирован Беломоро-Балтийский исправительно-трудовой лагерь для строительства канала. С Соловков проводилась большая переброска заключенных, в основном квалифицированных рабочих, вещевого довольствия и продовольствия на ББК. У оставшихся на островах заключенных были большие проблемы с одеждой, обувью, у работающих в помещениях отобрали кожаную обувь, выдали лапти⁷⁶.

1932, январь — вновь открыт Соловецкий лагерь с центром в Кеми (СЛАГ), окончательно закрыт в декабре 1933 г. Соловки были его сначала I, затем III, XI отделением⁷⁷.

1932, июнь — на территории монастыря произошел сильный пожар, который начался на третьем ярусе Спасо-Преображенского собора⁷⁸.

1932 — узкоколейка вывезена с Соловков на ББК⁷⁹.

1933, 4 марта — у подножия Секирной горы (с юго-западной стороны) было расстреляно 37 человек, осужденных в лагере за то, что «с осени 1931 г. терроризировали весь лагерь, занимаясь грабежами, поножовщиной и пьянством при полном бездействии администрации отделения»⁸⁰.

1933, осень — с Соловков пароходом «Вологда» на о-в Вайгач отправлено 720 человек заключенных. Партия прибыла к месту назначения в совершенно непригодной для Крайнего Севера одежде и обуви, многие были в лаптях⁸¹.

1933, 4 декабря — приказ ОГПУ № 00381 «О расформировании Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ». На Соловках организован спецлагерь «для содержания контингентов заключенных по особым инструкциям». Соловки стали 8-м отделением ББК. «Лицо лагеря на Соловках изменилось совершенно. Многие производства прекратили деятельность или частично сократились»⁸².

⁷⁴ Вестник «Мемориала». СПб, 2001. № 6. С. 13–15.

⁷⁵ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства, М., 2000. С. 369; ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1049. Л. 431; Д. 855. Л. 127; Вестник «Мемориала». СПб., 2001. № 6. С. 13–15.

⁷⁶ Моруков М. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 83; ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 17.

⁷⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998. С. 394; ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

⁷⁸ Соловьев Е.И. (1898–1945). Воспоминания. Архив СГИАПМЗ.

⁷⁹ Бочкарева О. Железнодорожный транспорт на Соловках. 1920–1932 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2007. Вып. 4. С. 23.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 об. – 57.

⁸¹ Там же. Д. 4. Л. 69 об. – 70.

⁸² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998. С. 394; ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

1933–1934 — сотрудниками СОКа, заключенными П.К. Казариновым и А.А. Евневичем (расстреляны в 1937 г.), проведено обследование и зарисовка всех исторических и архитектурных памятников Соловков. На сегодня известна часть материалов, содержащих зарисовки памятников островов (без территории монастыря и построек вокруг). Копии хранятся в фондах СГИАПМЗ.

1936 — на Соловках создано проектно-сметное бюро для работы по заказам НКВД с отделами: архитектурно-строительным, механическим, сантехническим, технологическим, электротехническим, сметным. В Бюро работало до 60 человек. Ликвидировано в 1938 г. Одной из разработок этой организации был проект здания тюрьмы. Авторами проекта были московские архитекторы К.В. и Б.В. Минихи⁸³.

1936, ноябрь — на остров прибыл этап 226 человек и размещен на о-ве Анзер в Голгофо-Распятском скиту⁸⁴.

1937, 20 февраля — в соответствии с приказом НКВД от 28 ноября 1936 г. Соловецкое лагерное отделение ББЛ передано 10 отделению ГУГБ НКВД и реорганизовано в Соловецкую тюрьму ГУГБ⁸⁵.

1937, 10 августа — приказ НКВД об объявлении штата Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД. Соловецкая тюрьма состояла из пяти отделений: Центрального, Муксалмы, Савватьева, Анзера, пересыльного отделения в Кеми. Штат тюрьмы определялся в 1005 человек⁸⁶.

1937 — Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области в составе начальника Ленинградского управления НКВД Л.М. Заковского, его заместителя В.Н. Гарина. Б. Позерна и Егорова было приговорено к расстрелу 1825 заключенных Соловецкой тюрьмы (расстреляно 1820), в том числе: 1111 человек расстреляно в Сандармохе (Карелия) 27 октября – 4 ноября 1937 г.; 509 человек — 8–10 декабря в Ленинградской области (?) и 200 человек — на Соловках 17 февраля 1938 г.⁸⁷

1939, 1 февраля — потерпел аварию самолет Соловецкой тюрьмы, погиб врач Митрофанов, был ранен летчик Антоненко. По приказу Л. Берии от 10 марта 1939 г. начальник Соловецкой тюрьмы капитан госбезопасности Коллегов был снят с работы, отдан под суд и позднее расстрелян.⁸⁸

1939, 17 октября — приказ № 37 по Главному Тюремному Управлению НКВД СССР «О назначении комиссии под руководством зам. Начальника ГТУ НКВД Зильбермана для составления предварительного ликвидационного плана Соловецкой тюрьмы»⁸⁹.

1939, 2 ноября — приказ № 001335 Комиссара НКВД СССР Л. Берии о закрытии тюрьмы ГУГБ на острове Соловки: «...заключенных, подлежащих содержанию

⁸³ Чашей В. Воспоминания. Архив СГИАПМЗ.

⁸⁴ Архив УФСБ по Архангельской обл. № П-14787.

⁸⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998. С. 396.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 14.

⁸⁷ Разумов А. Скорбный путь соловецких этапов // Ленинградский мартиролог. СПб, 2009. Кн. 8. С. 656–676.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 38; Соловецкий вестник. 1993. Август.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 3.

Здание соловецкой тюрьмы, построенное в 1938–1939 гг. 1980-е гг.

в тюрьмах ГУГБ, перевести во Владимирскую и Орловскую тюрьмы <...> лагерный контингент заключенных полностью передать в распоряжение Главного Управления лагерей СССР <...> передать Народному Комиссариату военно-морского флота материальные ценности <...> этапирование всех заключенных <...> и вывоз материальных ценностей закончить к 15 декабря 1939 г.»⁹⁰.

1940 — для разборки прибывшего и находящегося в Бутырской тюрьме архива Соловецкой тюрьмы ГУГБ назначена комиссия, которой предписывалось: материалы, нужные для дальнейшего текущего использования, передать по описи соответствующим работникам отделов и инспекции Главного тюремного Управления по принадлежности; материалы, не нужные для текущей работы, но подлежащие дальнейшему хранению в архиве, по описи передать в соответствующие отделы и инспекции по принадлежности для хранения в архивах отделов; материалы, не подлежащие дальнейшему хранению, — составить подробные описи и уничтожить их по акту. Уничтожить все дела номенклатуры бывших работающих сотрудников⁹¹.

1989, 6–8 июня — на Соловках впервые проведены Дни Памяти, ставшие с этого времени традиционными. Открыта первая экспозиция по истории Соловецкого лагеря Особого Назначения. В Вознесенском храме на Секирной горе была впервые за советское время открыто отслужена панихида по погибшим в лагере (священником Александром Ранне). На месте расстрела 36 человек 29 октября 1929 г. установлен Памятный камень.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 203. Т. 1.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 3 л. 88 об.; Д. 12. Л. 10, 68, 115–120.

1997, 27 октября — в урочище Сандармох, в 16 км от Медвежьегорска, на месте расстрела в 1937–1938 гг. более 6 тысяч человек, в т.ч. 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы, открыто мемориальное кладбище. На церемонии присутствовали родственники погибших, члены Государственной Думы, представители Правительства Карелии и дипломатического корпуса, священнослужители. Мемориал создан карельским скульптором Григорием Салтупом.

СВЕДЕНИЯ ПО КОЛИЧЕСТВУ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА СОЛОВКАХ

На 20 сентября 1923 г.: 3049 человек (из них женщин — 335, духовенства — 40, членов политических партий — 331).

1924 г.:

I кв. — 3531

II кв. — 3741

III кв. — 4145

IV кв. — 5044

(в том числе «политических» — 643, из них: члены партий эсеров, меньшевиков, анархистов — 306, содержавшихся в Савватьево — 172, на Муксалме — 65, на Анзерах — 51, в Кремле — 18).

1925 г.:

I кв. — 5872

II кв. — 6369

III кв. — 7093

IV кв. — 7727

На 1 октября 1926 г.: на островах — 6753, на материке — 3077⁹².

На 1 октября 1927 г.: на Соловках — 7445 (мужчин — 6549, женщин — 916); на материке — 5451 (мужчин — 5171, женщин — 280), всего — 12896.

Возрастной состав	Мужчин	Женщин	Всего
до 20 лет	1840	200	2040
от 20 до 30 лет	5005	687	5692
от 30 до 40 лет	2969	196	3165
от 40 до 50 лет	1156	78	1234
от 50 до 60 лет	663	35	698
от 60 и свыше	67	–	67
Всего:	11700	1196	12896

Сословный состав	Мужчин	Женщин	Всего
рабочих	618	11	629
крестьян	7831	880	8711
мещан	2292	212	2504

⁹² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М., 1998. С. 395; Поморский Мемориал. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 12; ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 12. Л. 46–66; Д. 46, Л. 178 об., 179 об.

почетных граждан	191	22	213
дворян	333	39	372
духовного звания	116	3	119
казаков	315	29	344
личных граждан	2	–	2
детей чиновников	1	–	1
детей купцов	1	–	1
Всего:	11700	1196	12896

По роду преступлений	Мужчин	Женщин	Всего
Шпионаж	926	89	1015
контрреволюция	1563	23	1586
преступления против пор-ка управл.	713	23	754
бандитизм	1321	120	1441
фальшивомонетки	719	121	840
должностные преступления	470	17	487
имущественные преступления	278	28	306
воинские преступления	3	–	3
против жизни и здоровья	294	–	294
соц. вредный и опасный	5055	750	5805
уголовное прошлое и рец.	89	13	102
прочие преступления	22	9	31
без постановления	229	3	232
Всего	11700	1196	12896

По национальному составу:

русских — 9364, белорусов — 502, украинцев — 229, евреев — 739, поляков — 353, немцев — 65, финнов — 62, латышей — 91, эстонцев — 113, литовцев — 55, татар — 184, армян — 108, грузин — 184, дагестанцев — 4, горцев — 7, кабардинцев — 4, карелов — 48, киргизов — 3, черкесов — 89, осетин — 59, цыган — 22, чувашей — 32, черемисов — 1, чеченцев — 29, турок — 14, персов — 39, венгров — 40, чехословаков — 13, сербов — 3, албанцев — 1, греков — 20, французов — 6, китайцев — 24, афганцев — 6, узбеков — 63, корейцев — 1, тавлинов — 7, зырян — 1, лезгин — 28, румын — 7, ингушей — 26, калмыков — 23, караимов — 5, тюрков — 198, сартов — 8, молдаван — 9, итальянцев — 2, бурят — 5⁹³.

1928–1930 гг.: на островах содержалось 15–19 тыс. заключенных⁹⁴.

⁹³ Доклад о деятельности УСЛОНа ОГПУ за 1926–27 гг. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2818. Л.3–6.

⁹⁴ Розанов М. Указ. соч. Кн.1. С. 119.

Знамя Соловецкого особого полка. Подарок исполнителям приговоров от судей. 1920-е гг.

На 1 марта 1930 г. на Соловках: 15834 заключенных. Всего в СЛОНе — на Соловках и на материке содержалось 57325 человек⁹⁵.

На 1 декабря 1931 г. на островах — 5156 человек. Такое количество заключенных осталось после переброски основной рабочей силы на ББК⁹⁶.

На 1 января 1932 г. на островах содержалось 4032 человек, в том числе: рабочих — 956, крестьян (батраков — 431, бедняков — 883, середняков — 819, кулаков — 331), советских служащих — 187, кустарей — 41, членов ВКП(б) и бывших сотрудников ОГПУ — 342, нэпманов — 61, духовенства — 144, прочие — 53 (в статистику не вошли содержащиеся на особом учете 53 человека, в бегах — 1, на участке Белужье, ввиду его оторванности, — 135)⁹⁷

1939 г. — на Соловках в Соловецкой тюрьме ГУГБ содержалось:

	На тюремном режиме	На лагерном режиме	Всего
на 1 апреля	1667	1946	3613
на 1 мая	1662	1813	3475
на 1 июня	1662	1813	3475
на 1 июля	2327	1772	4099
на 1 августа	2512	1722	4234
на 1 сентября	1057	1049	2106
на 1 октября	1050	1027	2077
на 1 ноября	667	855	1522

⁹⁵ Поморский Мемориал. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 12.

⁹⁶ ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 17.

⁹⁷ ГУЛАГ в Карелии: Сборник документов. Петрозаводск, 1994. С. 28

Примечание: на лагерном режиме содержались в основном «бытовики», уголовники для обслуживания⁹⁸.

Едва ли когда-нибудь будет названо точное число заключенных, прошедших через Соловки во время СЛОНа, так как у всех были разные сроки, заключенных постоянно переводили с островов на материк и обратно, кому-то сокращали срок, кому-то увеличивали. М. Розанов называет цифру — 83 000 человек⁹⁹. С учетом того, что его данные по годам почти совпадают с известными сейчас официальными данными, эта цифра, возможно, не очень далека от истины.

СТРУКТУРА СОЛОВЕЦКИХ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И РАЗМЕЩЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

В 1923–1929 гг. лагерь на Соловках состоял из шести отделений и Кемского пересыльного пункта:

I отделение — Кремль и постройки вокруг монастыря;

II отделение — лагерные пункты: Савватьево, Исаково, Овсянка, озеро Валдай и др.;

III отделение — остров Б. Муксалма (с 1927 г. — командировка I отделения) с несколькими лагпунктами;

IV отделение — штрафной изолятор в скиту на Секирной горе;

V отделение — Кондостров, где был Николаевский скит Соловецкого монастыря;

VI отделение — остров Анзер (лагпункты: Анзер — Троицкий скит, Троицкая — Троицкая спасательная станция. Голгофа — Голгофо-Распятский скит и др.);

Заяцкий остров — штрафной изолятор для женщин, командировка I отделения¹⁰⁰.

Заключенные распределялись по отделениям следующим образом:

I отделение — самое большое, здесь в основном содержались заключенные, имеющие большие сроки, серьезные контрреволюционные статьи и особые (запретные) указания Центра об их содержании;

II отделение — объединяло в производственном отношении одни из самых тяжелых работ в лагере — все работы по лесозаготовкам;

III отделение — в основном содержались заключенные, потерявшие на тяжелых физических работах свою первоначальную трудовую категорию;

IV отделение — мужской штрафной изолятор, где отбывали штрафную изоляцию наказанные в административном порядке на сроки свыше 1 месяца заключения.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 21, 30, 33, 36, 39, 42, 45, 48, 51, 54, 57.

⁹⁹ Розанов М. Указ. соч. Кн. I. С. 119.

¹⁰⁰ Клиnger А. Соловецкая каторга (записки бежавшего) // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19–20. С. 164.

Расчетная квитанция для лагерей особого назначения.
Выпуск 1929 г. с подписью члена КОГПУ Г. Бокия

V отделение — содержались заключенные, больные различными венерическими заболеваниями, «недисциплинированный элемент, отказывающийся от работ». Работы проводились в основном по самообслуживанию отделения;

VI отделение — в основном содержались инвалиды и «нетрудовой по различным причинам элемент лагеря». Отделение проводило главным образом работы по самообслуживанию и промысловые (рыболовство, кустарная мастерская и др.).

Заяцкий остров — женский штрафизолятор. Здесь содержались на тюремном режиме женщины, отбывавшие административное наказание по срокам свыше месяца. Заключенные штрафного изолятора использовались только на работах по самообслуживанию. «Заяцкий остров — женский изолятор — гроза всего женского населения. Исправительное значение Зайчиков несомненно, второй раз сюда не попадают»¹⁰¹.

Первое отделение лагеря состояло из 15 рот, располагавшихся на территории монастыря, и двух рот за его пределами. Заключенные распределялись по ротам и корпусам следующим образом (1923–1929 гг.):

1-я – 2-я роты — заключенные, работающие в лагерной администрации (старосты, заведующие разными производствами и предприятиями), ценные специалисты (в 1929 г. на административно-хозяйственных должностях было 1190 заключенных). Прачечный корпус;

3-я рота — состояла в основном из сосланных чекистов, милиционеров, в лагере работали в информационно-следственном отделе (ИСО) и на других чекистских должностях. Прачечный и частично Новобратский корпус;

4-я рота — артисты и музыканты лагерного театра и оркестра. Благовещенский корпус;

5-я рота — пожарная команда. Благовещенский, Рухлядный корпуса;

6-я рота — «сторожевая», с 1925 г. почти полностью состояла из духовенства. Святительский корпус и больничные палаты, примыкающие к Филипповской церкви;

7-я рота — средний и низший персонал лазарета (санитары, банщики, парикмахеры), частично артисты. Новобратский, Благовещенский корпуса;

8-я рота в основном состояла из самой отпетой «шпаны», использовались на самых грязных хозяйственных работах. Казначейский корпус;

¹⁰¹ Новые Соловки» 1925. № 22; ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2818. Л. 9–10.

9-я рота состояла в основном из рядовых чекистов с правом занимать мелкие посты. Казначейский корпус. «Большинство надзирателей составляют бывшие работники ГПУ... Задания по охране лагеря надзиратели с достоинством выполняют и гордятся своим положением»¹⁰²;

10-я рота — канцелярские работники, медперсонал, другие специалисты. Наместнический корпус.

11-я рота — «рота отрицательного элемента», использовалась на самых простых и грязных работах. Трапезная палата. При этой роте был карцер под Успенской церковью;

12-я рота — рота общих работ. Успенская церковь и келарская палата;

13-я рота — карантинная, через нее проходили все прибывающие на Соловки. Свято-Троицкий собор;

14-я рота — «запретники», находящиеся на тюремном режиме под особым надзором, работали под охраной, только на территории монастыря. Прачечный корпус;

15-я рота — мастерские, то же, что 2-я рота за Кремлем. Прачечный корпус.

Кроме того, на территории монастыря располагались:

Комендатура и канцелярия 1 отделения	Настоятельский корпус
Санчасть и центральный лазарет	Иконописная палата
Центрокухня	Живописная мастерская (пристройка к келарской палате)
Музей СОКа	Благовещенская церковь, Спасо-Преображенский собор, Прядильная башня (на втором ярусе — выставка старинного оружия, на первом — хранилище), крепостная галерея от Благовещенской церкви до Прядильной башни
Депо пожарной части	Святые ворота
Центральный вещевой склад	Филипповская церковь
Швейная и сапожная мастерские	Портная и Чоботная палаты
Пекарня	Монастырская пекарня под Успенской церковью
Театр	Монастырская ризница, а с 1926 г. — общая трапезная для паломников

Монастырская баня на территории монастыря использовалась по назначению для администрации лагеря; соловецкие монахи до конца 1920-х гг. жили в западной части Наместнического корпуса около Сельдяных ворот.

¹⁰² СЛОН. 1924. № 4.

За пределами монастыря располагались еще две рабочие роты.

К северу и северо-востоку от монастыря содержались работники одного из четырех открытых на Соловках сельхозов — пастухи, скотники, кошохи, огородники, возчики. Кроме этого сельхозы были открыты в Савватьеве, на Муксалме и на Анзерах. К югу от монастыря, с постройкой там бараков, стали содержаться железнодорожные рабочие, кузнецы, рабочие судоверфи, механических мастерских, порта и др. 12 марта 1929 г. там же была открыта колония для малолетних преступников.

В Преображенской гостинице на втором и третьем этажах располагалось Управление СЛОНа, с 1926 г. на третьем этаже располагался и криминологический кабинет; на первом этаже — ИСО (следователи, цензоры, камеры), типография, магазин для администрации, кладовые для особо ценного имущества. В Архангельской гостинице содержались заключенные женщины. В Петербургской гостинице на втором этаже жила команда надзора, на первом до 1925 г. жили соловецкие монахи. В Никольском, Дрововозном, Луковом, Германовском корпусах жили солдаты Соловецкого Особого Полка (СОП), комсостав, служащие сельхоза. Во время эпидемии тифа в 1928–1930 гг. в Никольском корпусе располагалось одно из отделений лазарета. В смолокуренном заводе располагалась валяльно-войлочная мастерская, в которой работало до 40 человек¹⁰³.

¹⁰³ ГАОПДФ. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 15; Клиндер А. Указ. соч. С. 163–169; Зайцев И.М. Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай, 1931. С. 70; Никонов-Смородин М.З. Красная каторга (записки соловчанина). Б/м, 1938. С.99, 108–109; Розанов М. Указ. соч. Кн.2. С. 40–47; Новые Соловки. 1926. № 1, 2; 1927. № 47.

Реестр зданий Соловецкой тюрьмы

ПО БАЛАНСУ НА 1 ЯНВАРЯ 1939 ГОДА

Этот интересный документ времен Соловецкой тюрьмы хранился в семье родственников жителя Соловков Виктора Ивановича Яковлева, и в начале 1980-х гг. был передан архитектору-реставратору В.В. Сошину¹. «Реестр» представляет собой амбарную книгу, изготовленную на Соловках, о чем говорят надписи на задней обложке: «Типо-литография и переплетная ЭКЧ УСЛОН остров Соловки»; «При заказе такой книги достаточно обозначить №. Почтовый адрес: остров Соловки через Попов остров Карреспублики». По углам обложки в окружностях находятся изображения слонов.

Ценность представляемого документа в том, что он показывает номенклатуру и состояние строений на Соловецком архипелаге в самом конце существования здесь мест заключения, незадолго до закрытия Соловецкой тюрьмы и появления на островах Учебного отряда Северного флота.

В 1937 г. Соловецкое специальное (штрафное) отделение Беломоро-Балтийского комбината было реорганизовано в Соловецкую тюрьму Главного управления государственной безопасности НКВД СССР. По приказу НКВД от 10 августа 1937 г. «Об объявлении штата Соловецкой тюрьмы» она состояла из пяти отделений: 1-е — Кремль², 2-е — Савватьево, 3-е — о. Большая Муксалма, 4-е — о-в Анзер (законсервировано), 5-е — пересыльное отделение в г. Кемь. После этой реорганизации часть заключенных, в основном уголовники, по-прежнему содержались на лагерном режиме и использовались на внутренних работах по обслуживанию тюремного хозяйства. Многочисленные «командировки», упомянутые в «Реестре», во времена тюрьмы уже не использовались — за исключением тех, которые были включены в ее отделения.

Приказом наркома НКВД СССР Л.П. Берии от 2 ноября 1939 г. за № 001335 Соловецкая тюрьма была закрыта. Заключенные переводились во Владимирскую и Орловскую тюрьмы, а те, кто находился на лагерном

¹ Пользуясь случаем, еще раз выражаем Виктору Ивановичу искреннюю благодарность.

² Так в лагерное время именовали территорию монастыря внутри крепостных стен.

режиме, вывозились в Норильск и Ухту. Все имущество тюрьмы года передавалось Наркомату ВМФ.

«Реестр» имеет 19 граф. В данной публикации показаны 5 граф, содержащих наиболее интересные сведения. Исключены следующие графы: инвентарный номер здания, тип здания с указанием материала (дерево, кирпич), покрытие кровли (тес, толь, железо), общая кубатура, стоимость здания, стоимость здания после переоборудования, % годности, состояние здания, кому передано по балансу, от кого поступило — документы, кому передано — документы; примечание. Не включен также реестр построек 5-го отделения тюрьмы — Морслага, упоминающий 68 сооружений, построенных в 1925–1935 гг. и находящихся на материке (на Поповом острове, в 12 км к юго-востоку от Кеми).

Названия даются по «Реестру», хотя они не всегда правильны: «Елизарова изба», «Толстяки», «Ребольда», «Заячьи острова» и т.д. Пустые строки «Реестра» (имеющие порядковые номера) при публикации опущены.

РЕЕСТР ЗДАНИЙ СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЫ ПО БАЛАНСУ НА 1 ЯНВАРЯ 1939 ГОДА (отдельные графы)

№№ по порядку	Наименование зданий и сооружений	Год постройки	Назначение здания	Учреждение, эксплуатир. здание
---------------	----------------------------------	---------------	-------------------	--------------------------------

I-е ОТДЕЛЕНИЕ

Кремль

1	Наместнический корп. тюрьма	Монаш.	Администр.	1 отделение
2	Казначейский - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
3	Настоятельский - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
4	Благовеценский - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
5	Святительский - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
6	Бучильный - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
7	Новобратский - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
8	Просфорный - - - - -	Монаш.	Администр.	1 отделение
15	Общежитие з/к лагпункта № 1	Монаш.	Жилое	
18	Кремл. баня, мельница, прачечная и сушилка зерна	Монаш.	Коммунальн.	Хозчасть тюр.

19	Часовня против Бучильн. корп.	Монаш.	Коммунальн.	Не эксплуат.
20	Центр. кухня, столовая, кубовая, веш. каптерка, хлебопекарня, б. ларек и железн. склад	Монаш.	Коммунальн.	Хозчасть тюр.
23	Водоразборная будка	Монаш.	Библиотека з/к	
24	Центр. прод. каптерка-тюрьма	Монаш.	Администр.	1 отделение
26	Баня № 2 с вошебойкой	Монаш.	Коммунальн.	
27	Часовня-памятник	Монаш.	Прочие	1 отделение
29	Часовня № 125 по Савват. дороге	1855 г.	Коммунальн.	Не эксплуат.
30	Центр. уборная	Монаш.	Коммунальн.	Не эксплуат.
31	Центр. лазарет	1805 г.	Лечебно-проф.	Санчасть
32	б. Столярный корпус — Управление	1642 г.	Администр.	Ком. Управл.
34	Флигель санчасти	Монаш.	Лечебно-проф.	Санчасть
36	Хлорпикриновая камера	УСЛАГ	Леч.-профил.	Не эксплуат.
37	Лесорама (лесопильн. завод)	Монаш.	Производ.	
40	Электростанция	1910	Производ.	Эксплоат.
46	Общежитие известк. завода	Монаш.	Жилое	Топбаза
47	Контора и общ. изв. завода	Монаш.	Жилье-адм.	
50	Мех. Мастерские УХПП 1 этаж Партком 2 этаж	Монаш.	Производств. Культ.-просвет	Политчасть тюрьмы
54	Сарай при кузнице	Монаш.	Складское	
59	Контора и клад. кот. цеха1			
61	Печь по обжигу извести	Монаш.	Производств.	
62	Склад Спецторга	Монаш.	Складское	Спецторг
63	Сушилка 2 колонны	Монаш.	Коммунальн.	
64	Склад	Монаш.	Складское	
68	Склад т/снабжения строит.	Монаш.	Складское	
69	Склад тары техснаба	Монаш.	Складское	
70	Склад РПЧ и Порта	Монаш.	Складское	Порт
71	Склад Техснаба тюрьмы	Монаш.	Складское	Техснаб тюр.
72	Рухлядный корп. — тюрьма	Монаш.	Администр.	1 отделение

73	б. церковь Филиппа — центр. вец. склад Уснабж. Тюрьмы	Монаш.	Складское	Хозчасть тюр.
74	б. Преображенский собор б. Троицкий собор б. Никольский собор б. церковь Николая с колокольной Пристройки к Преображенск. и Троицкому соборам	Монаш. Монаш. Монаш.	Складское Складское	Хозчасть тюр. Хозчасть тюр.
80	б. Склад соли	Монаш.	Складское	Спецторг
81	Прод. Склад	1857 г.	Складское	Хозчасть
82	Ледник у маслозавода	Монаш.	Складское	Спецторг
83	Склад горючего	Монаш.	Складское	Техснаб тюр.
87	Склад продовольствия (примыкает к Рухлядному корпусу)	Монаш.	Складское	Хозчасть
89	б. Благовещенский собор — музей	Монаш.	Культ-просв.	Зав. клубом
90	б. Квасоварен. корп. — клуб в/н сост.	Монаш.	Культ-просв.	Зав. клубом
95	Барак з/к к/к 1 колонны	Монаш.	Жилое	
96	Стахановский барак 1 колонны	УСЛАГ	Жилое	
97	Кухня и столовая 1 колонны	Монаш.	Коммунальн.	
98	Склад лагпункта № 1	Монаш.	Складское	
106	б. Часовня — Техснаб тюрьмы	Монаш.	Администр. и жилье	
107	Стар. грузовой навес и открытый навес — Порт	Монаш.	Складское	Порт
108	Соловецкий док	Монаш.	Транспортн.	Порт
109	Кремлевская стена	Монаш.	Прочие	1 отделение
110	Набережная стенка	Монаш.	Транспортн.	Порт
111	Пристань на сельдян. тоне	Монаш.	Транспортн.	Не эксплуат.
114	б. Преображенская гостиница	1864 г.	Жилое	Спецторг УХПП
115	Сапожная мастерская и фотография	Монаш.	Производств.	Спецторг
116	Радиостанция	УСЛАГ	Администр.	Радиостан.

120	Изгородь из колючей проволоки вокруг радиостанции	УСЛАГ	Прочие	Радиостан.
121	Артсклад ВОХРа	1933 г.	Складское	1 отделение
122	Изгородь около артсклада	1933 г.	Прочие	1 отделение
124	Общежитие з/к з/к 1 колонны	УСЛАГ	Жилое	
125	Сторож. будка у склада л/х № 209	УСЛАГ	Администр.	Топбаза
126	Сторож. будка у склада Техснаба	УСЛАГ	Администр.	Техснаб тюр.
127	Будка над подводющим каналом у монтажн. мастерской	УСЛАГ	Прочие	Топбаза
129	Уборная у инструм. лесхоза	УСЛАГ	Коммунальн.	Топбаза
131	Сторож. будка дровян. склада	УСЛАГ	Администр.	Топбаза
133	Стрельбище (кладовая)	УСЛАГ	Администр.	
135	Стрельбище-убежище	УСЛАГ	Администр.	
136	б. Баня — Сизо № 1 — кладовая	УСЛАГ	Складское	Спецтор.
141	Кухня-столовая пож. команды	УСЛАГ	Коммунальн.	ВПЧ
152	Уборная за овощехранилищем	УСЛАГ	Коммунальн.	Не экспл.
153	Уборная порта у скл. № 232	УСЛАГ	Коммунальн.	Порт
160	Водоразборная будка	УСЛАГ	Коммунальн.	1 отделение
162	б. Конюшня пож. охраны	УСЛАГ	Транспортн.	
174	Овощехранилище в б. Архиерейском тушике	УСЛАГ	Складское	Спецторг
175	Склад утиль-сырья	УСЛАГ	Складск.- жилье	Хозчасть
178	Деревообделочная мастерская	УСЛАГ	Производств	
180	б. Артсклад	УСЛАГ	Складское	в/ч
181	Склад за кузницей ХПП	УСЛАГ	Складское	
182	Общежитие з/к у глиномялки	УСЛАГ	Строй- конторы	
185	Пождепо	УСЛАГ	Жил-коммун.	ВПЧ
187	Общежитие ОСОБОЗО	УСЛАГ	Жилое	
196	Врем. бензохранилище	УСЛАГ	Складское	ВПЧ

205	Кузница лесхоза	УСЛАГ	Производств.	Топбаза
209	б. Кладовая и инструментальная лесхоза у Известкового завода	УСЛАГ	Складское	Спецторг
215	Контора Спецторга 2 этаж -жилье	УСЛАГ	Адм.-жил.	Спецторг
217	Кремл. водопроводн. сеть	УСЛАГ	Коммунальн.	1 отделение
223	Забор у алебастрового завода	УСЛАГ	Коммунальн.	
225	Колодец для мотопомпы	УСЛАГ	Коммунальн.	
227	Метеорологическая будка	УСЛАГ	Транспортн.	Гидромет. станция
228	Мачта для метеорологич. наблюдения	УСЛАГ	Транспортн.	-----
229	Забор порта	УСЛАГ	Прочие	Порт
231	Карaulьное помещение в/ч	УСЛАГ	Администр.	
232	Общежитие рабочих порта	УСЛАГ	Жилье	
234	Контора МорAGENTства	УСЛАГ	Администр.	Порт
235	Новая набережная	УСЛАГ	Коммунальн.	Порт
236	Будка над колодцем у водоразборной будки № 2	УСЛАГ	Коммунальн.	Не эксплуат.
245	Кладовая у свинарника ВОХРа	УСЛАГ	Сельск. хоз.	
248	Собачник ВОХРа	1936 г.	Администр.	В/ч
254	Колодец у скотного двора (пожарн.)	1935	Коммунальн.	Не эксплуат.
260	Сушилка 1 колонны	УСЛАГ	Коммунальн.	
261	Конюшня кадр. части	УСЛАГ	Транспортн.	
262	Изгородь из колочей проволоки у Центрального продсклада	1936 г.	Прочие	Хозчасть
269	Пожарный подъезд за баней № 2	1936 г.	Коммунальн.	
271	Проходная будка 1 колонны	1937 г.	Администр.	
272	Сарай в порту	1938 г.	Складское	Порт
273	Лазарет лаг. пункта	1938 г.	Лечебное	
274	Ново Сосновский дом	1938 г.	Жилое	
275	Овощехранилище (400 тонн)	1937-38 г.	Складское.	Хозчасть тюр.
276	Уборная над водой прот. б. пождепо	1938 г.	Коммунальн.	Порт

277	Будка на лесобирже	УСЛОН	Администр.	
278	Водоотстойник за ОЛП	УСЛАГ	Коммунальн.	Топбаза
279	Будка над каналом у водоотстойника за ОЛП	УСЛАГ	Коммунальн.	Топбаза
280	Будка у склада угля и дока	УСЛОН	Администр.	Техснаб тюр.
284	Кладовая ДСУ	УСЛОН	Складское	Строй-техчасть
287	Уборная при техснабе	1937 г.	Коммунальн.	
289	Пожводоем у продсклада	УСЛОН	Коммунальн.	
290	Уборная над водой за доком	УСЛОН	Коммунальн.	Порт
303	Общежитие ВПЧ	УСЛАГ	Жилое	ВПЧ
304	Прогулочные дворики	1938 г.	Прочие	Нач. 1 отд.
305	Сторожевые вышки вокруг Кремля 6 штук	1938 г.	Администр	Нач. 1 отд.
306	Раздевалка для катка «Динамо»	1938 г.	Коммунальн.	«Динамо»
307	Мастерская СТЧ	1938 г.	Производств.	Р.С.Г.
308	Сушилка лесхоза	1938 г.	Коммунальн.	Топбаза
312	Гараж АТО	1938 г.	Транспортн.	
313	Жилой 10-квартирный дом	1938 г.	Жилое	
314	Жилой 10-квартирный дом	1938 г.	Жилое	
315	Жилой 10-квартирный дом	1938 г.	Жилое	
317	Сарай радиостанции	1938 г.	Складское	Радиост.
319	Сарай около конюшни кадровой части	УСЛАГ	Складское	

Филимоново³

1	Здание Управления	УСЛАГ	Администр.	Не эксплуат.
2	Жилое здание	УСЛАГ	Жилое	---
3	Общежитие №1	УСЛАГ	Жилое	---
4	Барак № 2 летнего типа	УСЛАГ	Жилое	---
5	Барак № 3	УСЛАГ	Жилое	Спецторг
6	Жилой барак № 4	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
7	Жилой дом (б. ДСК)	УСЛАГ	Жилое	---
8	Жилой барак № 5	УСЛАГ	Жилое	---
9	Кипятилка	УСЛАГ	Производств.	---
10	Дезкамера	УСЛАГ	Леч. профил.	---

³ В Филимоново (монастырской Филимоновской тоне) в лагерное время были мастерские по ремонту и вязанию сетей. Во второй половине 1920-х гг. здесь содержалось много священников, в том числе священномученик Иларион (Троицкий). С конца десятилетия здесь содержались строители и рабочие железной дороги, бригады лесорубов и рабочие торфоразработок. В 1938 г. — штрафная командировка.

Группа заключенных священников в Филимоново. Крайний слева — архиепископ Иларион (Троицкий). Середина 1920-х гг.

11	Конюшня	УСЛАГ	Транспортн.	---
12	б. Дезкамера	УСЛАГ	Коммунальн.	---
13	Склад горючего	УСЛАГ	Складское	---
15	Баня-прачечная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
16	Водопроводная будка	УСЛАГ	Коммунальн.	---
17	Уборная № 3	УСЛАГ	Коммунальн.	---
18	Уборная № 2			
19	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
20	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	---
21	б. Парикмахерская	УСЛАГ	Жилое	---
22	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
26	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	Спецторг
27	Ларек и каптерка	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.
28	Смолокурка	1931г.		
29	Навес для угля	1932 г.	Складское	---
30	Склад горючего	УСЛАГ	Складское	---
31	Водопроводная магистраль на 108 пикет	УСЛАГ	Коммунальн.	---
32	Конюшня	УСЛАГ		

Городки⁴

1	Жилой дом	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
2	Конюшня	Монаш.	Коммунальн.	Не эксплуат.

Нерпичьи⁵

1	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	Не эксплуат.
2	Жилой дом — б. ларек	УСЛАГ	Жилое	- - -
3	Жилой барак № 2 с сушилкой	УСЛАГ	Жилое	- - -
4	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	- - -
5	Жилой барак №1	УСЛАГ	Жилое	- - -
6	Баня	1931 г.	Коммунальн.	- - -
7	Жилой барак № 3	Монаш.	Жилое	- - -

Фильтоня⁶

1	Жилой дом	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
2	Кухня	Монаш.	Коммунальн.	- - -
3	б. Кухня — б. часовня	Монаш.	Коммунальн.	- - -
4	Баня	Монаш.	Коммунальн.	- - -
5	Погреб	Монаш.	Складское	- - -

Ребольда⁷

1	Дом крестьянина	УСЛАГ	Жилое	
2	Жилой дом	Монаш.	Жилое	
5	Баня	Монаш.	Коммунальн.	Не эксплуат.
7	Амбар	Монаш.	Складское	Не эксплуат.
8	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	

Зеленые озера⁸

Пикет № 31⁹

⁴ В лагерное время в Городках содержались в основном белогвардейцы. Во время эпидемии тифа конца 1920-х гг. здесь был лазарет. Здесь же находился пикет ВОХРа (сторожевой пост охраны).

⁵ В лагерное время сторожевой пост ВОХРа, лесная командировка; тут собирали плавник (выброшенные из моря бревна) и содержалась бригада заключенных, ловивших рыбу и морского зверя.

⁶ В этой монастырской пустыни располагалась лагерная командировка неизвестной специализации.

⁷ В лагерное время в Ребольде, бывшей монастырской тоне, велась добыча морского зверя, позже тут расположилась лесная командировка. Из Ребольды совершалась переправа на о. Анзер.

⁸ 5 пустых строк. На северном берегу Большого Зеленого озера в 1927 г. заключенным В.Н. Дегтяревым был организован дендрологический питомник.

⁹ 3 пустые строки. В 1928 г. на острове была построена железнодорожная ветка от «Кремля» до Филимонова для вывоза леса и торфа. Она была разбита на 100 пикетов (пикет — номер стометрового участка). Например, пикет № 8 находился за современным аэродромом, на перекрестке веток на Пертозеро и Филимоново.

Пикет № 58¹⁰

Пикет № 59¹¹

Пикет № 61¹²

Пикет № 83

6	Строение	УСЛАГ	Коммунальн.	Не эксплуат.
7	Строение	УСЛАГ	- - -	- - -
8	Уборная	УСЛАГ	- - -	- - -

Пикет № 84

8	Здание	УСЛАГ	Коммунальн.	Не эксплуат.
---	--------	-------	-------------	--------------

Пикет № 96¹³

Пичуги¹⁴

1	Жилой дом	1936 г.	Жилое	
2	Жилой барак	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
3	Изба ВОХР	Монаш.	Жилое	
4	Навес над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Производство.	Не эксплуат.
5	Навес над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Производство.	Не эксплуат.
6	Дозорная вышка	УСЛАГ	Администр.	
8	Навес над водорослесжигат. печью	1935 г.	Производство.	Не эксплуат.
10	Склад золы и водорослей	1936 г.	Складское	Не эксплуат.
11	Погреб для хранения золы	1935 г.	Складское	Не эксплуат.
12	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	- - -
13	Сарай	УСЛАГ	Складское	- - -
15	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	- - -
17	Сруб без кровли	1936 г.		
18	Рельсы узкоколейные	1936 г.		

¹⁰ 5 пустых строк.

¹¹ 3 пустые строки.

¹² 3 пустые строки.

¹³ 3 пустые строки.

¹⁴ В Пичугах в лагерное время производился сбор и сжигание водорослей. В январе 1932 г. Северйод заключил договор с УСЛАГом на заготовку водорослей на Соловках, были определены участки для сбора водорослей: Овсянка — Нерпичьи, Белужье — Толстики, Березовая — Пичуги, Муксалма — Горелое, Новая и Старая Сосновка. Заключенные командировок, расположенных на этих участках, занимались в основном сбором водорослей. На Пичугах, Толстиках, Овсянке, Березовой тоне и на Троицкой спасательной станции на Анзере находились печи для сжигания водорослей, из золы которых потом получали йод.

Лопушки¹⁵

Толстяки¹⁶

1	Жилое помещение	УСЛАГ	Жилое	
2	Жилое помещение	УСЛАГ	Жилое	
4	Навес над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Производств.	Неэксплоат.
5	Навес над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Производств.	Не эксплуат.
6	Яма для золы	1935 г.	Складское	---
7	Яма для золы	1935 г.	Складское	---
8	Конюшня-сарай	1935 г.	Транспортн.	---
9	Сушилка одежды — баня	1936 г.	Коммунальн.	---

Пушхоз¹⁷

1	Жилой дом	1929 г.	Жилое	Не эксплуат.
2	Кухня-столовая	1929 г.	Коммунальн.	---
3	Жилой дом	1930 г.	Жилое	---
4	Жилой дом	1931 г.	Жилое	---
6	Дезкамера	1931 г.	Ветеринарн.	---
9	Уборная	1930 г.	Коммунальн.	---
10	Каптерка	1930 г.	Складское	---
11	Пождепо	1929 г.	Складское	
12	б. Зоолечебница	1932 г.	Жилое	Не эксплуат.
13	Звер. карантин	1931 г.	Ветеринарн.	---
15	Крольчатник	1929 г.	Сельско-хоз.	---
17	Бойня	1929 г.	Сельско-хоз.	---
18	Теплица	1931 г.	Сельско-хоз.	---
19	Конюшня	1929 г.	Транспортн.	---
20	Пристань	УСЛАГ	Транспортн.	---
22	Сарай для инвентаря	1929 г.	Складское	---
23	Сарай при карантине	1931 г.	Складское	---
25	Склад для горючего	1929 г.	Складское	Не эксплуат.
26	Мост между лисьим и песцовым о-вами	1929 г.	Транспортн.	---

¹⁵ 7 пустых строк. Лесная командировка, в летнее время тут велись сенокосные работы.

¹⁶ Сторожевой пост ВОХРа, здесь велась заготовка плавника, сбор и сжигание водорослей.

¹⁷ Пушхоз (питомник пушных зверей) был организован на островах Долгой губы в 1928 г. (постройка жилья для зверей и рабочих проводилась в 1926–1927 гг.). На Соловки были завезены песцы, красные и серебристые лисы, соболя, ондатры. Заведующим пушхоза был заключенный Карл Туомайнен. Пушхоз был ликвидирован в 1933 г., зверей распродали.

Заготовка дров. Середина 1920-х гг.

27	Пешеходный мост к Биосаду	1931 г.	Транспортн.	---
28	Водохранилище	1929 г.	Коммунальн.	---
29	Колодцы	1928 и 1930 гг.	Коммунальн.	---
31	Башня на острове Лисьем	1929 г.	Администр.	---
32	Звер. изолятор	1929 г.	Ветеринарн.	---
33	Будка у пристани			
35	Мостки причальные	УСЛАГ	Транспортн.	---
36	Пристань пассажирская	УСЛАГ	Транспортн.	---

Перт-озеро¹⁸

1	Сторожевая вышка	УСЛАГ	Администр.	Не эксплуат.
2	Кладовая овощей свинарника	УСЛАГ	Жилое	---
5	Кладовая свинарника	УСЛАГ	Складское	---
8	Жилое помещение	УСЛАГ	Жилое	
9	Кладовая свинарника	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.
10	б. Каптерка	УСЛАГ	Складское	---
11	Кухня свинарника	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
12	Погреб	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.
14	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
15	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
17	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
18	Карбасная мастерская и сушилка	УСЛАГ	Производств.	---

¹⁸ Велась заготовка леса, имелся свинарник.

20	Стоянка катера «Чайка»	Монаш.	Транспортн.	Топбаза
21	Пристань	Монаш.	Транспортн.	Топбаза
22	Будка на плюзе	УСЛАГ	Коммунальн.	Топбаза
24	Уборная	УСЛАГ	Комунальн.	Топбаза

Кирпичный завод¹⁹

2	Общежитие з/к з/к	Монаш.	Жилое	
3	Бывшая баня	Монаш.	Жилое	
6	б. Железнодорожная платформа	УСЛАГ	Коммунальн.	Спецторг
7	Пожарный пирс	УСЛАГ	Коммунальн.	Не экспл.
10	Сарай для тачек	УСЛАГ	Складское	
12	Ларек	УСЛАГ	Торговое	Спецторг
13	Вещкаптерка	УСЛАГ	Складское	
16	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн	
20	Сарай для торфа	УСЛАГ	Складское	
24	Кухня з/к з/к	УСЛАГ	Производств.	
25	Общежитие з/к з/к	УСЛАГ	Жилое	
30	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
31	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
32	Кубовая	1938 г.	Коммунальн.	

СОП²⁰

4	Оранжерея	УСЛАГ	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
5	Парники	УСЛАГ	---	---
7	Навес	УСЛАГ	Складское	---
8	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---

Воздухостанция²¹

2	Кухня и кубовая (1 этаж — мастерская, 2 этаж — жилой)	УСЛАГ	Жилая	Нач. воздухол.
---	---	-------	-------	-------------------

¹⁹ Кирпичный завод (Кирпзавод) был организован на месте старого монастырского. Весной 1925 г. туда была проведена узкоколейная ж/д. Заключенные изготавливали кирпич для нужд лагеря и даже вывозили его на материк.

²⁰ 10 июля 1923 г. в Ленинграде был сформирован 95-й особый дивизион, вскоре реорганизованный в Соловецкий особый полк (СОП) дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского, предназначенный для охраны заключенных на Соловках и в пересыльном пункте. Его численность по штату составляла 652 человека. Военнослужащие жили в монастырских домах около монастыря.

²¹ Воздухостанция (воздушной линии Кемь – Соловки) была открыта в 1926 г., первый гидроплан прилетел на Соловки 4 апреля. Воздухостанции находились в Кемь и на Соловках. На Соловках до сих пор сохранился ангар для гидросамолета 1925 г. постройки (на берегу моря около Тамариного причала).

3	б. Баня — столярная	УСЛАГ	Коммунальн	---
5	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн	---
6	Ледник-подвал (пометка «снесен»)	УСЛАГ	Складское	---
8	Сторожевая будка	УСЛАГ	Администр.	---
9	Ангар	УСЛАГ	Транспортн.	---
11	Склад бензина (пометка «снесен»)	УСЛАГ	Складское	---
12	Склад № 2	УСЛАГ	Складское	---
13	Сарай	УСЛАГ	Складское	---

Хутор Горки²²

Острова Кузова²³

1	Сарай	УСЛАГ		
---	-------	-------	--	--

Переговорный камень²⁴

3	Дозорная вышка	1935 г.	Администр.	Не эксплуат.
4	Жилой дом	УСЛАГ	Жилое	---

Варваринская часовня²⁵

1	б. Часовня	Монаш.	Жилое	Топбаза
2	Жилой барак	УСЛАГ	Жилое	---
3	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
5	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн	---
6	Пристань	УСЛАГ		---

Торфоразработки²⁶

1	Жилой барак	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
2	Скотный двор	УСЛАГ	Сельско-хоз.	Воинск. часть
3	Скотный двор	УСЛАГ	Сельско-хоз.	Воинск. часть
4	Кухня — кубовая			
8	Сарай	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.

²² 18 пустых строк. Хутор Горки (бывшая монастырская Макариевская пустынь) — здесь жил начальник лагеря и его окружение; сотрудниками Соловецкого общества краеведения проводились работы по акклиматизации новых видов растений.

²³ Группа островов на пути между Кемью и Соловками. Здесь располагался сторожевой пост ВОХРа.

²⁴ В районе Переговорного камня располагался сторожевой пост ВОХРа, проводились сбор водорослей и заготовка шланника.

²⁵ При Варваринской часовне в 1923–1930 гг. размещалось Управление лагерного лесничества, рядом был заложены дендропитомники.

²⁶ Командировка на Филимоновском болоте. Тут велись работы по добыче и укладке торфа, которые были одними из самых тяжелых в лагере. На укладке торфа обычно работали заключенные-женщины.

9	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
---	-------	-------	-----------	-----

Песья луда²⁷

1	Жилой дом	УСЛАГ		
2	Сарай	УСЛАГ		
3	Две будки над створным маячным фонарем	УСЛАГ		
4	Баня	УСЛАГ		

Заячьи острова²⁸

1	Жилое помещение	1840 г.	Жилое	Не эксплуат.
2	Жилое помещение	Монаш.	Жилое	---
3	Кухня и жилое помещение	Монаш.	Жилое	---
4	Баня	1895 г.	Коммунальн.	---
5	Сарай для дров	Монаш.	Складское	---
6	Колодец-будка	Монаш.	Коммунальн	---
7	Жилой барак и пекарня	Монаш.	Жилое	---
8	б. Часовня	1702 г.	Складское	---
9	Погреб-землянка	Монаш.	Складское	---
11	Навес	1936 г.	Складское	---
12	Навес над колодцем	УСЛАГ	Коммунальн.	---

Биосад²⁹

2	б. Часовня	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
5	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
6	Погреб	Монаш.	Складское	---
7	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
8	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
9	Сарай	УСЛАГ	Складское	---
10	Плот-пристань	УСЛАГ	Транспортн.	---
12	Площадка-пирс	1936 г.	Коммунальн.	---
13	Пожарный водоем	УСЛАГ	Коммунальн.	---
14	Пожарный водоем	УСЛАГ	Коммунальн.	---

²⁷ Небольшой островок при входе в бухту Благополучия, на нем были расположены сторожевой пост ВОХРа и пост наблюдения за створными знаками.

²⁸ На Заячьих островах в лагерное время было женское штрафное отделение с тюремным режимом. Газета «Новые Соловки» писала: «Заяцкий остров — женский изолятор — гроза всего женского населения. Исправительное значение Заячиков несомненно: второй раз сюда не попадают».

²⁹ Командировка в Филипповской пустыни. В 1925 г. там был открыт биосад, его сотрудники-заключенные проводили большую работу по сохранению животного мира Соловков. Организатором и заведующим биосада был заключенный М.И. Некрасов. С начала 1930-х гг. в пустыни находилась лаборатория йодпрома, в ней работал заключенный о. Павел Флоренский.

Военный городок

1	Дом		Клуб	
2	Дом			
3	Дом		Санчасть	
4	Дом			
5	Дом		Спортзал	
6	Дом			
7	Дом		Штаб	
8	Дом			
9	Дом		Столовая	
10	Дом двухэтажный			
11	Мастерская			
12	Радиостанция			
15	Оружейная мастерская			
16	Два колодца для пожарных целей			
17	Водоем			
20	Продсклад			
21	Овощехранилище			
22	Капустохранилище			
23	Ледник			
24	Фуражный склад			
25	Конюшня			
26	Вещсклад			
27	Обозный сарай			
28	Собачник ВОХРа	1936 г.	Администр.	Воинск. часть

Пикет № 8

8	Домики за пикетом № 8	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
---	-----------------------	-------	-------	--------------

Пер. пункт — ОЛП

1	Общежитие з/к з/к ОЛП	УСЛАГ	Жилое	
2	Общежитие з/к з/к ОЛП	УСЛАГ	Жилое	
3	Общежитие з/к з/к ОЛП	УСЛАГ	Жилое	
4	Общежитие з/к з/к ОЛП	УСЛАГ	Жилое	
6	Уборная - - -	УСЛАГ	Коммунальн.	
7	Кухня - - -	УСЛАГ	Коммунальн.	
8	Прачечная - - -	УСЛАГ	Коммунальн.	
10	Лагпункт - - -	УСЛАГ	Администр.	
11	Проходная будка - - -	1927 г.	Администр.	
12	Караульные вышки - - -			

14	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
15	Каптерка и сушилка	1938 г.		

II-е ОТДЕЛЕНИЕ

Исаково³⁰

1	Двухэтажный дом	Монаш.	Жилое	
4	Сапожная мастерская	УСЛАГ	Производств.	
5	б. Театральная столовая	УСЛАГ	Коммунальн.	
6	Пождепо и общежитие	УСЛАГ	Коммунальн.	Нач. ВПЧ
7	Инструментальная мастерская	Монаш.	Производств.	
8	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	
9	б. Кухня	Монаш.	Коммунальн.	Не экспл.
10	Каптерка	Монаш.	Складское	
11	Ларек	УСЛАГ	Торговое	Спецторг
12	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	
33	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
34	Кладовая для керосина	УСЛАГ	Складское	
35	Продкаптерка	1936 г.	Складское	
37	Уборная	1936 г.	Коммунальн.	
39	Контора	УСЛАГ	Администр.	

Савватьево³¹

1	Тюремный корпус	Монаш.	Администр.	II отделение
3	Клуб в/н состава	1930 г.	Культ-просвет.	II отделение
4	Караульное помещение	Монаш.	Администр.	
5	Овощной склад	УСЛАГ	Складское	Хозчасть
6	Ларек	Монаш.	Торговое	Спецторг
7	б. Кухня	Монаш.12		
8	Общежитие пожарников	УСЛАГ	Жилое	II отделен.
10	Дом сруб	Монаш.	Складское	Не эксплуат.
11	Баня и сушилка	Монаш.	Коммунальн.	II отделен.
12	Кухня кадр. части	1930 г.	Коммунальн.	Воин. часть
13	Барак - - -	1930 г.	Жилое	Воин. часть
14	Барак - - -	1930 г.	Жилое	Воин. часть

³⁰ В лагерное время в Исаково располагался центр лесоразработок.

³¹ В Савватьево (бывшем Савватиевском скиту) в 1923–1925 гг. содержалось до 170 «политиков» — эсеров, меньшевиков, которые в 1925 г. были вывезены с Соловков. В Савватьево был организован сельхоз, лыжная мастерская. В начале 1930-х гг. в Савватьево содержалось много «кулаков» и духовенства.

Савватьево. 1923–1924 гг.

15	Барак - - -	1930 г.	Жилое	Воин. часть
16	Сушилка — дезкамера	1930 г.	Леч-профил.	Не эксплуат.
17	Конюшня	УСЛАГ	Транспортн.	II отделен.
21	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	Не эксплуат.
24	Сарай для горючего	УСЛАГ	Складское	II отдел.
25	Сарай и мастерская	УСЛАГ	Производств.	II отдел.
26	Конюшня новая	УСЛАГ	Транспортн.	II отдел.
27	Забор вокруг тюремного корпуса	1937-38 г.	Администр.	II отдел.
28	Сторожевые вышки 2 штуки	1937 г.	Администр.	II отдел.
29	Прогулочные дворики	1937 г.	Администр.	II отдел.
30	Баня тюрьмы	1938 г.	Коммунальн.	II отдел.

Секирная гора³²

1	Маяк	1855 г.	Транспортн.	Порт
2	Галерея	1855 г.	Транспортн.	Порт
3	Жилой 2-этажный дом	1855 г.	Жилое	Порт
4	б. Пождепо	1855 г.		
6	Склад горючего	УСЛАГ	Складское	Порт

³² На Секирной горе (в бывшем Секиро-Вознесенском скиту) в лагерное время там был устроен штрафной изолятор для мужчин, самое страшное место лагеря. На склонах и у подножия горы проводились одиночные и массовые расстрелы.

10	Баня	1855 г.	Коммунальн.	Порт
13	Общежитие на смолокурке	УСЛАГ	Жилое	Не экспл.
14	Кухня	Монаш.	Коммунальн.	---
15	Собачник	УСЛАГ	Администр.	---

Овсянка³³

1	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	Не экспл.
2	Домик	Монаш.	Жилое	---
4	Дом	Монаш.	Жилое	---
5	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
6	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	---
7	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
8	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
9	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	---
10	Дом с пристройкой	УСЛАГ	Жилое	---
11	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
12	Барак	Монаш.	Жилое	---
13	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
14	Сарай	УСЛАГ	Производств.	---
15	Сарай над водораслесжиг. печью	УСЛАГ	Производств.	---
16	Сарай над водорослесжиг. печью	УСЛАГ	Производств.	---
17	Сарай над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Производств.	---
18	Яма склад	1936 г.	Складское	---
19	Яма склад	1936 г.	Складское	---

Белужье³⁴

1	Дом	Монаш.	Жилое	Не экспл.
4	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	Не экспл.
6	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
7	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
9	Домик	УСЛАГ	Жилое	---
11	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
14	Домик	УСЛАГ	Жилое	---
15	Домик	УСЛАГ	Жилое	---
16	Домик	УСЛАГ	Жилое	---

³³ Крупная лесозаготовительная командировка, здесь же велась добыча водорослей.

³⁴ Здесь проводился сбор водорослей и плавника.

17	Домик			
19	Пикет	УСЛАГ	Жилое	---
20	Вышка	УСЛАГ	Администр.	---

Амбарная³⁵

1	Барак	УСЛАГ	Администр.	Не эксплуат.
2	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
3	Дом ВОХРа	УСЛАГ	Жилое	---
4	Жилой барак	УСЛАГ	Жилое	---
5	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
6	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
7	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	---
10	Барак	УСЛАГ	Жилое	---
12	Склад	УСЛАГ	Складское	---

Ново-Сосновая³⁶

1	Барак одноэтажный	Монаш.	Жилое	
2	Барак с мансардой	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
4	Барак	Монаш.	Жилое	---
7	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
8	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	---
9	Околодок	УСЛАГ	Леч. профил.	---
10	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	---
13	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.
15	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---

Большое Куликово болото³⁷

2	Барак	1927 г.	Жилое	
3	Барак	1927 г.	Жилое	
11	Склад удобрений	УСЛАГ	Складское	
12	Навес-сарай	УСЛАГ	Складское	
13	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	
16	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
17	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
18	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	

³⁵ Штрафная командировка, где велись лесозаготовки.

³⁶ Крупный пункт лесозаготовок в 1926–1929 гг. в бывшей монастырской зоне. Тут осуществлялся рыбный промысел, велась добыча водорослей.

³⁷ Находится в северо-западной части острова недалеко от Исаково. В 1929 г. началась его осушка, были построены бараки для заключенных, в 1934–1938 гг. велись торфоразработки.

Красное озеро³⁸

2	Домик с тамбуром	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
3	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
4	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	---
7	Барак жилой	Монаш.	Жилое	---

Старая Сосновка³⁹

2	Барак	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
3	Смолокурка	УСЛАГ	Производств.	---
5	Сарай	УСЛАГ	Складское	---

Новое Корзино⁴⁰

1	б. Часовня	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
7	Землянка	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.

Валдай⁴¹

1	Конюшня	УСЛАГ	Транспортн.	Не эксплуат.
4	Барак	Монаш.	Жилое	---
5	Баня-сушилка	Монаш.	Коммунальн.	---
6	Уборная	1937 г.	Коммунальн.	---

Трещанка⁴²

1	Барак	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
2	Пикет ВОХРа	УСЛАГ	Администр.	---

Щучье⁴³

1	Барак	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
2	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	---

³⁸ Красное озеро, Валдай, Щучье, Новое Корзино — лесные командировки, в них производилась заготовка и сплав леса. В 1928 г. на Соловках на лесозаготовках работало до тысячи заключенных, к концу 1920-х гг. весь деловой лес на Соловках был вырублен.

³⁹ Лесная командировка в бывшей монастырской тоне, здесь же велась добыча водорослей, имелось смолокурное производство, осуществлялся рыбный промысел.

⁴⁰ См. примеч. к пункту «Красное озеро».

⁴¹ См. примеч. к пункту «Красное озеро».

⁴² Сторожевой пост ВОХРа. Велась добыча водорослей и сбор плавника.

⁴³ См. примеч. к пункту «Красное озеро».

Скит Сергия Радонежского на о-ве Б. Муксалма. Конец 1920-х гг.

III-е ОТДЕЛЕНИЕ

Б. Муксалма⁴⁴

1	Пождено	УСЛАГ	Коммунальн.	ВПЧ
2	Уборная	1927 г.	Коммунальн.	Лагпункт
4	Будка над колодцем	1855 г.	Коммунальн.	Лагпункт
5	Общежитие з/к — будка для весов	1930 г.	Жилое	
6	Общежитие на Муксольме	1927 г.	Жилое	
7	Свинарник	1927 г.	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
8	Парикмахерская и сапожная	1927 г.	Коммунальн.	
9	Общежитие з/к з/к Муксольма	УСЛАГ	Жилое	
10	Свинарник	1927 г.	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
11	Свинарник	1927 г.	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
12	Свинарник	1927 г.	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
13	Администрат. корпус	Монаш.	Администр.	Нач. III отд.
14	Клуб и жилье в/н	1927 г.	Жилье и культ-восп.	- - -
15	Овощехранилище	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.

⁴⁴ До 1925 г. на острове содержалось около 70 «политиков», затем был организован сельхоз, и сюда отправлялись собранные со всех командировок больные, которые уже не могли быть использованы на тяжелых работах.

16	Общежитие з/к з/к	1927 г.	Жилое	
17	Кухня з/к з/к	1927 г.	Производств.	
18	Оранжерея	УСЛАГ	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
20	Овощехранилище	1927 г.	Складское	Хозчасть тюрьмы
22	Ларек	УСЛАГ	Торговое	Спецторг.
28	Здание тюрьмы	Монаш.	Администр.	Нач. III отд.
30	Баня и прачечная	Монаш.	Коммунальн.	III отдел.
31	Общежитие кадр. части	Монаш.	Жилое	Воин. часть
35	Овощехранилище	Монаш.	Складское	Спецторг
36	Дом на дамбе	УСЛАГ	Администр.	
37	Сторожевая вышка	УСЛАГ	Администр.	
38	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
42	Склад керосина	УСЛАГ	Складское	
43	Оранжерея	УСЛАГ	Сельско-хоз.	Не эксплуат.
44	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	Воин. часть
45	Полуземлянка	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.
46	Навес	УСЛАГ	Сельско-хоз.	---
48	Пристань РПЧ	УСЛАГ	Транспортн.	---
49	Водоем у бани	Монаш.	Коммунальн.	---
50	Сарай	УСЛАГ	Коммунальн.	---
54	Кладовая	УСЛАГ	Складское	---
55	Забор вокруг тюремного корпуса	1937 г.	Прочие	III отд. тюр.
56	Сторожевые вышки 2 штуки	1937 г.	Администр.	III отд. тюр.
57	Прогулочные дворики	1937 г.	Прочие	III отд. тюр.

Иванова изба⁴⁵

1	Иванова изба	1858 г.	Жилое	Не эксплуат.
---	--------------	---------	-------	--------------

Фавор гора⁴⁶

1	Пикет (гора Фавор)	1765 г.	Жилое	
2	Сторожевая вышка	УСЛАГ	Администр.	
3	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	

⁴⁵ Сторожевой пост ВОХРа, здесь же содержалась небольшая бригада заключенных-рыболовов.

⁴⁶ Самая высокая точка на острове Большая Муксалма, здесь находился сторожевой пост охраны.

М. Муксалма⁴⁷

3	Сарай	1927 г.	Складское	Не эксплуат.
7	б. Дом ВОХРа	Монаш.	Жилое	Не эксплуат.
13	Будка у пристани	УСЛАГ	Складское	Не эксплуат.

Березовая тonya⁴⁸

2	Кухня	1927 г.	Коммунальн.	Не эксплуат.
3	Сарай над водорослесжиг. печью	УСЛАГ	Производств.	---
6	Дом Йодпрома	УСЛАГ	Жилое	---
7	Баня	Монаш.	Коммунальн.	---
9	Пристань	Монаш.	Транспортн.	---
10	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	---
11	Сарай Йодпрома	1933 г.	Производств.	---
12	Сарай РПЧ	УСЛАГ	Складское	---

Еремеева изба⁴⁹

1	Жилой дом ВОХРа	1930 г.	Жилое	Не эксплуат.
2	Общежитие з/к з/к	УСЛАГ	Жилое	---
3	Будка РПЧ у Еремеевой избы	УСЛАГ	Жилое	---

Горелая изба⁵⁰

1	Жилой дом	УСЛАГ	Жилое	Не эксплуат.
2	Конюшня	УСЛАГ	Сельско-хоз.	---
3	Барак			

IV-е ОТДЕЛЕНИЕ**Анзер⁵¹ (законсервирован)**

1	Тюремный корпус	Монаш.	Администр.	
2	Жилой дом двухэтажный	Монаш.	Жилое	

⁴⁷ По воспоминаниям Д. Виткова («Полжизни»), на Малой Муксалме «живут, не покидая острова, какие-то особые таинственные заключенные». Ю. Чирков («А было все так») писал, что в начале 1930-х гг. здесь на закрытом режиме содержались женщины-людоедки с Украины, сосланные во время страшного голода.

⁴⁸ Здесь велся лов рыбы и морского зверя, с начала 1930-х гг. — сбор и сжигание водорослей. Сторожевой пост ВОХРа.

⁴⁹ Находился сторожевой пост ВОХРа, велась добыча водорослей и лов рыбы.

⁵⁰ То же.

⁵¹ Анзером обычно называли лагерную командировку, размещавшуюся в бывшем Троицком скиту на о-ве Анзер. Там был организован один из четырех лагерных сельхозов.

3	Жилой дом двухэтажный	Монаш.	Жилое14	
4	Общежитие пожарн. — б. часовня	Монаш.	Жилое	
5	Баня	Монаш.	Коммунальн.	
6	Уборная у дома б. с/х	УСЛАГ	Коммунальн.	
7	Конюшня	Монаш.	Транспортн.	
9	Скотный двор с сеновалом	Монаш.	Сельско-хоз.	
10	Сарай	Монаш.	Складское	
11	Склад продуктов	Монаш.	Складское	
13	Вещкаптерка в/н	Монаш.	Складское	
14	Склад	Монаш.	Складское	
15	Колодец у пождепо	Монаш.	Коммунальн	
16	Общежитие з/к з/к	Монаш.	Жилое	
17	Кухня	УСЛАГ	Коммунальн.	
18	Прачечная	УСЛАГ	Коммунальн	
19	Пождепо	УСЛАГ	Коммунальн.	
20	Дезкамера	УСЛАГ	Коммунальн.	
21	Кузница	УСЛАГ	Производств.	
22	Шорная	1934 г.	Сельско-хоз.	
23	Телятник № 2	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
26	Канцелярия л/п	УСЛАГ	Администр.	
27	Склад инвентаря	Монаш.	Складское	
29	Навес для опилок	УСЛАГ	Складское	
30	Силосная яма	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
31	Кухня з/к з/к	Монаш.	Коммунальн.	
32	Молочная ферма	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
33	Силосная яма № 2	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
34	Склад-овощехранилище	УСЛАГ	Складское	
35	Забор у тюремного корпуса	Монаш., 1937 г.	Администр.	
36	Торфосушилка	УСЛАГ	Складское	
37	Силосная яма	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
38	Будка над колодцем	УСЛАГ	Коммунальн.	
39	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
40	Будка у парников	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
41	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
42	Склад горючего	1937 г.	Складское	
43	Сторожевые вышки 2 штуки	1937 г.	Администр.	
44	Прогулочные дворики	1937 г.	Администр.	

Голгофа⁵²

1	б. Собор — общежитие з/к з/к	Монаш.	Жилое	
2	Дом жилой — б. гостиница	Монаш.	Жилое	
3	Дом двухэтажный жилой	Монаш.	Жилое	
4	Кухня	Монаш.	Коммунальн.	
5	Баня старая	Монаш.	Коммунальн.	
6	Баня	УСЛАГ	Коммунальн.	
9	б. Часовня — жилое помещение	Монаш.	Жилое	
10	Перила вокруг собора	Монаш.	Прочие	
11	Склад горючего	1937 г.	Складское	

Троицкая⁵³

1	Жилой дом	Монаш.	Жилое	
2	Жилой дом с мезонином	Монаш.	Жилое	
3	Жилой дом с мезонином	Монаш.	Жилое	
4	Баня	Монаш.	Коммунальн.	
5	Склад снастей	Монаш.	Складское	
6	Ледник	УСЛАГ	Складское	
7	Кухня-землянка	УСЛАГ	Коммунальн.	
8	Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	
9	Кухня с пристройкой	УСЛАГ	Коммунальн.	
10	Сторожевая вышка	УСЛАГ	Администр.	
11	Пристань	Монаш.	Транспортн.	
12	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
13	Навес над водорослесжигат. печью	УСЛАГ	Транспортн.	
14	Сарай	УСЛАГ	Складское	

⁵² Лагерная командировка в бывшем Голгофо-Распятском скиту о-ва Анзер. До 1925 г. на Голгофе и в Троицком скиту содержалось до 50 «политиков». До 1927 г. в храме на Голгофе содержались «мамки» — женщины с детьми, родившимися в лагере. В конце 1920-х гг., во время эпидемии тифа, здесь был устроен лазарет, в котором 7 февраля 1929 г. скончался священномученик Петр (Зверев).

⁵³ Командировка, располагавшаяся в бывшей монастырской Троицкой спасательной станции (о-в Анзер). К концу 1920-х — начале 1930-х гг. там содержалось более 30 католических священников. В 1929 г. по инициативе епископа Болеслава Слоскана была организована коммуна из 32 ксендзов, существовавшая до 1932 г. В Троицкой до своей болезни содержался и священномученик Петр (Зверев). В начале 1930-х гг. был организован участок по добыче и сжиганию водорослей для получения йода.

Кирилловская тона⁵⁴

1	б. Часовня — жилое помещение	Монаш.	Жилое	
2	Жилой дом с мезонином	Монаш.	Жилое15	
3	Сарай для снастей	Монаш.	Складское	
4	Склад для кладки	Монаш.	Складское	
5	Склад-ледник	УСЛАГ	Складское	
9	Жилой дом	УСЛАГ	Жилое	
10	Жилой дом	УСЛАГ	Жилое	
11	Дезкамера	УСЛАГ	Лечебно-профил.	
12	Склад, холодильник и конюшня	Монаш.	Складское	
13	б. Электростанция — жилое помещение	1935 г.	Жилое	
16	Баня	Монаш.	Коммунальн.	
17	Кухня	1934 г.	Коммунальн.	
18	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
21	Уборная	1935 г.	Коммунальн.	
22	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	

Новые Городки⁵⁵

1	Кухня и красный уголок	1930 г.	Коммунальн.	
2	б. Сушилка	УСЛАГ	Коммунальн.	
3	Баня	1930 г.	Коммунальн.	
4	Дезкамера	УСЛАГ	Лечебно-профил.	
7	Барак ВОХРа	1930 г.	Жилое	

Старые Городки⁵⁶

1	Изба	Монаш.	Жилое	
3	Домик для песцов	УСЛАГ	Сельско-хоз.	
4	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	

Капорская⁵⁷

1	Дом с мезонином	Монаш.	Жилое	
2	Дом с баней и пристройкой	Монаш.	Жилое	

⁵⁴ Здесь в лагерное время велись заготовка плавника и лов рыбы.

⁵⁵ База ВОХРа.

⁵⁶ Пункт Пушхоза с конца 1920-х гг.; песцы находились здесь на полувольном содержании.

⁵⁷ Здесь велись заготовка дров, лов рыбы, в летнее время косилось сено.

5	Жилой дом с пристройкой	Монаш.	Жилое	
6	Навес для лошадей	УСЛАГ	Складское	

Елизарова изба⁵⁸

1	б. Часовня — изба	Монаш.	Коммунальн.	
---	-------------------	--------	-------------	--

Плотницкая изба⁵⁹

1	Жилая изба	Монаш.	Жилое	
---	------------	--------	-------	--

Могильники⁶⁰

1	Жилая изба	Монаш.	Жилое	
2	Землянка	УСЛАГ	Жилое	

Кеньга⁶¹

1	б. часовня	Монаш.	Жилое	
2	Дежурное помещение и склад	УСЛАГ	Жилое	
3	Уборная	УСЛАГ	Коммунальн.	
4	Пристань	Монаш.	Транспортн.	

Колгуй⁶²

1	Сторожевой пикет	1936 г.	Администр.	
2	Наблюдательная вышка	1936 г.	Администр.	

⁵⁸ Здесь велась заготовка дров.

⁵⁹ То же.

⁶⁰ Небольшая командировка, где собирали плавник.

⁶¹ Пристань на о-ве Анзер, через которую шел основной поток людей и грузов с Б. Соловецкого о-ва и обратно. Здесь был сторожевой пост ВОХРа и помещение для принятия этапов.

⁶² Здесь располагался сторожевой пост охраны.

Сошина Антонина Алексеевна
На Соловках против воли: судьбы и сроки. 1923–1939

Редколлегия

Варвара Аксючиц-Лаушкина,
Алексей Лаушкин,
Василий Матонин,
Светлана Рапенкова

Корректор

Елена Здорик

Макет

Светланы Рапенковой

Подписано в печать 18.10.2021

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство Товарищества Северного Мореходства
www.solovki.info

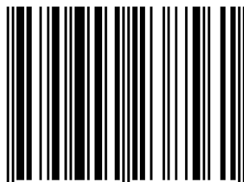
Отпечатано

в филиале «Чеховский Печатный Двор»

ОАО «Первая Образцовая типография»

www.primepress.ru

ISBN 978-5-6042385-6-1

9 785604 238561